

ОТРАЖЕНИЯ

Марина Фурман

Пятый Крестовый Поход против демонов Бездны окончен. Командор мертва. Но Ланн не из тех, кто привык сдаваться — пусть он человек всего наполовину, упрямства ему всегда хватало на десятерых. И даже если придется истоптать земли тысячи миров, он найдет ее снова, кем бы она ни стала. Но последний проход сквозь Отражения закрылся за спиной, очередной мир превратился в ловушку — такой родной и такой чужой одновременно.

Смелость — это не всегда рев. Иногда смелость — это тихий голос в конце дня, который говорит: «Завтра я попробую снова».

Мэри Энн Радмахер

Рано или поздно человек привыкает ко всему: к любой боли, несправедливости и потерям. Смирение и усталость со временем сглаживают острые углы, и те перестают терзать сердце, вращая в него навсегда. Ланн — человек только наполовину, а его вторая половина прямо-таки создана для того, чтобы переносить самые отвратительные условия и прекрасно с ними справляться. Может, поэтому он так и не смирился. Нечеловеческое упорство протащило его через несколько планов и бесчисленное количество земель, где солнце сияло для других и никогда — для него. Больше не нужно думать о времени, давно розданы все долги, и Перекресток Миров готов принять его, когда бы он ни вернулся со своей единственной просьбой — «Отведи меня к ней».

Но однажды он вернулся на Голарион, а Перекрестка за спиной не оказалось. Странно ожидать постоянства от порождения души Дрезенской Обманщицы, и все же за столько лет Ланн привык к нему, а теперь... Ни рычания демонов, ни хихиканья фей, ни песен Элизиума — только тишина и поросшие травой камни на дне разлома, а за разломом — Дрезен.

Город оказался совсем не тем вертепом, каким Ланн его запомнил. Пьяницы не составляли большую часть населения. Игрный дом был ровно один и представлял собой крепкую таверну, а не вереницу ярко украшенных особняков. Люди на улицах в основном были людьми, а не планарными путешественниками. А жизнь была жизнью тихого северного форпоста, для которого война закончилась десять лет назад.

Все, что осталось здесь от Пятого Крестового Похода — это песни о героях, которые победили полчища демонов, закрыли Мировую Язву и растворились среди тысяч других голарионцев. Никто не вспоминал ни красивого аазимара, ни жуткого гнома, ни помешанную на исследованиях лисицу, ни монгрелов, будто они здесь и не жили никогда, и не проливали кровь за этот город. Так что увидев мужчину наполовину покрытого чешуей с одиноким козлиным рогом, люди были склонны считать его очень странным тифлингом, а не живой легендой времен Первого Крестового Похода.

Чуть лучше народная память обошлась со святой праведницей — ей все еще возносили молитвы, но имя ее уже затерялось в молве.

Только командор Сайдири сохранила свое имя. Говорили, что после закрытия Язвы она вознеслась и встала в ряды ангелов Йомедай. Говорили, что сгинула, пытаясь спасти всех. И, наконец, говорили, что она еще здесь, бродит среди руин павшего Саркориса, следя за тем, чтобы раны этой земли не открылись вновь.

Найти хоть кого-нибудь, кто одновременно придерживался бы последней версии и имел доказательства, оказалось невозможно. Многие встречали на дорогах путешественниц, охотниц, торговок, но ни один не помнил лица командора, чтобы с уверенностью сказать, что это была именно она.

Будь трижды проклят келешидский обычай заматываться в тряпки по самую макушку! Разговаривая с друзьями и ближайшими соратниками, Сайдири стягивала платок к подбородку, но на улице носила его всегда. Тогда это казалось умным ходом, особенно для мастера ножей, что должен оставаться неузнанным, но сейчас...

Вольжиф не раз упражнялся в остроумии насчет привычки келешидских воров носить намордники, но Сайдири только смеялась в ответ и предлагала ему обсудить недостатки этой детали гардероба во время следующей песчаной бури. Или нашествия вескаворов. Или в облаке ядовитого газа. Или... Ворча что-то об «этих чокнутых песочниках», Вольжиф обычно не слушал.

— Брось ты это дело, парень, — допивая эль, усмехнулся солдат, которого Ланн угостил в надежде найти хоть какой-то след. Седящий мужчина по имени Самаэль в выдавшем виды снаряжении оказался одним из немногих, кто жил в городе десять лет назад и служил под началом командора. — Легенды должны оставаться легендами, — сделав паузу, он добавил с нажимом: — а мертвые должны лежать в земле.

— Я слышал, у командора всегда находилась пара слов для тех, кто пытался объяснить ей, что она должна делать, — тяжело поднявшись из-за стола, Ланн взялся за сумку. — Повторять их я не стану.

— Охотник, да? — зацепившись взглядом за длинный лук, задумчиво протянул Самаэль и поднялся тоже. — Во владении Зимнего Солнца лучшие уголья в округе. Не пренебрегай гостеприимством Эрастила.

Ланн пожал плечами. Почему бы и нет? Так или иначе он не успокоится, пока не обойдет все земли, где когда-то цвела Язва. А затем весь Голарион, если потребуется.

* * *

Большая часть клана Зимнего Солнца покинула свои владения, когда Сайдири командовала крестовым походом. Осталось лишь несколько домов со стариками, которые отказались уходить, заявив, что родились здесь и здесь умрут. Тяжелые воспоминания их не пугали, у них давно не осталось ничего, кроме воспоминаний.

Как же Ланн их понимал.

Сначала попросить ее послушать, как он читает во время привала, казалось хорошей идеей, но Ланн проклял все на свете уже через десять минут. Впрочем, сидящая рядом, страшно сказать, рыцарь-командор Пятого Крестового Похода невозмутимо чистила свои ножи и только изредка поглядывала в книгу. В нескольких метрах от них возлежал на своем спальнике граф Арендей, у костра возился Вольжиф, рыцарь преисподней изображал мебель чуть дальше, где-то на фоне тут и там мелькал рыжий хвост кицунэ.

— Коволе... — чертово длинное слово никак не давалось. — Коло... — Ланн вздохнул и сдался. — Проклятье, может, поможешь?

— Я? — Сайдири в удивлении вскинула брови, а затем пожала плечами, отчего волнистые, черные как смоль волосы выбились из-под платка еще сильнее, — Ладно... Корове... Кове...

Ланн стиснул зубы и захлопнул книжонку, Сайдири отшатнулась. Вот с чем с чем, а с реакцией у нее все в порядке, в отличие от чувства такта.

— Спасибо большое, — проворчал он, складывая книгу в сумку. — Огромное просто. Просишь помощи — получаешь насмешки. Прямо как в школе... чудесные воспоминания детства... как же я по ним не скучал.

Он метнул в нее тяжелый взгляд и передумал отводить глаза, потому что на ее лице было написано полное недоумение.

— Да с чего ты взял, что я читаю на общем лучше тебя? — нахмурилась она и подняла кинжал. — Келешидская письменность выглядит вот так. С тех пор, как я ушла, мне чаще приходилось договариваться и монеты считать, чем...

— О, — сказал Ланн, который до сих пор как-то не задумывался о том, что надземных языков может быть больше одного, как и наборов букв... или что это за закорючки с точками на лезвии? — Неудобно, наверное... с бумагами работать.

— Ерунда, — отмахнулась она и бесцеремонно ткнула пальцем в графа. — За меня читать будет вот он.

Граф Арендей лишь чуть-чуть приподнял голову от спального мешка, но все равно каким-то магическим образом умудрился посмотреть на них свысока.

— Как высококвалифицированный советник по ненаправленным коммуникациям, я точно знаю, куда направить человека, который пытается свалить на меня свои обязанности, — он уронил голову на скрещенные руки снова и трагически вздохнул. — И, кстати, это было слово «королевство», мои необразованные друзья. Подумать страшно, с кем приходится работать...

— Смотри-ка, отлично получается, — фыркнула Сайдири. — Возможно, мне стоит повесить тебя до придворного учителя чтения, о почтеннейший из мудрецов?

— Ты не посмеешь, — протянул граф, но все же подозрительно покосился в ее сторону. — К тому же, это вынудит меня к крайним мерам...

Сайдири горделиво скрестила руки на груди и вытянула ноги.

— Ну давай, удиви меня!

Граф с достоинством приподнялся, размял шею, поправил манжеты, повернул голову куда-то в сторону и крикнул:

— Нэнио! Ваши последователи хотят узнать побольше о письменности Голариона!

— Ах-хара!* — командор вскочила на ноги и быстро хлопнула Ланна по плечу. — Надеюсь, бегаешь ты быстрее, чем читаешь!

*Вот дерьмо! (прим. авт.)

Жили здесь и люди помоложе: они пришли, чтобы промышлять охотой уже после войны. О командоре они слышали только сказки, но любили делиться байками о том, будто несколько лет назад в лесу еще водились чудовища, огромные, как соседский сарай.

В том, что некоторые демоны остались на поверхности после закрытия Язвы, Ланн не сомневался. Земля кишела ими, они просто не могли успеть вернуться в Бездну все до единого. Но вот в том, что демоны живут около этого поселения и не доставляют никаких проблем...

— И вы не боитесь с тех пор ходить на охоту?

— Так кого бояться? — соскребая жир со шкуры кабана, усмехнулась крепкая светловолосая женщина. — Передохли они давно. С голоду, видать. Наши слишком быстро бегают, чтобы их поймать, да и зверье в лесу ушное. Хочешь, сам сходи в Темный Распадок, посмотри.

Темным Распадком здесь называли оставшийся от Язвы разлом, за последние десять лет порядком осыпавшийся и заросший. Травы покрывали низину, питаясь скапливающийся в ней водой. Деревья в человеческий рост и немного выше разрастались быстро, поднимаясь одно за одним из когда-то безжизненной земли.

Кости демонов, высушенные ветрами и выбеленные солнцем найти оказалось несложно: огромный корпус ребер нальфешни и шипы вавакии ни с чем не спутаешь. И судя по положению трупов и расстоянию между ними, дрались они явно не между собой. Разумеется, их мог прикончить патруль, но все же...

Ланн опустил на колени рядом со скелетом и с раздражением смахнул с головы

ненужный сейчас капюшон. Он бы его и не надевал, но за последнюю неделю порядком устал отвечать на вопросы о странном подвиде однорогих тифлингов. Плоть демонов давно истаяла в землю, но на костях могли остаться повреждения от оружия...

Ничего. Белые как снег. Гладкие как лед.

Выругавшись, он поднялся. Еще один тупик. Подумаешь! Разве мало их было? Разве мало будет? Не раскисай, Ланн! Твоя жизнь теперь такая чертовски долгая штука, отчаяться еще десятки раз успеешь!

Пнув с досады торчащие из земли ребра и выворотив вместе с ними здоровенный кусок черной земли, он замер. Что-то блеснуло лишь на миг и с практически неразличимым шорохом снова упало в траву. Осторожно склонившись, Ланн поднял узкий кусочек металла с мизинец толщиной. Точки и изгибы келешидской вязи чернели на осколке лезвия. За столько лет его даже не тронула ржавчина.

Пятый Крестовый Поход привлекал людей со всего света, и сотни последователей Саренрэй из падишах-империи Келеш шли в первых рядах. Это все еще мог быть патруль и совпадение... и Ланн бы так и подумал, если бы его не ткнули в Зимнее Солнце носом несколько недель назад.

— Так значит, лучшие уголья в округе, Сэм? — проворачивая осколок в пальцах, выдохнул Ланн и улыбнулся впервые за очень, очень долгое время.

Несколько лет назад во владении Зимнего Солнца появилась другая Солнечная Госпожа.

* * *

Ланн задержался в поселении: он познакомился со стариками, подружился с охотниками, ходил с ними в лес, расспрашивал о странностях по второму и третьему кругу и все ждал, ждал, ждал... Не того, конечно, что Сайдири как-нибудь с утра просто распахнет дверь пустого дома, который он занял, а... любого знака, малейшей зацепки. Но недели утекали как песок сквозь пальцы, весна согревала землю и рассыпала по лугам цветы, но не происходило ровным счетом ничего интересного.

Здесь не промышляли разбойники, не шалили феи, мертвецы не вставали из могил и даже волчьи стаи вели себя благопристойно, охотясь на почтительном расстоянии от селения.

Местные уверены, что это благословение Эрастила.

Ну да, конечно.

Притащить сюда десяток головорезов, чтобы проверить предположение об источнике покоя и благоденствия Зимнего Солнца было бы как минимум негуманно. Особенно по отношению к головорезам, которые, если догадка верна, расстанутся с жизнями еще до того, как обнажат клинки.

Но что-то нужно сделать, потому что к исходу весны стало ясно, что Сайдири не зайдет просто так на огонек, чтобы купить провиант и снаряжение. Она не живет среди этих людей и не появляется в качестве гостя. Так где же она?

— Это древние саркорианские захоронения, — кивнул охотник по имени Тайбер на скопление поросших мхом камней. — Ничего там не трогай.

Ланн рассеянно кивнул и прошел дальше. Он прекрасно помнил это место. В углублении алтаря располагался тайник, а в нем — полуистлевшая зачарованная уздечка. Во времена, когда для армии важна была каждая лишняя монета, Сайдири пыталась наложить руки на это сомнительное сокровище, но из-под земли выросли призраки древних

саркорианских воинов и подняли такой ор, что она очень быстро положила уздечку на место, и вид у нее при этом был...

Ланн позволил себе бледную полуулыбку. Командор выглядела такой уморительно-растерянной и совершенно искренне смущенной под грозным напором разъяренных мертвецов, как будто никогда в жизни до этого ничего не крала. Или не попадалась.

Замедлив шаг он повернул голову к алтарю и улыбнулся шире. Годы жизни рядом с Великой Шутницей даром не прошли.

Интересно, сколько ночей призраки должны орать, чтобы она пришла заткнуть их? Местные забеспокоятся уже через день или два, поскольку охотники ходят этой дорогой на промысел. Но как скоро о взбесившихся призраках узнает новая Солнечная Госпожа?

Подготовку пришлось отложить еще на пару недель по крайней мере для того, чтобы охотники не сложили два и два и не выперли его из поселения за вредительство, как только с пустошей понесется древний саркорианский мат. Кто бы мог подумать, что тяга к дурацким розыгрышам — это заразно? Может быть, Сайдири даже оценит и они посмеются вместе?

Если, конечно, он это все не выдумал...

Неважно. Никто не пострадает. Если он ошибся, то достаточно вернуть сокровище на место — и в этих местах снова воцарится покой.

* * *

Два дня обернулись вечностью, а непрекращающаяся саркорианская ругань превратила ее в маленький ад. Лунный свет струился по скалам, окутывая их почти мистическим сиянием, воздух был так прозрачен, что, казалось, его можно пить, и только звуки нарушали эту идиллию.

Ланн не знал, как скоро ожидать визита Солнечной Госпожи, и не мог уйти далеко от алтаря. Призраки его не видели, но орали все равно. Хуже он себя чувствовал только в той гнилой таверне в Алушнирре, когда они с отрядом так устали, что были не в состоянии вернуться в Нексус и решили остаться на ночь там.

— Господа, это была ужасная стратегическая ошибка, — вытирая свои кинжалы от крови воров, решивших поживиться имуществом голарионцев среди ночи, серьезно проговорила Сайдири. — В следующий раз переночуем в борделе.

Регилл, Ланн, Арушалай и, внезапно, Дейран в поразительном приступе единодушия отрицательно покачали головами, поскольку пояснить свою позицию по этому вопросу сил не осталось ни у кого из них.

— Да что вы скучные такие?! — искренне возмутилась она. — Грейбор, скажи им, что бордель не хуже других мест в Алушнирре!

— Хррр, — отозвался дварф прямо с пола. Как только метательный топор вернулся ему в руку и перестало биться сердце последнего вора, он снова уснул. Грейбор жил в Бездне как рыба в воде.

Ланн улыбнулся и потер усталые глаза. Иногда, очень редко, ему хотелось быть таким, как Грейбор. Не тяготиться своим одиночеством, не нуждаться ни в ком...

Звонящая тишина опустилась в низину так резко, что буквально оглушила его. Ланн вскочил на ноги. Внизу, под утесом на котором он расположился, темная фигура в плаще с капюшоном складывала что-то в тайник в алтаре. Очевидно, она решила не тратить время на поиски украденного и просто принесла что-то подходящее с собой. Выпрямившись, она характерным жестом отряхнула руки. Ланн видел этот жест сотни раз.

— Саи... — выдохнул он, но не услышал даже сам себя, так громко в ушах стучало

сердце. Сделав еще один отчаянный глоток воздуха, он закричал: — Командор!

Вздрагнув, фигура развернулась с быстротой, на которую едва ли способен хоть кто-то из смертных. Мелькнули над маской широко распахнутые черные глаза...

Сколько проклятых лет, сколько пройденных дорог, сколько одиноких ночей...

Все это закончится.

Сейчас.

— Как я рад тебя... — широко улыбаясь, проговорил он и осекся, когда, натянув капюшон поглубже, фигура растворилась в воздухе, — не видеть. Проклятье!

Ланн прекрасно знал, что она так может, но не предполагал, что она станет прятаться от него. Зачем?

Ответ в метательной склянке разбился прямо под его ногами, Ланн едва успел отступить в сторону. Сайдири не считает его другом. И определенно не рада его видеть.

Одним движением он спрыгнул с утеса, рискуя переломать себе ноги, но чудом устоял. Вокруг алтаря пусто, между камнями утеса — тоже. И если она по-прежнему разбирается в том, как заметать следы, он ее не найдет.

— Попался! — с легким хлопком две ладони опустились ему на ребра, и Ланн вздрогнул, едва не выронив чашку.

С тех пор, как командор разучила заклинание невидимости, покоя в лагере не стало никому, но если за подобные шутки от параликтора Деренге можно было на полном серьезе получить чеканом в колено, то Ланн только делал вид, что злится.

— То есть пока мы в тылу врага пытаемся пробраться мимо полчищ демонов и без того имеем кучу проблем с маскировкой лагеря, — осуждающим тоном начал он и развернулся, с сожалением отмечая, как соскальзывают руки, — доблестная командор Пятого Крестового Похода планомерно доводит лучника до икоты. Я из последних сил надеюсь, что это какой-то коварный план, который в итоге приведет нас к победе.

Сайдири стянула платок и улыбнулась, обнажив ровные белые зубы. Такой улыбкой можно города брать, не то что построенные как попало временные укрепления вроде монгрельских парней.

— Нет, мне просто нравится тебя трогать.

Могла бы сказать, что это тренировка бдительности. Он бы поверил, честное слово!

— Перестань, — отвернувшись и чувствуя, как отчаянно краснеет кончик его единственного уха, проворчал он.

Погоня бессмысленна. Пусть он бежит гораздо быстрее нее, но видеть невидимое так и не научился. Сайдири не будет шуметь и не оставит следов — слишком долго училась этого не делать.

Но это она. И она здесь. Все остальное — лишь вопрос времени. И время у него есть.

Ланн вернулся на утес и осмотрел осколки и жидкость, блестящую на траве в свете луны. Ни цвета, ни запаха — это просто вода.

Святая вода.

Сайдири подумала, что он призрак. Стало быть, в этом отражении он умер. Печально, но все еще лучше, чем найти ее замужем за кем-то поразительно похожим на тебя. Значит, она пойдет проверить могилу, чтобы узнать, что это ему не лежится спокойно. За два года в крестовом походе Ланн мог сдохнуть десятки раз в десятке разных мест, но только в одном из них воскрешать его было бессмысленно.

В Долине Храмов.

* * *

Жизнь возвращалась в Язву медленно, но все же за десять лет из безжизненной пустыни Долина Храмов превратилась в пустыню обитаемую. Тонкий слой трав и мхов тут и там

покрывал скалы, песок разрезали пересохшие к лету русла весенних ручьев. Интересно, живут ли монгрелы где-то поблизости или они предпочли уйти подальше от Язвы, как сделали его собственные соплеменники? Дети, с которыми он возился, должно быть, давно выросли. Было бы любопытно посмотреть на них, раз уж дома не пришлось...

По дороге в Долину Храмов Ланн не нашел никаких следов, но не видел смысла возвращаться назад — дважды на одну и ту же уловку Сайдири не купится, а других предположений о том, куда она могла отправиться, у него все равно нет. Но на пятый день, оглядывая с обрыва разрушенный храмовый комплекс, укрытый роскошным ковром ярких синих цветов, он заметил темную фигуру, прислонившуюся спиной к камню. Цветы медленно склонялись под знойным ветром и поднимались снова.

Сайдири не двигалась, пока Ланн спускался с обрыва, но и не сводила с него глаз.

— Кто ты такой? — требовательно спросила она за миг до того, как он ступил в море цветов.

— Пять дней пути и ни одного следа от призванного пивного элементаля, — он остановился и улыбнулся как можно дружелюбнее, молясь, чтобы подвижная половина лица его не подвела. — Тут впору спрашивать, кто ты такая и что ты сделала с нашей развеселой командором?

Командор молчала: не изменилась ни поза, ни выражение ее темных глаз — настороженное, подозрительное. Не то чтобы Ланн ожидал, что она бросится ему на шею, как только увидит под лучами солнца и поймет, что он вовсе не мертвец, но...

Ну, хорошо, он ожидал.

— Значит, — вздохнул он, — яд Савамелеха все же убил меня.

Сайдири медленно кивнула. Ланн бы многое отдал, чтобы заставить ее снять чертов платок. Пусть улыбнется ему, как раньше, пусть скажет, что тоже очень скучала...

— Отличный был план, — сдвинув черные брови, проговорила она. — Надежный, как дварфийские часы. Как только последний соперник Савамелеха упал на землю, корчась в судорогах, демон приказал своим детям убить нас. Никто не воспротивился.

Неправда, монгрелы сражались против Савамелеха! Ланн позвал их против демона, и они слышали его голос даже сквозь демоническую скверну!

— Святая Иомедай! — выдохнул он и отпрянул, не замечая, как командор морщится под маской.

Он думал, что выжил потому, что точно знал, для чего ему жизнь, но... Но что если на самом деле он выжил потому, что за его спиной стояла вся удача этого мира? Великая обманщица. Дрезенская шутница. Рядом с ней любые безумства были обречены на успех! Но стоит убрать ее из этой истории, как риск оборачивается трагедией...

— Неужели ты думаешь, что я стала бы отговаривать тебя от такого восхитительного безумного трюка? — радостно улыбаясь, проговорила она. — Я горжусь тобой!

Она не боялась за него. Никогда. Она знала, что все закончится наилучшим образом, даже если не знала, как именно. Эту уверенность давала ей непостижимая сила, до конца которую не понимала даже сама Арилу Ворлеш.

— А ты? — Ланн сделал шаг вперед. — Что случилось с тобой?

Командор подняла ладонь вверх, призывая остановиться. Он нахмурился и опустил глаза. Земля под цветами была неровной — через равные промежутки ее пересекали борозды и холмы. Ланн задержал дыхание.

Они все здесь. Под этими волнами колышущихся цветов, синих, как море. Она

остановила его, чтобы он не потревожил могилы. Монгрелы вышли из-под земли только для того, чтобы под землю вернуться.

Спустя несколько секунд он поднял полный боли взгляд, но меж камней гулял только ветер.

— Вернись! — выкрикнул он, прекрасно зная, что это бесполезно. — Это не смешно, Саи!

* * *

Бегать кругами вокруг храмового комплекса Ланн не стал. Во-первых, знал, что это бессмысленно. Во-вторых, тоска придавила к месту не хуже двух футов земли.

Наверное, он не должен чувствовать себя так паршиво. Это же не его жизнь, в конце концов. Это отражение обошлось с монгрелами жестоко, но что с того? Отражений тысячи, и каждое хранит миллионы искореженных судеб. Если жалеть о каждой, не хватит даже самой длинной жизни, а он уже и так потратил целую треть на поиски женщины, которая не хочет с ним разговаривать. Его собственное племя живет где-то очень далеко отсюда, и с ними все в полном порядке. Он сделал для них все, что смог.

А тот, другой Ланн... ему просто не повезло.

С трудом убедив себя убраться подальше с открытой местности, он разбил лагерь за камнями, без аппетита пожевал какие-то припасы и уснул. Завтра он отправится в Зимнее Солнце снова и что-нибудь еще придумает...

* * *

— Да, это точно здесь, — высокомерный тон выдавал эльфов лучше, чем их уши, Ланн поморщился сквозь сон. — Можете взять себе все, что найдете. Мне нужны только тела.

А вот этого уже достаточно, чтобы распахнуть глаза и схватиться за оружие. Что этот лист сушеный только что сказал?!

— Ты золотые горы обещал, — пробасил громила в выдавшем виды кожаном доспехе. Ланн прижался спиной к камню, спешно набрасывая на плечо перевязь с колчаном и стрелами. — Уверен, что поживиться есть чем?

— Безусловно, — кивнул высокий эльф, медленно натягивая на холеные руки черные перчатки. — Питомцы командора были обвешаны магическими вещами, как деревья на День Жатвы. Кольца, пояса, оружие — все ваше.

Звон лопат о каменистую почву резал слух сильнее стали, Ланн сцепил зубы.

Это неправильно! Так нельзя! Неужели монгрелы при жизни мало вытерпели, чтобы какой-то холеный кретин заставлял их плясать под дудочку после смерти?

Мысли носились в голове, сшибаясь друг с другом и отскакивая снова, глаза привычно пересчитывали противников — один, два, три, пять и некромант. Что, просто перебить их всех? Даже наемников? А то он сам никогда в жизни мертвецов не обирал, считая, что их отряду вещички пригодятся больше... Отправить на встречу с Ургатоа только некроманта? Вряд ли его ребята останутся в стороне. И еще, они ведь не на себе весь этот инструмент притащили, где-то должна быть повозка или две, и, возможно, охрана при них...

— Я что-то нашел!

— Выброси этот мусор!

Ланн выглянул из своего укрытия как раз вовремя, чтобы увидеть, как белые камешки четок ударились о землю и брызнули в стороны, словно осколки разбитой чашки. За столько лет шнурок сгнил и не удержал их вместе.

Четки. Его первый подарок будущей жене... потом были только кольца. Нищий дикарь

из подземелий не так уж много мог предложить красивой женщине... А его мертвый предшественник и вовсе забрал свое единственное ценное имущество в могилу, так и не сделав никому предложения.

— Храбрый дурной монгрел действительно собирается звать меня замуж?

— Не знаю, мне почему-то пришел в голову этот совершенно умозрительный пример. Но я знаю монгрела, который очень давно думает об этом.

Первая же стрела прошила оставленный кем-то на камне шлем, и тот с грохотом покатился по земле, привлекая всеобщее внимание.

— Бросайте своего трупоеда и бегите! — прорычал Ланн, накладывая вторую стрелу. — Обещаю по спинам не стрелять!

— Этот свежий, — удивленно выгнул брови эльф, когда все присутствующие обернулись к стрелку. — Плачу золотом, господа.

Все-таки есть вещи, которых Ланну никогда не понять. Например, почему, когда нужно выпросить скидку в таверне, то рогатый полуящер слишком страшный, а когда нужно бандитов напугать, то он неубедительный?

— Никто тебя не боится, Ланн, — проворчал он, выпуская стрелу в бегущего на него громилу. — Пошел ты нахер, Ланн, — добавил он, выпуская вторую.

Но если первая стрела достигла цели и застряла в кожаном доспехе громилы, то вторая обогнула его голову под неестественным углом и щелкнула о камни через несколько метров. Ланн перевел взгляд на эльфа, тот быстро отступал к камням, делая какие-то пассы руками.

Защита от стрел. Ну, прекрасно! Теперь бегать от них, пока заклинание не ослабнет...

Выпустив еще пару стрел в наемника, который бегал быстрее, чем его раненый напарник, Ланн глубоко вздохнул и позволил легкому толчку энергии унести его за тридцать футов от места, где он был практически окружен. Если этим ребятам повезет, они поймут, что добыча им не по зубам до того, как погибнут все до единого.

Но не успел он снова поднять лук, как широкоплечий полуорк оказался прямо перед ним во вспышке фиолетового света. Если наемники плохо понимали, что делают, то эльф явно ориентировался в ситуации лучше. Сталь кривой сабли блеснула на солнце, оставив слишком мало времени для раздумий, но достаточно — для инстинктов.

— А-а-а! — выронив саблю, полуорк упал и покатился по песку, раздирая дымящееся от кислоты лицо.

— В приличном обществе я так не поступаю, — Ланн поднял лук, выискивая между камней некроманта, но тот будто в воздухе растворился, — но вы, ребята, первые повели себя, как животные.

Граф Арендей сильно удивился бы, узнав, что большую часть времени от Тюрьмы Неизбежности до Рубежа Ланн мог плюнуть в него ядом совершенно буквально. Возможно, граф даже придержал бы собственный ядовитый язык по такому случаю. К сожалению, Ланн в то время был по уши влюблен и слишком счастлив, чтобы проверять.

Еще пара прыжков сквозь пространство и несколько метких выстрелов избавили его от трех противников из пяти, но града не знающих промаха магических стрел избежать это не помогло. Проклятый эльф выпустил их и спрятался за камнем снова, пока Ланн пытался оправиться от болевого шока и заставить себя поднять руки.

— Бегите! — воспользовавшись передышкой, выкрикнул он. — Старый трупоед и его золото ваших жизней не стоят!

На этот раз, судя по дробному топоту двух пар ног, голос разума достиг умов наемников.

Эльф остался один.

Ланн криво усмехнулся.

— Как себя чувствуешь, папаша? — внимательно оглядывая камни, протянул Ланн в надежде, что эльф выдаст себя неосторожным движением. — Одиноко? Мне вот — нет. Представь себе, здесь вся моя семья. И я скорее умру, чем позволю кому-то издеваться над ними.

Фиолетовый газ пополз по ногам вверх и очень скоро застил глаза, Ланн выругался про себя и вслепую метнулся в сторону — открывать рот в этой ситуации было бы крайне неосмотрительно.

— Как пожелаешь, — донеслось снисходительное откуда-то справа. Ланн побежал на звук и получил заряд из девяти волшебных стрел в грудь сразу, как только вышел из облака.

Достаточно, чтобы убить кого угодно. Кого угодно...

Так, должно быть, и думал эльф в тот момент, когда стрела пронзила ему череп.

На храмовый комплекс опустилась тишина, Ланн слышал только свое тяжелое дыхание. Ожоги от магических стрел саднят, но это ненадолго. В конце концов, чтобы убить его, нужно что-то посерьезнее немогущего эльфийского колдуна и трех неудачников. Немного отдохнуть и...

Скорее интуиция, чем какой бы то ни было звук, заставила его резко развернуться и поднять оружие только для того, чтобы в замешательстве опустить его. Сайдири в пепельно-сером маскировочном плаще стояла над трупом наемника и невозмутимо изучала окровавленную стрелу, которую только что выдернула из его груди.

— Пора признать поражение, рыцарь-командор, — схватив ее за предплечье за секунду до того, как она успела схватить его за ребра, торжествующе проговорил Ланн. — Ты больше не можешь ко мне подкрасться.

Странно, что она вообще пыталась. За последнее время Ланн привык к жизни на поверхности, посторонние звуки вроде щебета птиц или шелеста листвы больше не отвлекали его, и Солнце не так слепило. Теперь он в состоянии различить даже самый легкий шаг, увидеть смутное колебание воздуха.

— Некоторые игры затеваются не для победы, — пожала плечами она и снова улыбнулась.

О Боги! Если он хочет, чтобы эта пауза, стремительно превращающаяся из неловкой в интимную, выглядела так, будто абсолютно ничего не значит, ему нужно срочно придумать что-то остроумное и отступить. Потому что это все становится чертовски похоже на то, что он держит за руку женщину, в которую безумно влюблен, за секунду до того, как признаться ей в этом.

А это не так.

На самом деле чертов полуящер, буквально вчера выползший из пещер, держит за руку красивую женщину и непозволительно долго предается фантазиям о том, что она могла бы ответить ему взаимностью и они могли бы быть счастливы... буквально год до того самого момента, когда от этой связи на свет появится урод вроде него. И даже в том маловероятном случае, если это не заставит их разойтись, через пять или десять лет он начнет разваливаться на части на глазах у своей, все еще молодой и прекрасной, жены.

Нет, Ланн, дружище, у тебя есть план: в него входит геройская смерть до появления первых признаков старости, а леди-командор — не входит. Давай-ка его придерживаться.

— Верно, — привычно улыбнулся он и разжал пальцы. — Иногда нужно просто

развлекаться.

— Ты привела их сюда!

Если он не стал подставлять под нож людей, даже не самых хороших, чтобы проверить свои догадки насчет нее, то у Сайдири с этим проблем не возникло.

— Я спросила, кто ты такой. Ты не ответил, — она выпрямилась и подошла к труп, чье лицо и руки обезобразила кислота. — Мне пришлось... — она склонилась и над ним тоже, — импровизировать.

— Я спросила, кто ты такой. Ты не ответил, — она выпрямилась и подошла к труп, чье лицо и руки обезобразила кислота. — Мне пришлось... — она склонилась и над ним тоже, — импровизировать.

О, это прекрасная идея! Просто подойти к ней и сказать: знаешь, я был женат на женщине вроде тебя, она меня бросила, так что я тут проходил мимо и подумал, может, сжусь хотя бы тебе? Несмотря на то, что я, похоже, умер на твоих глазах самым идиотским способом из возможных и ты знаешь меня, как полного неудачника...

— Я тебе не враг.

— Теперь я вижу, — кивнула она, подняла голову и стянула платок к подбородку, морщась от едкого запаха. — Но вот это... — она указала на все еще пузырящуюся плоть, — выглядит, как что-то, что стоит знать о друзьях заранее.

Ланн, которого она знала, так не умел. Умер слишком рано, чтобы научиться.

Наверное, ему стоило порадоваться, что время неловкого разговора о том, не случится ли с окружающими то же самое, что с этим несчастным полуорком, если Ланн случайно чихнет, еще не пришло. Или что ему не нужно доказывать ей, что прикасаться к его губам абсолютно безопасно, если ей вдруг, чисто гипотетически, этого захочется... Но он просто стоял, смотрел в смуглое лицо, черты которого за десять лет из памяти не стерло ни время, ни разлука, и молчал.

Да и что он мог сказать?

«Отлично выглядишь!»

Это ложь.

«Выглядишь, как все, чего я когда-либо желал...»

Немного ближе к истине, но, пожалуй, рановато.

— Знаешь, как говорят? Старого козла новым трюкам не научишь, — привычно натянув улыбку, проговорил он. — Так вот, это неправда.

Сайдири медленно выпрямилась, слишком медленно для нее на самом деле, но Ланн был поглощен тем, чтобы не позволить ей исчезнуть, как только он моргнет, так что не обращал внимания на мелочи. И пока тяжелый взгляд ее темных глаз блуждал по его лицу, затем вниз по человеческой руке, все еще сжимающей лук, и обратно, он смотрел на уголки ее губ. Все ждал, когда они дрогнут и сложатся в теплую улыбку, но... Что бы ни связывало ее с тем парнем под двумя футами земли, он мертв. И монгрела, который стоит перед ней, она не знает.

— Как ты сюда попал? — наконец спросила она.

— Пришел, — пожал плечами Ланн.

— Пешком из одного отражения в другое? — она развернулась и направилась в сторону насыпи. — Ты стал старше, но не умнее.

Она взбежала по насыпи вверх так легко, будто вовсе ничего не весила, но стоило Ланну поставить ногу на склон, песок тут же просел под стопой. Поморщившись, он сделал вдох и нырнув сквозь пространство вперед, мгновенно оказался на несколько шагов впереди своей спутницы. Он сделал это исключительно чтобы покрасоваться, возможно, даже подать ей руку, но, оказавшись наверху, забыл о своем намерении. Здесь действительно стояла крытая повозка, запряженная двумя лошадьми... и лежали те двое, которых он пощадил. Песок

быстро впитывал кровь, но она еще сочилась из ран.

— Время от времени кто-нибудь пытается наложить руку на останки армии Савамелеха, — проговорила Сайдири, проходя мимо. Если прыжок ее и впечатлил, вида она не подала. — Демоническая кровь делает их сильными бойцами даже после смерти. Так что мне приходится стеречь своих мертвецов. И заботиться о том, чтобы как можно меньше людей знало, где их искать.

Ланн поджал губы и промолчал. Это разумно, но... В прежние времена она просто дала бы этим двоим такого пинка, что, кувыркаясь по пустыне, они забыли бы откуда пришли и куда направлялись.

— Что собираешься делать? — запрыгнув в повозку и деловито осматривая содержимое, спросила она. — Могу подбросить до ближайшего поселения.

— Вообще-то я собирался путешествовать с тобой.

Шуршание из дорожного сундука, в который она запустила руки по локоть, прекратилось. Сайдири повернула голову и посмотрела на него так, будто он сморозил какую-то глупость. Но он выдержал взгляд, дав понять, что он это абсолютно серьезно, так что она просто фыркнула и вернулась к своему занятию.

— Нет, спасибо.

— Да брось, наверняка тебе нужна помощь... — он неопределенно развел руками, — со всем этим.

— Спасибо, нет.

— Ладно, — уступил он. — Тогда я воспользуюсь твоим предложением. Подбрось меня до Зимнего Солнца. Тебе ведь по пути?

Сайдири посмотрела на северо-восток и вздохнула: дорога была долгой и небезопасной. Кисть ее правой руки дернулась в знакомом армейском жесте.

«Вперед».

— Отлично! Я поведу! — запрыгивая на место возницы, весело вскрикнул Ланн, и лошади пугливо прыгнули ушами. — Эти цветы не растут нигде поблизости, — прищелкнув поводьями и обернувшись назад, проговорил он. — Ты посадила их?

Лошади двинулись вперед медленно, несмотря даже на то, что большую часть ненужного груза Сайдири просто выбросила из повозки. Оставалось только надеяться, что животные дотянут до ближайшего источника воды. Сайдири сидела под тентом, прислонившись спиной к борту и низко склонив голову, но судя по напряженным костяшкам пальцев, не спала.

— Спасибо, если так, — продолжил он, не получив ответа. — Знаешь, я видел море... Но все время хотел вернуться, а когда вернулся...

— Эти цветы растут там потому, что под ними полно разлагающегося ихора, — тихо и медленно ответила она. — Они единственные выжили в Язве, а теперь исчезают. Если их не станет в Долине Храмов, значит там больше нечего охранять.

— Умно. Так это ты?..

— Ты не мог бы... — она подняла руку и потерла переносицу, — помолчать, пожалуйста?

Она, должно быть, просто устала. Пока он спал, она выследила гробокопателей и развернула их в нужную сторону. Жаль, что им пришлось расплатиться своими жизнями за то, чтобы она доверяла ему, но это ведь опасная работа и они знали, на что идут, да?

Ланн посмотрел вперед, и хотя пустынный пейзаж был довольно безрадостным,

улыбнулся своим мыслям. Он нашел ее! Просто не верится! Это с самого начала казалось невозможным, потому он и не говорил никому, куда отправляется, и все же... Он обернулся через плечо снова — вот она. Теперь все будет хорошо.

Ну а то, что она не хочет путешествовать вместе с ним... по сравнению с тем, что он уже пережил, это просто мелочи.

План летел к чертям. Каждый раз, когда он ее видел. Каждый раз, когда она улыбалась. После захвата Дрезена обязанностей у Сайдири стало больше, прибавилось и соратников, так что у нее появился выбор, и всякий раз, когда она выбирала не его, Ланн с ума сходил, оставаясь в городе. Демоны, культисты, нежить, предатели... они могут ранить ее, она может умереть, и он даже не узнает! Поэтому каждый раз, когда выбор все-таки падал на него, он из шкуры вон лез, чтобы доказать, насколько он полезен.

— Вы видели это? Видели, да?

«Посмотри на меня. Видишь, на что я способен? Позволь мне остаться рядом!»

Хуже становилось только когда она действительно на него смотрела. Так, будто он нравится ей больше прочих. Тогда ему хотелось исчезнуть, испортить все, что он так старался сделать хорошо, лишь бы она только не привязалась к нему на самом деле, лишь бы только... не полюбила его.

А потом наступала ночь, или передышка, или завтрак и он мечтал о том, чтобы она любила его, и это была катастрофа. Потому что все, что он решил для себя, чтобы хоть как-то избежать несчастной участи всех монгрелов, рушилось и летело в Бездну, когда Сайдири смеялась над удачной шуткой и он начинал верить, будто на самом деле сможет сделать ее счастливой. Надолго. На целую жизнь.

— Позволь мне защищать тебя...

— Звучит так, будто я тебе нравлюсь.

«Нравишься? Нет, это не правда, даже не треть...»

Ночь застала их в пути, усталым лошадям требовался отдых и хоть немного воды. Сайдири распрягла их, достала из-за пазухи свиток сотворения и наполнила водой ближайшую яму. Довольное лошадиное фырканье, казалось, заполняло собой все пространство на много миль вокруг.

— Отлично, — улыбнулся Ланн, вытаскивая спальник из рюкзака. — Теперь как насчет жаждущих спутников? Я все еще жду явления пивных элементариев. Мне кажется, после всех этих проверок, я заслужил.

— Не заставляй меня жалеть о том, что я взяла тебя с собой.

— Да что ты... скучная такая?

Взгляд, который она в него метнула, неприятно охлаждал внутренности. Настолько, что впору было предположить, что еще слово, и она метнет в него кинжал.

Больше в ту ночь они не разговаривали.

Ланн не привык наблюдать за попойкой издали, он предпочитал участвовать, но в последнее время у него не осталось выбора. В присутствии командора и бутылки чего-нибудь спиртного он с трудом удерживал себя от того, чтобы наговорить ей всякого: о том, какая она красивая, и о том, что он не так уж плох в постели, а свет можно и не зажигать. К счастью, он прекрасно понимал, что после чего-то подобного воевать придется где-нибудь в пригороде Кенабреса о-очень далеко от командора.

Так что он напивался отдельно от компании в самом темном углу таверны, откуда, впрочем, всегда мог видеть Сиилу и Сайдири, которые обычно держались дольше остальных.

— Эх, подруга! — подперев подбородок широкой ладонью, протянула Сиила. — Проповеди Уголек дурно на тебя влияют. Наслушалась всякого и давай демонов жалеть!

Сайдири в яркой жилетке, широких штанах и ботинках с загнутым носом сидела на стуле, подогнув под себя одну ногу и беспечно болтая второй.

— Да кто говорит о демонах? — возмутилась командор. — Я что, мало на твоих глазах их перерезала?

Сиила взяла еще кружку и, делая большие глотки, взгляда хмельных, но внимательных глаз со своей собеседницы не спускала. Оживленно жестикулируя, Сайдири горячо продолжала:

— Демоны не появляются из ниоткуда. Все они были людьми, небожителями, азатами, но в один далеко не прекрасный момент с ними что-то случилось и они начали путь, который завершился в Бездне. Это не хорошо и не плохо, просто так устроен мир. Таков этот сраный порядок! Если бы только был способ обойти его или изменить...

Сиила грохнула кружкой по столу, Ланн вздрогнул на другом конце таверны и потянулся к луку — силы этой женщине не занимать, в отличие от ума. А ну как полезет в драку? Лучше бы она на самом деле полезла, тогда Ланну бы предоставилась возможность доказать, что он тут по делу сидит, а не просто так для собственного удовольствия на командора пялится.

— Я слышала ересь, которая начиналась точно также, — оперевшись на руки, паладин подалась вперед. — И знаешь от кого? От Арилу, чтоб её разорвало, Ворлеш!

— Именно поэтому я разговариваю с тобой, а не с Региллом, — подмигнула Сайдири. — Сечешь, подруга?

Сиила закатила глаза, с неудовольствием заглянула на дно пустой кружки и снова поставила ее на стол. Выпивка кончилась, разомлевшие собеседницы явно ленились заказать еще и разговор не клеился.

— У меня есть предложение получше, — после нескольких неловких реплик усмехнулась Сиила. — Собери всю свою удачу в кулак и засунь Бездне в самое грызло. Если бы нам удалось стереть целый план этой демонической заразы, вот тогда я бы сказала, что нам охрененно повезло!

— Паладины, — настала очередь Сайдири закатывать глаза. — Ненавижу, блядь, паладинов...

— Ой, напугала! — цокнула языком Сиила. — Ты всегда можешь начать пить с Рыцарями Преисподней. Держу пари, у них и на этот случай существует специальный пункт в Уставе. Ну, знаешь, сколько пить, когда пить, на какую максимально дозволенную глубину лицо должно погружаться в салат, а бутылка в...

Окончание фразы потонуло в пьяном женском хихиканье. Остается только надеяться, что под ближайшим столом не сидит какой-нибудь не в меру любопытный бард, и пьяные разговоры рыцаря-командора Пятого Крестового Похода с паладином пресветлой Иомедай в анналы истории не войдут.

— Еще по одной? — запустив пальцы в ручку опустевшей кружки, командор подняла ее и недвусмысленно помахала в воздухе.

— А давай! — махнула рукой паладин.

Но вместо того, чтобы позвать Фая и потребовать новую порцию спиртного, командор щелкнула пальцами и за спиной Сиилы возник переливающийся пенный элементаль.

— Нет-нет-нет, я только доспех почистила! — обернувшись и резко вскочив со стула, крикнула паладин, но от удара золотистой лапы ее пустую кружку не могло спасти уже ничто. Кружка, конечно, наполнилась до краев, но брызги разлетелись во все стороны и осели на ее шикарном красном плаще. — Я ж буду пивом вонять на весь плац!

Пиво медленно стекало со стола, золотистый элементаль, повинувшись взмаху руки командора пошел по столикам приносить себя в жертву всеобщему веселью — радостные крики и правда не заставили себя долго ждать.

— Я тебя ненавижу, — хватаясь за кружку, проворчала Сиила.

— И я тебя, — подхватывая свою, рассмеялась командор. — Пей до дна!

Чем дальше они продвигались на северо-восток, тем сильнее менялась местность и тем мрачнее становилась командор. Она говорила только когда в этом действительно была необходимость, ела только то, что доставала из своей сумки и никогда то, что предлагал Ланн. Он пытался разговорить ее — безуспешно, принимался сам что-то рассказывать — она не слушала...

Плавность движений, легкость характера, свет улыбки — все исчезло. Он запомнил ее сладким игристым вином, а нашел застывшей смертоносной сталью.

На четвертый день пути они остановились в лесу, откуда до Зимнего Солнца рукой подать, всего один дневной переход, и она с облегчением от него избавится. Как уже сделала однажды.

— Что это? — нахмурилась Сайдири, когда он поставил перед ней чашку с ягодами.

— Костяника, — вздохнул он. — Тебе нравится. То есть... нравилась... понравится, я хотел сказать. Как только попробуешь.

— Говоришь, как Шиика, — произнесла она и уголки ее губ чуть дернулись вверх.

Проклятье! Последнее, чего бы он сейчас хотел — это вспоминать о Шиике! Проклятые феи внушили ей, что она сможет больше, будучи их частью и она поверила! И оставила все: жизнь, любовь, соратников, людей, которые верили ей. Когда она прыгнула с обрыва навстречу смерти и перерождению он даже не понял ничего!

Нет, он не будет об этом думать.

— Попробуй, — с трудом подавив гнев, проговорил он и отвернулся. — Я бы не проделал такой долгий путь, чтобы тебя отравить.

Насколько знал Ланн, в этом лесу нет ничего страшнее диких зверей, но он все равно вызвался сторожить лагерь — нужно подумать. Чашку перед сном Сайдири вернула ему пустой. Может, оценила подарок, а, может, и выбросила под куст, пока он не смотрел...

Он десять лет прожил с мыслью, что стоит ему найти ее, и все снова будет замечательно, но сейчас, когда первая эйфория схлынула, видел, что это не так. Вопреки расхожему мнению, а также собственным утверждениям, Ланн идиотом не был. Он понимал, что у этой женщины нет с ним общих воспоминаний и очень мало причин ему доверять. Когда кто-то похожий на твоего погибшего соратника возвращается спустя десять лет после его смерти и настаивает на том, чтобы тебя сопровождать — тут к Деренге не ходи — это «совершенно не подозрительно».

Сайдири залезла в потрепанный мешок, отвернулась, положила руку под голову, кинжал — под руку и затихла.

Что она вообще здесь делает? Почему она не в Дрезене? Не в Келеше или Мендеве? Да в любом крупном городе или государстве, где всегда пригодится боевой командир ее уровня! После управления легендарным Крестовым Походом возвращение к бродяжничеству — это

просто чушь какая-то...

И почему она здесь одна? Нет, это, конечно, хорошо...

Ланн прикрыл глаза и сделал глубокий вдох. Выдохнул. В кромешной тьме зрение не слишком полезно, главное — уметь слушать. Но ночь тиха и спокойна, только шелест листьев да голоса ночных птиц. Воздух чист и пахнет миром. Язва поросла травой.

Война окончена. Это время покоя. Больше нечего бояться.

Он отложил лук в сторону и сцепил руки в замок на коленях, соединив большие пальцы, прислушиваясь к себе. Несмотря на долгий день, энергия циркулировала в теле так быстро, что ее приходилось сдерживать, чтобы не двигаться слишком резко, не смеяться слишком громко... Он безумно счастлив. Так жаль, что приходится это скрывать.

Больше всего на свете он сейчас хотел бы разбудить ее и не давать уснуть до самого утра. Когда-то у него было на это право... так давно. Сейчас ему было бы достаточно, чтобы она просто поговорила с ним — о чем угодно, правда! Делить постель — это приятно, но делить жизнь — просто необходимо. Знать, чем она живет, чего она хочет, как он может ей помочь...

Алушинирра изменила их всех. Уроки Бездны жестоки, но запоминаются хорошо. Ланн, например, запомнил, как Сайдири помогает ему подняться после того, как его в очередной раз вырвало черным, а потом вытирает руку об одежду прежде, чем взяться за оружие.

Можно сколько угодно убеждать себя в том, что это просто практичность, и рука, соскользнувшая с рукояти кинжала, может дорого стоить ей в бою, но какой в этом смысл?

Он отвратителен, как и правда о его племени. Савамелех искусил первых крестоносцев плотью небожителя и они поддались... совсем не то, что монгрелам рассказывали об их предках.

Нексус давно погрузился в тревожный сон, только Длань Наследницы стоял на страже да Сайдири смотрела на город с кривой ухмылкой и странной смесью раздражения и безразличия. Ворвавшись в Алушнирру ярким вихрем, разворошив ее, как огромный муравейник, в последние дни она стала такой тихой...

Ланн знал, что это плохо, но не мог подняться с места и подойти к ней. И не мог не подойти. Потому что все, чего он хотел — это чтобы она на него смотрела. И чтобы не смотрела больше никогда. Только не после того, как он валялся в луже собственной рвоты, пока она решала за него его проблемы.

Богиня, за что?! Он так хотел быть для неё героем...

— Как ты? — спросил он и не узнал собственный голос, настолько глухо он прозвучал.

Сайдири сделала шаг от края обрыва и обернулась, Ланн отвел взгляд, но кроме проклятой Алушинирры здесь больше не на что смотреть.

— Как дома, — сказала она и фыркнула насмешливо. — Падишах-император, да продлит Саренрэй его годы, содержит роскошный гарем с самыми прекрасными девушками и юношами со всех концов Голариона. Дурман продается свободно и раскуривается на улицах, и каждый желающий может купить себе кусочек рая, за который позже продаст все, что имел. Золото и кровь льются по улицам рекой, убийцы ходят среди горожан, — она громко шаркнула ногой и камешки покатались с обрыва. — Чего здесь не хватает? Науки и магии? Они процветают, особенно вивисекция и темные искусства. Клириков с бессмысленными проповедями о прощении? Ну, у нас есть Уголек, так что я по ним почти не скучаю. И я уже молчу о схожести в архитектуре. Дом, милый дом!

Бросив на нее осторожный взгляд и обнаружив, что она снова смотрит на город, Ланн позволил себе смотреть на нее дольше. Сайдири болезненно поморщилась.

— Мне скучно. Все, чего мы добились — искупались в крови и дерьме, — она подняла руки, и, широко расставив пальцы, посмотрела прямо на Ланна. — Эта сила дана мне, чтобы изменить что угодно, но от превращения двух говнюков в одного по большому счету ничего не меняется, — она опустила руки и горько усмехнулась. — Хотя табуретки из демонесс выходят ничего так...

Самое отвратительное, что даже после всего что случилось, он не перестал мечтать о ней. И если наяву эти видения можно было задавить усилием воли, то во сне он пачкал ее тело грязным черным ртом, видел, как длинные вязкие капли стекают по смуглой коже и, задыхаясь от желания, не мог остановиться. Потом он просыпался, отходил поглубже в пещеры и досматривал эту отвратительную фантазию до конца, потому что иначе она будет преследовать его весь следующий день.

— Зосиэль привезет родным весть о том, что его брат погиб героем, — ободряюще начал он. — Вольжиф теперь знает, что не всем на свете на него плевать. Арушалай держится, несмотря ни на что. По Региллу ничего не понять, но я уверен, что он в тайне рисует крестик на обратной стороне доспеха каждый раз, когда убивает особенно мерзкого демона. Ну, а я... — голос снова изменил ему, и Ланн коротко кашлянул прежде, чем продолжить, — я знаю теперь, что мне делать со своей короткой жизнью. Разве этого мало?

Сайдири отошла к ближайшему камню и уселась, скрестив ноги.

— Предлагаешь остановиться на людях, которые мне нравятся, и забыть о всех остальных? — печально произнесла она, и это было ужасно, ужасно неправильно. Она не должна грустить, только не она. — Мир гораздо больше, чем пещеры под Канебресом, Ланн.

— Ты не бог, чтобы изменить мир, — твердо проговорил он, и Сайдири обернулась на него с удивлением. — Все, что ты можешь — это изменить себя.

— Ого, — командор нахмурилась и пристально на него посмотрела. — Ты сам-то в порядке?

Ланн красноречиво закатил глаза.

— Стоит на пять минут перестать нести чушь — и вот, пожалуйста. Зовите лекаря, этот козлорогий помешался!

Чудесный все-таки у нее смех. Чистый, как звон колокольчика. Или, может, ему так просто кажется — за столько времени в Бездне Ланн забыл этот звук. Сайдири похлопала ладонью рядом с собой, в черных глазах плясали искры.

— Тогда посидишь со мной?

Посидеть рядом с ней? Рассказать о том, как он разочарован во всем, во что верил с детства? Что жизнь монгрелов не только полное дерьмо, но ещё и дерьмо абсолютно заслуженное? Ну а что? Может, даже удастся немного жалости вызвать...

Вперед, Ланн! Ползи к ней и начинай скулить, это же все, что ты сейчас можешь!

— Нет, я... — он отступил и развернулся, чтобы уйти, — извини, в другой раз.

...Хватит. Надо выпить. И желательно столько, чтобы забыть это все.

Еще один глубокий вдох и длинный выдох успокоили кровь и придали мыслям ясность. Где-то рядом хрустнула ветка, взлетела испуганная птица.

Может быть, она не хочет с ним говорить. Может быть, еще и правда слишком рано. Но она жива, и она здесь, и энергия течет по ее телу так же, как раньше. Даже когда они еще не были вместе, Ланн мог почувствовать эту живую трепещущую силу из любой точки лагеря. И это, черт возьми, пугало! Но зато, чтобы любоваться ею, ему не нужно было даже смотреть.

Он расцепил руки и поднял ладони так, будто собирался погреться у костра, но... ничего не почувствовал. Сайдири лежала всего в нескольких метрах, дышала размеренно и спокойно, но он не чувствовал ее присутствия. Не чувствовал той силы, что под конец Похода сметала демонов с ног, заставляя самых слабых из них бежать в ужасе от одного только взгляда в сторону командора.

Может, он просто слишком далеко?

Ланн осторожно поднялся и подошел ближе. Ничего не изменилось. Он присел рядом со спящей и только тогда почувствовал энергию, но не ту, что сметала врагов, а ту, что текла по телам всех смертных, включая его самого. Но даже она текла... неправильно. Что-то в спине Сайдири, во всей ее позе выдавало излишнее напряжение, скованность и боль, там, где жизненных сил недостаточно.

Недостаточно. Не то слово, которое можно применить к ее возможностям.

Ланн поднял руку и осторожно прикоснулся к ее спине между лопатками.

Он должен был знать, что это закончится плохо.

Лезвие блеснуло в свете догорающего костра, Ланн едва успел перехватить ее руку у самого своего горла, но Сайдири надавила с нечеловеческой, неестественной силой и опрокинула его на спину. Ее пепельно-серое в отблесках пламени лицо не выражало ничего, в глазах плескалась тьма.

— Саи! — прошипел он. — Очнись, это я!

Он позвал еще и еще раз, но лезвие неумолимо опускалось к горлу, а хватка не ослабевала. Командор не должна быть настолько сильной физически, она никогда не была! Ее оружие — ловкость, удача и магия... Но магии нет. Иначе Сайдири предпочла бы очаровать и разговорить его еще в Долине Храмов вместо того, чтобы бегать за гробокопателями и устраивать разведку боем. И на удачу, как видно, она больше не надеется.

— Если бы я хотел тебя убить, я бы сделал это издалека! — из последних сил выдавил Ланн и только тогда почувствовал, как ее рука дрогнула. Сайдири моргнула раз, другой и посмотрела на него совершенно растерянно, будто проснулась только сейчас. Хватка тут же ослабла, кинжал вернулся в ножны.

— Твоя спина не в порядке, ты не можешь об этом не знать, — с облегчением проговорил он и приподнялся, как только она отпустила его. — Я только хотел помочь...

Сумка, пояс с оружием, маскировочный плащ — Сайдири схватила свои вещи. Едва сообразив, что она снова собирается уйти, Ланн встал между ней и темным лесом.

— Не уходи, — выдохнул он. — Я обещаю, этого больше не повторится.

Сайдири засмеялась впервые с тех пор, как он ее встретил, но не было в этом смехе ни капли веселья. Сухой и резкий, как кашель, этот звук царапнул слух и пропал.

— Еще шаг, и я тебя прирежу, — оскалившись, процедила она. — Обещаю.

* * *

Ланн знал некоторых жителей Зимнего Солнца по именам, но провел здесь недостаточно времени, чтобы быть в курсе их дел и точно знать, кому пригодятся лошади и повозка. Бросать животных посреди леса крайне недальновидно, особенно когда есть кому о них позаботиться. Ему-то они точно без надобности, так что...

Почему ты такой идиот, Ланн?!

Нет, об этом позже. Сейчас нужно разобраться с насущными делами, а философские вопросы можно отложить до момента, когда он окажется дома в одиночестве и сможет биться рогом о стену столько, сколько необходимо для полного прояснения сознания. Деревья в лесу, конечно, тоже для этого подходят, но не хотелось бы, чтобы какой-нибудь знакомый охотник случайно застал его за этим занятием.

В деревне есть жрец Эрастила. С тех пор как повалили все идола Солнечной Госпожи, его появление стало лишь вопросом времени. У него еще имя такое смешное... То ли Яцек, то ли Вацек. Вот он точно знает, кому из его паствы что нужнее.

А ты сам бы не попытался набить морду подозрительному мужику, который вдруг решил тебя во сне потрогать?!

Позже. Он подумает об этом позже.

О, вот и ворота. Почти дома.

На удивление, как только Ланн въехал в деревню, ему действительно стало легче. То ли потому, что он сам привык к этому месту, то ли потому, что люди привыкли к нему. Пару раз отшутившись в ответ на вполне дружелюбные вопросы о лошадях вроде: «Ого! Где

добыл? А хозяева за ними не прибегут? А ты точно охотник, а не конокрад? Ну смотри...» он повернул к дому жреца.

Служителя Эрастила звали Ярек, и это был улыбчивый полнотелый мужчина лет сорока. Охотником по понятным причинам он был весьма посредственным, но регулярно уходил в лес и возвращался с корзиной, полной лекарственных трав. И судя по тому, что в деревне мало кто страдал от болезней, он умел с ними обращаться.

— Вот спасибо! — широко улыбнулся он. — Я, пожалуй, отдам их Магде. Она раз в месяц ездит в Дрезен за всякой мелочью, да только этой мелочи на целую деревню набирается столько, что ее пегая старуха едва тащит. А эти вот, — Ярек погладил одну из лошадей по боку, — красавицы.

Ланн скомкано попрощался и уже собирался уйти — стены не могли ждать, но жрец остановил его.

— Послушай... Ланн, верно? Тут такое дело, — он подошел ближе и понизил голос, — Орсо уже целую декаду не принимает даров. Это довольно малый срок, обычно я не поднимаю тревогу раньше двух декад и не запрещаю выходить на охоту раньше, чем пройдет месяц, но... ты там поосторожнее, ладно?

На подвижной половине лица Ланна отразилась такая напряженная работа мысли, что жрец вздохнул и продолжил.

— В отсутствие Хозяина Леса в его уголья может забрести кто угодно. Лютоволки, смилодоны, другие медведи в поисках пищи, разбойники, нежить, феи... Если ты нашел эту телегу брошенной вместе с лошадьми — это не к добру. Будь осторожен.

— А... — глубокомысленно протянул Ланн и застыл, жрец сочувственно похлопал его по плечу и наказал отдохнуть как следует. Он уже давно возился с упряжью, когда Ланн потряхнул головой и пошел прочь. Вот только не к дому, а снова в лес.

Ну разумеется, местные рассказывали ему об Орсо как о добром духе, посланном самим Эрастилом для защиты селения! Туда не ходи, там живет Хозяин Леса! Оставь ему кусок дичи после удачной охоты и мед после неудачной. Не поминай его всуе — если явится, никому несдобровать. Само собой Ланн не испытывал никакого желания встречаться с огромным трупом медведя, одержимым духом Бездны, вот только охотникам об этом не рассказывал. Некоторые предрассудки чрезвычайно живучи, да и не хотел он разрушать чью-то веру в большого доброго медведя, и указанную часть леса послушно обходил...

А зря.

Потому что путешествие в Долину Храмов и обратно заняло ровно декаду.

* * *

— Да ла-а-адно! — со смесью удивления и недоверия протянул он. — С войны такого не видал!

Прямой подход к пещере старой шаманки преграждал обвал, а в окрестностях было установлено столько ловушек, что создавалось впечатление, будто сюда переехали три карги из Студеной Заводи и привезли все свои заградительные приспособления. Впрочем, нынешняя хозяйка пещеры страшнее всего ковена разом.

Или нет.

Сердце болезненно сжалось. Ланн вспомнил капитана Одана, который даже к камину подойти не мог до тех пор, пока пламя окончательно не погаснет. И многих других солдат, которые не могли заставить себя выйти за стены после длительной обороны Дрезена... Вдруг Сайдири тоже не смогла оправиться от войны? Вдруг все это лишь свидетельство

помешательства?

Остынь, Ланн! Выводы делать слишком рано. В конце концов с ней все было в полном порядке, пока парень, который определенно НЕ является ее мужем, не полез к ней, когда она спала.

Вздыхнув, он напомнил себе, что это не первая и не последняя ошибка, но легче почему-то не стало. Присмотрев безопасный участок в футах тридцати впереди, он нырнул сквозь пространство и выпрямился, высматривая следующий. Да благословят Боги мистические практики, благодаря которым не обязательно ходить по...

Дзынь.

Он даже не успел подумать о том, насколько плохо это звучит в лесу, полном ловушек, только почувствовал, как что-то легко коснулось голени, а боль пришла гораздо позже. Откатившись в сторону и грязно ругаясь, он спешно оторвал от одежды лоскут, пытаясь перетянуть ногу, потому что кровь хлестала из раны рекой. Это был даже не капкан, который он бы без труда заметил, это была тонкая и почти невидимая нить, хитро натянутая от земли к дереву таким образом, чтобы сорваться при легчайшем прикосновении.

Ну отлично! Прекрасно просто! С одной ногой особенно не побегаешь, и это ему еще нужно выбраться из полосы ловушек... Но все потом, сначала — остановить кровь, потому что быстрее течет только время.

— Да ты издеваешься! — услышал он над самым ухом где-то через пять минут отчаянной борьбы с бинтами и резко развернулся.

Растрепанная и заспанная, командор возвышалась над ним с оружием в руках. Она даже платок надеть не успела и спутанные черные с проседью волосы неаккуратно падали на плечи.

— Вообще-то, я истекаю кровью, — огрызнулся он и только потом заметил седину.

Спокойно, Ланн, она не умирает прямо сейчас! Бывает, что люди сидят после тридцати — это почти нормально. Это свидетельство трудной жизни, а не скорой смерти. Она просто... немного старше, чем ты ее запомнил. На десять лет, да. Как и ты, между прочим! Как давно ты сам подходил к зеркалу, старый козел?

— Одно другому не мешает, — хмыкнула она и убрала оружие. Сделав несколько шагов в сторону, она села на землю и прислонилась спиной к дереву. — Что тебе нужно от меня?

Наверное, бывало и хуже, но Ланн не в состоянии вспомнить, когда. Крики солдат, умирающих в отчаянном и бесполезном сражении за павший много лет назад Из. Неотступное стрекотание голодного роя Дескари. Рычание демонов, безумное и голодное... И торжествующий хохот балора, вытаскивающего окровавленный меч из груди командора только для того, чтобы замахнуть еще раз.

Они победили снова. Все обошлось и командор лежит на своем спальнике на другом конце лагеря не шевелясь, чтобы раны не открылись вновь. Граф Арендей свалился пять минут назад, даже не стряхнув брезгливо со спальника пепел. Слабым голосом он пригрозил, что тот, кто тронет его до рассвета, будет залечен до такой степени, что лишится всех отверстий в теле, даже самых необходимых. Уголек лежала, запрокинув голову, и смотрела на кружащих над ней насекомых. Она не моргала, ее бледное лицо казалось мертвым.

— Я думала твое место — там, — не открывая глаз, прошептала Сайдири, когда Ланн сел рядом с ней.

— Оттуда мне не слышно, как ты дышишь, — он зачем-то тоже перешел на шепот, хотя был в состоянии говорить громко — не его же балор едва пополам не разрубил. Ланн пустил

стрелу ему точно в глаз, и тот повалился назад, но было уже слишком поздно.

— Я не собираюсь умирать.

— Час назад, когда Дейран собирал тебя по частям, это было неочевидно.

— Да брось, — слабо улыбнулась она и открыла глаза. — Я везучая. Ничего со мной не случится.

Ланн фыркнул и отвел взгляд. Случилось уже, и он допустил это. Интересно, она уже жалеет, что выбрала такого хренового защитника, или до нее только к утру дойдет?

— А если случится, какой-нибудь храбрый молодой монгрел обязательно окажется рядом, чтобы прикончить демона до того, как он прикончит меня.

Он должен был сделать это раньше! До того, как ее вообще коснулось лезвие меча! Но когда вокруг эти летающие тараканы, прицелиться так сложно, а от доспеха балора стрелы просто отскакивают...

— Ты... — она кашлянула и поморщилась, — можешь принести спальник сюда, если не веришь, что я дотяну до утра. Тебе действительно нужно поспать, Ланн. Нам всем нужно.

Если она начнет задыхаться или вновь откроется кровотечение, лучше бы кому-то быть рядом, чтобы с риском для жизни разбудить графа и растолкать Уголек. Даже если этот кто-то будет находиться гораздо ближе, чем заслуживает. Так что Ланн встал и перенес спальник под скучающим взглядом Грейбора, невозмутимо выпускающего дым в кишасшее насекомыми небо. И что у него только в этом табаке?

— Я все еще жива, — криво усмехнувшись, прошептала Сайдири, когда Ланн улегся и уставился на нее, боясь пропустить... что угодно, — мне каждый час отчет подавать или ты все-таки вздремнешь?

Глубоко вздохнув, он закрыл глаза и постарался расслабиться. Не получилось. И не в последнюю очередь потому, что он бесконечно прокручивал в голове бой, в котором должен был проявить себя лучше. Тогда, в Бездне, вытащив его из вонючей таверны и смертельной хандры, Сайдири сказала, что он дорог ей. Он был так счастлив это слышать, но... напрасно она им дорожит — он абсолютно бесполезен.

— Не счастливый случай убил того демона, а ты, — выждав четверть часа, тихо проговорила Сайдири. — Ты — самая большая удача в моей жизни.

Она научилась играть в эту игру у него, затем научилась играть лучше и, наконец, начала жульничать. Если он сейчас откроет глаза, он даст ей знать, что слышал, если притворится спящим — не сможет обратить все в шутку. Придется просто смириться с тем, что она ценит его гораздо больше, чем следует.

— Сейчас мне нужен кров и отдых, — затягивая жгут, проговорил он. Командор изменилась в лице, и это странно видеть сейчас, после четырех дней, когда от нее невозможно было добиться вообще никакой реакции: удивление сменилось гневом, а затем — досадой, да так быстро, что он едва успел за этим уследить.

— Джахаш*, — сквозь зубы процедила Сайдири и отвернулась.

*козёл (прим. авт.)

— Это слово я знаю, — усмехнулся Ланн, — от него в Кадире не увернуться, даже если рог всего один. И еще я знаю, что если бросить раненого на пороге — пески этого не простят.

— Откуда? — протянула она с долей скепсиса, размером с Дрезенскую стену.

— Путешествовал, — пожал плечами Ланн. — Мир больше, чем пещеры под Канебресом.

И был женат на келешидке целых полгода... Оказывается, можно было жениться на двух или трех, и еще про запас держать парочку! Впрочем, это также означало, что богатая женщина может содержать несколько мужей. Этих чудесных подробностей о своей родине командор никогда не рассказывала, и слава Богам! Ланн едва ли смог бы спокойно перенести то, что брак для нее вовсе не подразумевает единственного супруга...

В Мендеве, Рестове или Мивоне в ответ на просьбу о помощи можно получить что-то вроде «Извольте подыхать под моим окном, сударь? Извольте!», в Келеше к этому относятся гораздо серьезнее. И не потому, что подданные империи добрее и милосерднее прочих, просто отказав путнику в приюте, завтра ты сам можешь оказаться посреди пустыни без еды и питья. И тогда медленная и мучительная смерть от жажды станет уже твоей проблемой.

Может ли она отказаться? Конечно, может. Это всего лишь обычай, и Келеш слишком далеко, чтобы отказ возымел какие-то последствия. Но если она хоть немного рассчитывает на его помощь в будущем...

— Будь моим гостем, — она встала и подала ему руку, но как только Ланн потянулся к ней перепачканной в крови своей — подняла повыше. — Но о пивных элементах и думать забудь, они кончились десять лет назад.

— Черт возьми, — фыркнул он, глядя на то, как Сайдири крепко обхватывает его предплечье и чувствуя, как тепло достигает самого сердца, — буквально зря пришел...

Ланн собирался уже сказать, что вполне может дойти и сам, особенно если найдет какую-нибудь палку и, кстати, вон та отлично подойдет, но прикусил язык, как только Сайдири закинула его руку себе на плечо и обхватила за талию. Глупо отказываться от помощи, которой сам же попросил. К тому же, рука на талии гораздо лучше, чем нож у горла!

— Как ты меня нашел? — спросила она, уверенно сворачивая вправо с едва намеченной тропы. Надо полагать потому, что знала, где и сколько ловушек в ее угодьях. Ланну оставалось только запоминать дорогу на случай, если придется вернуться.

— Легко, — неловко прыгая на здоровой ноге, сказал он. — Когда я жил с племенем, искал пропавших монгрелов в подземельях. И находил. В полной темноте и смертельной опасности.

Сайдири повернулась к нему и Ланн тут же пожалел, что залез в ловушку не той ногой. Если бы порезана была та, что покрыта чешуей, командор и шла бы с другой стороны, и этой беспомощной улыбки пойманного лжеца бы не видела.

— Сэм? — спросила она, выжидательно подняв бровь, и остановилась.

— Сэм.

Покачав головой и раздраженно вздохнув, Сайдири потянула его за собой снова, и Ланн едва не упал, пытаясь поспевать за ней на одной ноге.

— Когда-нибудь я откручу его ангельскую башку, — отвернувшись, прошипела она.

— Да за что?.. — она сказала «ангельскую»? — Что?!

Чем глубже в лес они заходили, тем гуще становилась растительность, и если Ланн хоть что-то понимал в северной природе, это неестественно. Кто-то потратил очень много свитков друидского мастерства, чтобы замаскировать подход к своему порогу.

— Иомедай питает к моей жизни странный болезненный интерес, — вытащив его на свет после длинного тоннеля цепких веток, проговорила Сайдири. — Однажды она сказала мне, что отказаться от божественной силы так же трудно, как и принять ее. Возможно, она следит за мной, чтобы убедиться, что ее собственный выбор был еще не самым хреновым...

Разве это не лучший выбор, который командор только могла сделать? Разве он сам и половина ее соратников не просили ее об этом? Разве она не осталась жива благодаря этому решению?

— Ты... — он сглотнул, — жалеешь?

— О том, что отказалась от божественных сил, выбрав жизнь наедине с собственной гордыней? — проговорила она, и в ее голосе проскользнула горькая ирония. — О том, что мои проблемы больше не решить щелчком пальцев? Пф, нет. Конечно, нет.

Ну что же, этот способ шутить он отлично знал, вот только не знал, как реагировать, когда им пользуется кто-то, кроме него. Потому что всерьез смеяться над этим сложно, а сделать вид, что ты принял все за чистую монету — еще сложнее. Там, откуда он пришел, Сайдири всегда смеялась над его шутками, так что он был уверен, что это работает, но сейчас...

Ланн никогда не думал, что если командор откажется от своих сил, с ней случится что-то плохое. Воображение рисовало ему совершенно идиллические картины, где ему всегда было место рядом с ней, где они проживали обычную человеческую жизнь. Но никогда, никогда в его мечтах она не была несчастна!

Сайдири помогла ему перешагнуть через небольшой ручей: вода стекала с поросших мхом камней и пробивала дорогу дальше, пересекая небольшую поляну и вновь скрываясь где-то в траве. Вход в пещеру чернел в нескольких метрах.

— Не подходи к нему больше, — после долгой паузы проронила она.

— Что? — в своих размышлениях он уже ушел слишком далеко от ангела, так что не сразу понял, о ком речь. — Ты же не думаешь, что ангел Иомедай может быть опасен?

— Это тебе не Длань Наследницы с радугой вместо мозгов! — остановившись напротив входа в пещеру, проговорила она. — Самаэль — чертов пернатый садист! Заставит тебя двадцать часов биться в агонии и сделает вид, что так и надо.

— Ла-адно, — осторожно протянул он, — найду себе собутыльника поприятнее.

Командор вздохнула и отвернулась снова, прекрасно понимая, что он ей не верит.

Но в этом нет никакого смысла! Ангелы Иомедай добры и благородны, как богиня, которой они служат. Ни один из них и мухи не обидит... без причины. Так что либо Сайдири ошибается и Самаэль вовсе не слуга богини крестоносцев, либо у него есть серьезные основания поступать так.

Света становилось все меньше, привычный с детства запах сырости проникал в легкие. То, что командор живет в пещере, это, конечно, иронично, но шутки по этому поводу он прибережет до момента, когда снова начнет бегать быстрее нее. По правде говоря, он может и сам о себе позаботиться — лекарства в сумке всегда есть, но раз уж начал давить на жалость — будь последователен. И желательно не красней.

— Ого, — завернув за угол и увидев несколько рядов оружейных стоек, выдохнул Ланн, — Ого! — добавил он громче, присмотревшись и обнаружив, что ряды уходят далеко во тьму. — Здесь весь дрезенский арсенал или только половина?

— Очень малая часть того, что я заслужила, — не скрывая гордости, проговорила она. — Я закрыла Мировую Язву, было бы глупо не вознаградить себя за это.

— Да ты арсенал ограбила!

— Что сказать, я привыкла творить справедливость собственными руками.

Вот теперь она вела себя так, будто они давние друзья, так, будто не пыталась прирезать его буквально вчера. Но если не считать явно вынужденного гостеприимства, что изменилось?

Сайдири разместила там же, где жила старая шаманка, но сделала это с большим комфортом. Небольшая ниша в стене завешена шкурами для защиты от холода, посередине как прежде горит костер, но около стен стоит пара сундуков, лежат циновки и яркими пятнами тут и там разбросаны расшитые подушки. Усадив своего гостя на сундук, командор ненадолго вышла, и Ланн, спешно вытерев руки о робу, потянулся к лежавшим рядом с сундуками бумагам, среди которых лежали несколько книжиц в кожаном переплете, подозрительно похожих на ее походные дневники... исписанные келешидской вязью, разумеется! Проклятье! Надо было тогда задержаться в Кадире и учить язык, но он ушел, как только понял, что к своей семье Сайдири не вернулась. Впрочем, одна книга была на общем — какой-то трактат о тактике и стратегии за авторством... Да ла-адно!

Командор отодвинула полог, держа в руках лекарства и свежие бинты. Она села напротив Ланна и стала разматывать окровавленные тряпки, которые он в спешке накрутил сам. Онемевшая нога заныла, кровь хлынула из перерезанных вен снова. Не то, чтобы Ланн жаловался, но когда Сайдири сидела перед ним на коленях в последний раз это было гораздо приятнее...

Твою мать, Ланн! Вот сейчас вообще неподходящий момент!

Он с трудом оторвал взгляд от ее плотно сжатых губ и отвернулся, сделав вид, что его крайне интересует пробивающийся с каменного потолка луч света.

— Как крупный специалист по пещерам, могу сказать, что здесь очень... — он сглотнул и попытался дышать ровнее, но куда там!.. — уютно, да. Можешь мне поверить, какие только вонючие дыры не облазил за всю свою жизнь, а здесь и помет летучих мышей с потолка не сыплется, и вообще... На мой невзыскательный вкус даже лучше, чем твоя комната в Дрезене...

Все-таки не удержался, да? Молодец! Сейчас вылетишь отсюда, как пробка из бутылки!

— Что ты делал в моей комнате в Дрезене? — нахмурившись, она отставила в сторону целебную мазь и взялась за бинты.

С другой стороны, что плохого в полетах? Отличный же способ избежать неловкой ситуации, в которую сам себя загнал! Но рожденный ползать может только изворачиваться...

— Следил, чтобы доблестная командор не зачахла от порчи, пока граф и Уголек пытаются наскрести хоть немного сил на лечение.

Почти не соврал. И этим тоже приходилось заниматься... помимо прочего.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросила Сайдири, обнаружив, что первый же поцелуй его буквально парализовал. Ланн посмотрел на нее, часто закивал и улыбнулся, потому что, черт возьми, это все, что он сейчас мог сделать.

Оказалось, что ему нужна минутка, чтобы просто уложить это все в голову: что Сайдири будет целовать его, что она будет делать это часто и что ей это нравится.

Он позаботился столь о многом для этого свидания — о еде, о вине, о признании... и не подумал о самых простых вещах. Да и откуда ему было знать? Венду поцелуев терпеть не могла, ему было просто не с кем узнать, на что это похоже...

В последний раз его перед сном в висок целовала матушка лет пятнадцать назад, в той далекой райской жизни, когда она еще не запиралась в дальней комнате, чтобы оплакивать своих младших детей. И эта тихая нежность даже рядом не стояла с тем захватывающим ощущением близости любимой женщины, которое он только что испытал.

Впрочем, если бы он принялся на ком-то тренироваться, едва ли командор бы это оценила.

— Это... не входило в план, — с трудом произнес он.

— У тебя был план и для этого тоже? — со смесью ужаса и восхищения спросила она и обернулась на кровать, а затем снова к нему. — С ума сойти! Расскажешь?

— Порча, — кивнула Сайдири и с трудом подавила зевок. — Я от нее почти не страдала, — она зевнула снова и на этот раз даже не стала с собой бороться. — Мне нужно отдохнуть. И, во имя песков Кафира...

— ...держи руки при себе, Ланн? — наблюдая за тем, как она складывает лекарства обратно в мешок, усмехнулся он. — Я понял и с первого раза. Прости, это было... неуместно.

— И ты меня прости, — Сайдири на секунду подняла на него темные глаза, а затем снова отвернулась. — Чувствуй себя как дома.

— Это легче, чем ты думаешь.

Развернув спальник и осторожно вытянув раненую ногу, Ланн уселся, прислонившись спиной к сундуку, и сделал вид, что его лук нуждается в срочном профилактическом осмотре. Сайдири улеглась на шкуры у стены, но пояс с ее оружием остался висеть на каменном выступе, и дышала она вовсе не так ровно... Ланн отложил лук и присмотрелся: командор то и дело двигалась, хмурила брови, сжимала пальцы — она видела беспокойные сны. И не видела их ни разу за те четыре дня, что они возвращались из Долины Храмов?

Святые Праведники! Она не проснулась, когда он по глупости прикоснулся к ней — она вообще не спала! Ланн не задумывался, как она оказалась в Долине раньше него, учитывая, что он передвигается в два раза быстрее, но теперь это очевидно — она просто не останавливалась, чтобы отдохнуть! И на исходе девятого дня практически ничего не соображала... удивительно, что у нее вообще осталась какая-то энергия к этому времени!

Но если она не доверяла ему настолько, что предпочитала в его присутствии не спать, то сейчас-то что изменилось?

Ланн откинул голову назад, рог громко стукнул о крышку сундука. Заранее скорчив виноватую гримасу, он повернулся в сторону спящей, но она даже не пошевелилась, только зрачки под веками беспокойно двигались из стороны в сторону.

Она спит крепко. Но только здесь — за полосой ловушек и под пятью футами камней.

Тяжело вздохнув, он потянулся вправо и нашарил среди бумаг тяжелую черную книгу в дорогом кожаном переплете. Не то чтобы Ланна очень интересовало искусство войны зловещего гнома, но спать не хотелось, а это единственная книга здесь, которую он вообще способен читать. Спустя пару страниц Ланн высоко оценил непревзойденные навыки рыцаря Деренге в области навевания скуки — иначе как под тонизирующим воздействием плети читать это невозможно. Впрочем, сон как рукой сняло, как только из-под плотных

страниц выпало пожелтевшее письмо.

Ланн с трудом разбирал курсив, но письмо было написано рукой гнома с самым разборчивым почерком в мире. После официального приветствия и подходящих случаю, но довольно сухих слов благодарности за обращение, Ланн прочел кое-что, что заставило его самого метнуть беспокойный взгляд в сторону входа в пещеру.

«Увеличение воронки жертв говорит о возрастающей потребности колонии в пище, — писал Регилл. — Я бы предположил, что у них есть портал и они призывают союзников, но тогда армия Бездны стояла бы у вас на пороге уже через месяц или два, а процесс тянется годами...»

Ого!

Нет, ОГО! Вот это похоже на причину не спать декадами и бросаться с ножом на любого, кто подойдет слишком близко!

«Зная о вашей склонности пренебрегать собственной безопасностью, я бы рекомендовал вам заручиться поддержкой армии Дрезена. Одно ваше имя заставит их снова встать в строй...»

И это было то, чего Ланн никак не ожидал от Рыцаря Преисподней. Строки, полные почти отеческой заботы, сухие и щедро пересыпанные военной лексикой, но со вполне понятным смыслом: «Не рискуй. Найди помощь. Держись!»

Регилл, которого знал он сам, ненавидел Сайдири.

Арилу Ворлеш не сломило ни окончательное осознание провала, ни долгая изматывающая битва. Она стояла на обломке мраморной плиты рядом с бушующей бездной, сердцем Язвы, которую сама же открыла сто лет назад. Подол ее шелкового платья чуть шевелили потоки магической энергии, поднимающейся из разлома. Она ждала.

Они все ждали.

Переминался с ноги на ногу Грейбор, проворачивая топоры в руках — знаменитое имя сегодня пополнит его послужной список. Не скрывая нахальной улыбки, покусывал губы граф Арендей — скоро он вернется к своей обычной жизни. Огромными глазами смотрела на Арилу Уголек и, как всегда, рассеянно улыбалась. С молчаливой торжественностью сжимал рукоять чекана Регилл, близок был момент его истинного триумфа. Ланн натягивал тетиву, не спуская с Архитектора глаз — всего одна смерть и все они будут свободны. Командор Сайдири стояла за их спинами, грозная как никогда — она шла сюда, смеясь и разбрасывая демонов, точно игрушки. Казалось, ничто не в силах ее остановить...

— Пора сыграть последнюю шутку, — проговорила командор, и по звуку ее голоса Ланн понял, что она улыбается, — и я — ее финальная строка.

То, что происходит что-то ужасное, они все поняли по лицу Арилу Ворлеш: на нем отразилось такое отчаяние, что не шло ни в какое сравнение с горечью поражения. Она протянула руку в сторону отряда, будто пытаясь что-то удержать, но когда они повернулись тоже — увидели лишь край плаща, мелькнувший и исчезнувший в разломе.

— Саи... — выдохнул Ланн, опуская лук. Не совсем понимая, что делает, он рванулся к краю, но точный удар под колени сбил его с ног. Рухнув на землю, он тут же попытался подняться, слыша за спиной рокочущее от гнева:

— Держи его, Арендей! Держи, он прыгнет!

Руки не слушались, подламываясь от действия паралича, но, мотнув головой, он сбросил наваждение и поднялся. Почему они пытаются ему помешать, ведь она падает?!

— Уголек! — в голосе графа проскользнули истерические нотки, и юная эльфийка

оказалась около Ланна раньше, чем тот успел сделать хоть шаг.

— Не волнуйся, — она взяла его за предплечье и безмятежность опустилась на него мягкой волной, — с ней все хорошо. Так, как должно быть.

Лук стукнулся о мраморный пол, выскользнув из ослабевших пальцев, Ланн опустился на колени и почувствовал, как паралич сковывает тело. Регилл подхватил его, чтобы он не рухнул лицом в пол и уложил на спину, так что все, что видел Ланн дальше — это изрезанное морщинами лицо гнома в отблесках разрыва...

Параликтор Деренге редко позволял себе проявление эмоций, но сейчас его и без того огромные глаза смотрели вперед с неподдельным ужасом. Он впивался взглядом то в одну точку, то в другую, и челюсть дрожала от бессилия и гнева, пока он не сцепил зубы так сильно, что они скрипнули.

— А я вам говорил, — раздался спокойный голос Грейбора откуда-то сбоку. — Но кто ж меня слушал...

Регилл сказал что-то, затем что-то еще, но эти лающие звуки не складывались в знакомые слова. Он говорил снова и снова, и его голос все больше напоминал рычание. Параликтор Деренге не отдавал приказов и не констатировал факт, он вообще не заботился о том, чтобы его понимали. Он ругался, и проклятья на языке инферно срывались с губ и падали в пропасть, где открывались новые разрывы один за другим...

Сцепив зубы, Ланн заставил себя сделать глубокий вдох. Все это в прошлом. У нее больше нет сил, чтобы выкинуть что-то подобное. И ни одна проклятая фея не предложит больше обменять ее собственную короткую жизнь на целую вечность жизнью Шиики...

И хватит об этом.

Если бы Региллу, которого он знал, довелось написать командору письмо, он бы не был так вежлив. После смерти Сайдири параликтор Деренге возглавил порядком потрепанную армию Дрезена. Он был оправдан трибуналом Рыцарей Преисподней и восстановлен в звании, поскольку был абсолютно прав, утверждая, что командору нельзя доверять. Рыцари Преисподней стали первыми, кто принял на себя волну хаоса, хлынувшую из Перекрестка Миров. И параликтор Деренге снова занял свое место среди них — выцветание отступил перед чудовищной виной, гневом и раскаянием.

Ланн перевернул письмо: судя по дате, оно написано лет пять назад... Почему она не сделала так, как сказал Регилл?

* * *

Следующее утро началось с потрескивания костра и запаха душистых трав. Не открывая глаз, Ланн улыбнулся — это хорошо, почти так же хорошо, как раньше. Во время войны Сиила часто использовала этот отвар, чтобы зомби под названием «отряд командора» поскорее восстали из мертвых и могли сражаться, не засыпая на ходу хотя бы в течение следующих нескольких часов.

Он открыл глаза и поднялся. Сайдири сидела около котла и время от времени подбрасывала что-то в кипящую воду. Ее волосы завивались мелкими колечками от влаги, должно быть, она успела помыться в ручье... И он это проспал. Жизнь несправедлива.

Запах становился гуще, отчетливо отдавая горечью. Какого черта она делает? Трав слишком много для этого количества воды — пить будет невозможно!

Командор подняла на него глаза, а затем опустила взгляд ниже, на спальный мешок, рядом с которым все еще валялась книга. Проклятье! Когда-нибудь он научится думать наперед и замечать следы до того, как станет поздно, но точно не сейчас!

— Не знал, что Регилл написал книгу, — потягиваясь как можно беззаботнее, проговорил он.

— Регилл умер, — раскладывая в чашки на полу перед собой несколько порций вяленого мяса, сушеных фруктов, крупы и сухарей, ответила она. — Выцвел несколько лет назад.

— Этого я тоже не знал.

Значит, это не просто книга, это прощальный подарок. Впрочем, ничего удивительного. Будь Регилл здоров и полон сил, он бы примчался лично, чтобы найти и передавить остатки своих врагов вместо того, чтобы раздавать советы.

— И что думаешь?

— О книге? Не знаю, я уснул на перечислении стратагем. Это было... — он задумчиво почесал шею, — на второй странице, кажется.

— О письме.

Ланн трагически вздохнул. Он-то уж грешным делом подумал, что проверки закончились. Рано расслабился, выходит. Наступит ли вообще момент, когда она начнет

доверять ему, как прежде?

Сайдири зачерпнула из котла отвар, настолько густой, что он напоминал скорее сироп, чем напиток и методично сбрызнула им всю еду, что перед ней стояла.

— Знаешь, я много в своей жизни ел вещей, на которые прочие бы даже не посмотрели, но вот это... это точно есть нельзя.

— Я смотрю ты давненько не выбирал между плохой едой и смертью, — усмехнувшись, она бросила на него быстрый взгляд. — Чем ты занимался последние десять лет?

Она не принимала еду из его рук не потому, что боялась, что он ее отравит — хотя, может, и поэтому тоже. Она должна потреблять огромное количество тонизирующих веществ, чтобы не спать за пределами своего убежища. Демоны — хорошая причина для такой стратегии, но гораздо проще собрать отряд и путешествовать с комфортом.

— Путешествовал, я же говорил, — и не давая ей возможности придаться к ответу, тут же спросил: — Почему ты не привлекла армию, чтобы уничтожить колонию?

— Потому что я не могу доказать ее существование, — вздохнула Сайдири. — Будь меня армия, куда бы я ее повела? Люди пропадают тут и там, внезапно и не оставляя следов, но это могут быть феи, недобитые культисты, преступники...

Закончив с запасами, Сайдири повернулась к нему и начала рассказ до боли напоминающий отчеты, которые ей самой присылали пачками несколько лет назад.

С тех пор, как Язва перестала существовать, поселений стало больше — выросло несколько новых деревень, Студеная Заводь превратилась в город. Время от времени Сайдири проходит мимо и слушает, о чем говорят люди, и они слишком часто оплакивают пропавших. Там молодая женщина пропала среди беда дня, там мужчина ушел в лес и не вернулся, там кто-то утонул в реке, но никаких тел, никаких следов. Никогда пропавшие не бывают детьми или стариками: все они молоды, сильны и здоровы. Не бывают они и богатыми, знаменитыми или обличенными властью...

Не во всех поселениях есть даже регулярное ополчение, не говоря уже о страже, так что если раз или два в год где-то пропадет человек, остается либо оплакивать его, либо надеяться, что он вернется. В больших же городах вроде Дрезена это капля в море, никто не станет искать пропавшего каменщика или прачку.

— Но ты считаешь, что это демоны?

— Мда... — сказала она, и в ее голосе ему почудилось сомнение.

Ни разу с тех пор, как Сайдири поселилась здесь, люди не пропадали в Зимнем Солнце. Несчастные случаи, конечно, бывают, но она всегда находит останки. Кто бы это ни был, он хорошо знает, где охотиться можно, а где нельзя. Кроме того, в какое бы поселение она ни отправилась, чтобы расследовать исчезновения, новые в это время всегда происходят в каком-то другом.

— ...что потребовало бы постоянной слежки и связи с остальной группой.

Или простого совпадения. Поселений много, а командор — одна. Не имея возможности предугадать исчезновения, она никогда не приходит вовремя.

— Я хочу, чтобы ты отправился в Соловьиную Рошу вместо меня и поговорил с людьми о пропавших.

А! Так это способ от него избавиться? Изящно. Ты мне очень поможешь, Ланн, если свалишь отсюда как можно дальше! И я буду просто счастлива, если не вернешься!

— Ты думаешь, люди будут разговаривать с парнем вроде меня? — усмехнулся он и поднял чешуйчатую руку, чтобы указать на свое лицо.

— Другого у меня нет.

И вот попробуй теперь отказаться! Давить на то, что кроме него никто не может ей помочь — это же попросту нечестно! Ланн бы даже обиделся, если бы сутки назад сам не притворился беспомощным...

— Может ты и не самый очаровательный собеседник, но уж точно самый настойчивый, — на ее губах впервые за долгое время появилось что-то вроде улыбки. — Скажи, что это твое испытание для Лиги Следопытов — найти и вернуть домой пропавшего. Всегда срabатывает.

Сдавшись, он кивнул и принялся разматывать бинты — из чего бы командор не сделала ту мазь, работала она отлично.

* * *

Поселение в Соловьинной Роще оказалось просто крошечным — меньше десяти домов и все принадлежат лесорубам. Не удивительно, что первая же женщина, которую он встретил, всхлипывая, рассказала, что двое мужчин и сын одного из них неделю назад пошли на вырубку и пропали. Остальные искали их, но не нашли ничего, кроме в панике брошенного инструмента. Пропали даже мулы, запряженные в телегу, на которой древесину отправляли в деревню.

Когда Ланн вернулся в лагерь, там никого не было, так что он занялся едой и припасами. Командор пришла только к вечеру, и одного взгляда на ее хватило, чтобы понять, что она снова вернулась к своему мрачному настроению. Но они покинули окрестности Зимнего Солнца всего три дня назад — еще слишком рано для крайней степени усталости. Если судить по путешествию в Долину Храмов, она способна держаться гораздо дольше.

— Трое да еще и с животными, — фыркнула командор, хотя он был готов поклясться, что она снова едва его слушает, — это не то, что мы ищем. Завтра отправимся на север. У меня нет на это времени.

— Будет, если ты нормально поешь и отдохнешь. Зачем еще нужны полуящеры, как не для охраны? То есть ты, конечно, можешь придумать еще парочку крайне полезных применений, вроде разведки, стрельбы по демонам, поиска припасов... ловли бабочек... массажа спины...

Нет, она определенно не слушает.

— И еще я отлично готовлю.

— Ага, — смотря куда-то сквозь него, протянула Сайдири. — Хуже монгрельской кухни только демоническая.

— Знаешь что? — сложив руки на груди, Ланн выпрямился и укоризненно посмотрел на нее. — Я сейчас сделаю вид, что я этого не слышал и совершенно не оскорблен. Но если ты вдруг захочешь принести извинения, я буду сидеть во-он там, на коряге для недооцененных спутников.

Уходя он подхватил с земли лук и аккуратно столкнул им крышку с котелка, та бесшумно упала на опаленную траву рядом с костром.

Сидеть пришлось около часа, и Ланн успел десять раз пожалеть, что не поужинал сам, но возвращаться было бы крайне не поучительно. Так что он сидел там голодный и злой, тарашась в просветы между деревьями до тех пор, пока не услышал отчетливый щелчок где-то впереди. Он подобрался и поудобнее перехватил лук, но услышал только взмах крыльев какой-то крупной птицы и пришел к выводу, что эта командорская паранойя дьявольски заразна.

— Извини.

Ланну довольно часто приходилось жалеть о том, что улыбаться он может только наполовину, но вот сейчас он жалел особенно сильно, поскольку это ощущение торжества в полуулыбку никак не помещалось. Не оборачиваясь, он назидательно поднял палец вверх и поправил:

— Извини, Ланн, — опустив руку на лук снова, он рассеянно посмотрел вперед, но не заметил бы ничего, даже если бы мимо конница прошла. — Ты не называешь меня по имени с тех пор, как встретила, хотя я абсолютно уверен, что ты его знаешь.

Он знал, что получится! Мясо с рисом и изюмом — одно из самых распространенных блюд в Кадире. Тех же специй здесь, конечно, не найти, но все же...

Тяжело вздохнув, командор переступила через корягу и уселась рядом.

— Это... сложно, — глядя вперед, проговорила она.

— Четыре буквы всего!

— Ланн умер, — серьезно напомнила она и повернула голову, в ее темных глазах не было ничего, кроме усталости. — Я понятия не имею, кто ты такой. Ланн, которого я знала, предпочел бы осесть где-нибудь и завести семью, а не бегать по лесам за своим полевым командиром через десять лет после окончания войны.

И эти вещи абсолютно никак не связаны. Ни чуточки. Неа. Вообще нет. И лучше бы она думала так и дальше...

— Люди обычно не хвастаются такими вещами, но если ты настаиваешь... — он вздохнул и отвел глаза. — Я был женат, и она меня бросила. И даже не ради кого-то посимпатичнее, как можно подумать...

В то, что отряд отправляется на поиски самогонного аппарата старой ведьмы не верил никто и, кажется, даже командор, так что когда под хижинкой начала твориться чертовщина, все приняли это как должное. Теневые демоны, плененные ангелы, безумные монгрелы — еще один скучный день Пятого Крестового Похода. Немного разбавило его развлечение с просмотром сокровенных желаний каждого из присутствующих.

Вздыхающая, плачущая, колышущаяся масса плоти занимала целый бассейн и была причиной всех этих видений. Командор замерла перед десятками сшитых воедино тел и душ, взгляд ее затуманился, мечтательная улыбка украсила губы, но через секунду она подняла руку, чтобы прикрыть глаза. И десятки призрачных отпечатков ее руки, каждый в своем положении, замерли в воздухе на мгновение, а затем последовали за оригиналом. Сайдири сделала шаг назад, и десятки копий ее тела и лица остались на месте... и они не были похожи друг на друга.

— В голову мне лезешь, мара*? — мечтательная улыбка сменилась злобной. — Я тоже умею...

*сука (прим. авт.)

Плоть демонов всколыхнулась, точно волна, и вместо сводящего с ума шепота десятков голосов, в воздухе разлилось... чириканье. Командор смотрела на них, не моргая, и Ланн осторожно подошел, чтобы положить руку ей на плечо.

— После того, как они начали чирикать, стали еще отвратительнее, — внимательно разглядывая ее лицо, проговорил он. — А я-то думал, это невозможно...

Сайдири посмотрела на него и улыбнулась — она в порядке, ничего, кроме очередного чуда, не произошло. Ланн отпустил ее и улыбнулся тоже.

— Я уж испугалась, что ты сочтешь их аппетитными, — проворчала командор и

махнула остальным рукой, давая знать, что здесь безопасно. — В конце концов теперь это чуть менее мыслящие существа, чем раньше и их можно...

— Я не настолько плох! — возмутился Ланн. — Чтобы ты знала, перед свихнувшимися демонами в моем списке в-крайнем-случае-съедобных неразумных существ стоит граф Арендей.

— Я польщен, — широко улыбаясь, протянул граф и направился вглубь лаборатории, — может быть на привале дам тебе себя облизать. Ну, чтобы это место наверняка осталось за мной, не хочу опускаться ниже демонов в чем бы то ни было.

Рассмеявшись, командор пошла за остальными, привычно положив руки на рукояти кинжалов.

— И вот демоны перестали быть самыми отвратительными в этой комнате, — пробормотал Ланн и обернулся назад, чтобы удостовериться, что за ними никто не следует. Граф умел испортить настроение в любой, даже самой безнадежной ситуации, когда кажется, что хуже уже не может быть, но Ланн расстроился не из-за него.

Эти твари вывернули наизнанку всех. И он ожидал, что узнает что-то о мечтах Сайдири тоже. Не то чтобы он всерьез рассчитывал увидеть там себя или хотя бы то же, что в собственных грезах. Ему жить-то осталось лет десять, а то и меньше, если подвернется случай разменять время на славу в этой войне. Он хотел бы просто понимать ее лучше, быть ей лучшим другом, пока он здесь.

Но то, что он видел, не похоже вообще ни на что.

— Что это было? — догнав командора и махнув рукой у себя перед глазами, спросил он.

— Не знаю, — пожал плечами, вздохнула она. Но заметив, как он поджал губы, повторила уже теплее. — Правда, не знаю. Как будто меня одной слишком мало, чтобы понять... — она вдохнула затхлый воздух полной грудью, как это делал он сам, когда ему грезился морской соленый ветер. — Но ощущалось, как что-то восхитительное.

— ...ради бесчисленного множества других возможностей, — закончил он почти спокойно. Может, раны и правда затянулись со временем, а может, присутствие командора не дает снова сорваться в черноту, которой обернулся целый мир, когда погасло его Солнце. — И, если честно, язык не поворачивается обвинить ее в этом. Ну кто устоит, когда на одной чаше весов все блага этого мира, а на другой, ну... я? — пожал плечами, он осторожно взглянув на свою собеседницу, и тут же вскинулся: — Ты что, глаза закатила?

Сайдири мгновенно придала своему лицу самое достойное выражение из возможных:

— Нет.

— Закатила, я видел!

Командор вздохнула тоже, плечи опустились, напряжение заметно спало.

— Только ты можешь так рассуждать, — покачав головой, тихо проговорила она. — Любой нормальный человек был бы в ярости.

— Я был, — Ланн с усилием потер лоб, ему чертовски не хотелось вспоминать о людях, которых он оттолкнул, и мостах, которые сжег, — но это прошло. И когда одна мечта пошла ко дну, меня спасла другая. Я много где побывал и много чему научился. Так что, когда я нашел тебя, я подумал... может, начну сначала? Убивать демонов, спасти людей — все просто.

— Это никогда не было просто, — командор встала и положила руку ему на плечо. — Посторожишь первым?

Ланн нехотя поднял голову и посмотрел на нее — даже с половиной лица можно выдать

гораздо больше эмоций, чем хочешь. Но иногда нет ничего странного в том, чтобы выглядеть грустным, так что он просто кивнул. Командор улыбнулась слабо, но вполне дружелюбно, и отправилась к своему спальнику.

— Кстати, — обернувшись, бросила она, — там осталось немного еды для недооцененных спутников.

Ланн улыбнулся и украдкой приложил руку к плечу, где кожа еще хранила тепло прикосновения. Так много лет у него не было ничего, кроме воспоминаний. Теперь у него снова есть мечты.

Поваленные деревья в часе ходьбы от деревни еще источали сладкий запах смолы, прозрачными каплями выступающей на срубах. Командор целое утро делала вид, что судьба лесорубов ее совершенно не интересует, и все это лишь бессмысленная трата времени и сил, но не приказала повернуть на север и даже не послала его к чертям вместе с его альтруизмом. Ланн решил, что это хороший знак.

— Натоптано, как в коровнике, — фыркнула она, осмотрев поляну, — они даже телегу увезли.

— Они не ждали помощи, — напомнил Ланн, — до Кенабреса два дня пути, никто не станет посылать к ним стражу.

Командор ничего не ответила, она опустилась рядом с деревом и с мрачным видом принялась ковырять кинжалом почерневшую сердцевину. Весь ее вид говорил: «Смотри, я теряю тут время исключительно из-за тебя! Я даже поищу что-нибудь, но без всякого энтузиазма, чтобы ты вдруг не подумал, что я заинтересована...». Ланн отправился осмотреть лес за пределами поляны, не слишком надеясь что-то найти. За неделю примятые травы подлеска успели выпрямиться и следов не видно, разве что удастся найти переломленные ветки. Наткнувшись на пожелтевшие кости мулов он сперва решил, что они слишком старые, чтобы иметь отношение к тому, что произошло всего неделю назад, но...

— Рощу нужно сжечь.

Только благодаря многолетнему опыту выживания в опасных условиях он не заорал и не отпрыгнул в сторону. Великие Боги! В этом лесу даже птицы не поют — так тихо! Что заставило Сайдири подумать, что это хорошая идея — подкрадываться к нему со спины? Ну, кроме мести за то, что он сделал то же самое недавно, но черт побери, он же извинился! Извиниться за непроизвольный плевок ядом в лицо будет гораздо сложнее!

— Что ты сказала? — отворачиваясь от костей мулов, переспросил он.

— Все время забываю, что у тебя всего одно ухо, — Сайдири присела рядом с ним, взяла его руку и высыпала что-то в ладонь. — Роща. Ее нужно сжечь.

Нет, он и в первый раз слышал, просто не поверил, что она действительно могла это сказать. А животные? А деревня? Они же погибнут в огне! Лесной пожар нельзя контролировать! Но разглядывая маленькую высушенную оболочку личинки среди трухлявых опилок на своей ладони, он находил все меньше поводов для возражений.

Хорошая новость в том, что этому рою от роду неделя. Много лет назад, не сумев прокормить свою королеву в опустошенных войной землях, вескаворы забились в дупло большого дерева и впали в спячку, ожидая времени посытнее. И когда крестьяне срубили дерево — это время пришло. Плохая новость в том, что командор, как и Ланн, понятия не имеет, где искать их новорожденную королеву.

— Мы можем найти гнездо...

— Или сжечь Рощу, — оборвала его Сайдири. — Королева не летает и передвигается крайне медленно, она погибнет в огне. Сейчас у меня нет армии, которую можно скармливать гнусам, пока я ищу их мать.

— У тебя есть я.

Сайдири открыла рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрыла его. Она часто так делала, если не могла найти слов на общем. Неудивительно, она покинула Дрезен очень

давно и наверняка уже много лет не говорила никому чего-то вроде: «Ты такой смелый! Я восхищаюсь тобой!».

— Ну нет, — прошипела она и больно ткнула его пальцем в грудь. — Второй раз я на это не куплюсь! Ты будешь делать то, что я скажу!

— Лес сгорит вместе с деревенскими домами! — все еще не веря в то, что она собирается поступить так с людьми, повысил голос Ланн, но Сайдири на него даже не взглянула, она рылась в своей сумке — маленькой снаружи, огромной внутри.

— Действительно, — она бросила ему бутылку с алхимическим огнем. — Какой кошмар, — бросила другую. — Наверняка каждый из этих людей предпочел бы потерять мясо со своих костей, чем дом и пожитки!

Ланн поймал обе и приладил к поясу, но все еще понятия не имел, что ему делать, если не удастся договориться. Ну не драться же с ней, в конце концов! Это в первый раз она спокойно перенесла поражение*, и то исключительно потому, что он нравился ей! Сейчас у него такого преимущества нет!

— Их нужно хотя бы увести в безопасное место!

— Хорошо, займись этим, — сдавшись, махнула рукой она. — Я остаюсь. Каждую минуту, что мы медлим, рой набирается сил. Может, ты и был на другой войне, где облако плотоядной саранчи опускалось на землю, чтобы опылять цветочки, но я помню не это...

Не успев даже в красках рассказать ей о том, какая это замечательная идея — оставить ее в лесу наедине с вескаворами, Ланн замер, уловив краем сознания гул, знакомый до зубовного скрежета и зуда примерно везде. Сайдири развернулась в ту же сторону спустя пару секунд — ее лицо исказила гримаса отвращения, которую она тут же спрятала за платком.

— Раздувать пожар некогда, — не скрывая облегчения, произнес Ланн. — У нас снова плохой, но единственный план.

Фыркнув напоследок, командор надела капюшон и растворилась в воздухе. Ланн сорвался с места в сторону роя — из него получится хорошая мишень.

— Сдохнешь — назад не приходи! — услышал он шипение вслед и рассмеялся, ему-то не нужно вести себя тихо — даже наоборот. Но через два удара сердца Ланн понял, что командор не шутила. Даже если ей ни разу не приходилось укладывать его предшественника обратно в могилу после визита очередного некроманта в Долину Храмов, то он сам — живое доказательство того, что подобное вполне может случиться.

Пока живое.

Рой ни в какое сравнение не шел с теми грандиозными скоплениями насекомых, что Ланну довелось повидать во время войны, и все же был достаточно большим, чтобы сожрать одного человека. Или половину человека, если побрезгует второй, хотя это вряд ли — вот уж кто, а вескаворы не судят по внешности. Кольшущаяся черная масса огибала деревья, точно живая река. Едва убедившись, что привлек внимание, Ланн бросился в сторону — и на этот раз так быстро, как только мог.

О том, чтобы поразить насекомых стрелами и речи не шло — их слишком много, а времени слишком мало. Он должен только бежать и бежать достаточно долго, чтобы командор успела найти королеву.

Сколько времени ей может понадобиться? Полчаса? Час? Судя по тому, как быстро рой обнаружил новых жертв в лесу, королева близко, но насколько? Если командору повезет, она найдет гнездо прежде, чем рой переключится с приманки на нее...

Вот только ей больше не везет.

Перемахнув через ствол огромного поваленного дерева, он провалился в скрытую мхом яму по пояс и, потеряв несколько драгоценных секунд, выбрался и снова побежал. Что-то больно ужалило в затылок и, закинув руку за спину, он оторвал от себя насекомое и с хрустом раздавил в руке. На ладони осталась кровь вперемешку с зеленоватой слизью.

Часа у командора точно нет...

Мир на секунду погас и вспыхнул снова, когда Ланн нырнул сквозь пространство, чтобы разорвать дистанцию. Даже жаль, что это помогло ненадолго. По выжженной земле бежать легко, но земля дремучего леса полна сюрпризов и заставляет терять время, преодолевая препятствия одно за другим.

Что если чуда не случится? Для того, другого Ланна его не произошло, почему сейчас должно сработать?

Не думай об этом. Беги!

Рывок сквозь пространство, еще один, еще один, еще... Насекомые забираются под одежду и жалят, но он их уже не снимает — любое лишнее движение тратит время, а его все меньше. Ноги утопают во мхе, и последние силы уходят на то, чтобы просто продолжать двигаться, потому что с напроць сбитым дыханием и глазами, залепленными беспрестанно шевелящейся саранчой, сквозь пространство уже не прыгнешь...

Командор права. Поджечь лес — единственное верное решение, но кто теперь скажет лесорубам об этом?

Чуда не произойдет. Удача оставила его вместе с Дрезенской Шутницей.

По крайней мере в соревновании на самую глупую смерть среди всех отражений Ланна он уж точно одержит победу. Будет самым выдающимся неудачником из всех возможных...

Одежда промокла от пота и крови, кашель разрывает грудь. Ланн абсолютно уверен, что не открывал рот, но он чувствует, как легкие наполняются болью и десятками шевелящихся тварей. Они повсюду: они застыт свет и в мире не остается ничего, кроме гула тысяч крыльев и ужасной боли, туманящей разум. Но стоит только подумать, что боли уже не может быть больше, как под острыми жвалами саранчи с хрустом лопаются глаз и вытекает в шевелящуюся массу, покрывающую лицо.

Пускай. Пускай жрут — не жалко. Зато теперь они точно все в одном месте — на нем.

Найдя ближайшее дерево практически наощупь, он сорвал с пояса бутылку алхимического огня и разбил ее о твердую кору. Ланн знал, что горит, но боль и без того была такой сильной, что разницы он не почувствовал — разве что на секунду стало светлее перед поглотившей его тьмой.

* * *

Запах бодрящего отвара настолько въедлив, что проникает в душу и отправляется за своими адептами в посмертие. Другого объяснения тому, почему Ланн его все еще чувствует, просто нет. С другой стороны, разве мертвые чувствуют запахи? У большинства мертвяков из тех, что он видел, вообще не было носов — они отваливаются через некоторое время после того, как останавливается сердце, прекращается приток крови и гниение делает свое дело.

Ланн поднял руку к лицу. Нос на месте. Открыл глаза — рука тоже при нем и даже не напоминает кусок сыра с дырками от вескаворов. И вторая рука здесь — такая же зеленая, как раньше. Потрясающе!

— Ух ты! — выдохнул Ланн. Он-то думал, что рой от него ни чешуйки не оставит, а вот

поди ж ты! Такой же красавец, как из пещер вышел — хоть сейчас надземных детишек пугать!

Поднявшись со спальника, он осмотрелся — вокруг все еще шумит лес, но здесь разбит лагерь, кипит над костром котел и — да! — командор сидит спиной к нему всего в нескольких шагах.

Сайдири убила королеву вескаворов и вернулась за ним! Разве могло быть иначе? А он еще сомневался, будто они вместе десятки раз не выбирались из передрыг пострашнее! Но сейчас они явно далеко и от гнезда, и от места, где остановился он сам — даже запаха гари не чувствуется...

— Ты что, на руках меня сюда принесла? — осматривая себя и не узнавая слишком свободную одежду, спросил он. О том, каким образом он умудрился сменить гардероб, будучи в отключке, лучше не спрашивать — ответ может ему чересчур понравиться.

— Было бы что нести, — не оборачиваясь, глухо проговорила Сайдири. Плащ скрывает ее практически полностью, но можно заметить, как двигаются локти — она явно чем-то занята.

Осторожно ступая босыми ногами по сосновым иглам, Ланн обошел ее сбоку и остановился, не в силах выдавить ни слова. Жилистые смуглые руки Сайдири покрывали большие ярко-розовые пятна, еще недавно сочившиеся кровью от укусов саранчи. Скорее всего, командор применила пару свитков лечения, но этого не хватило и теперь она неспешно накладывает слой за слоем ту же мазь, которую использовала, чтобы вылечить своего непутевого спутника всего пару дней назад.

— Свиток регенерации был всего один и... — Сайдири подняла на него усталые глаза, вздохнула и вернулась к своему занятию, — просто заткнись.

— Я молчал, — опускаясь рядом с ней на землю, напомнил он.

— Продолжай в том же духе.

И он молчал. И о том, как ему жаль, что ей пришлось выколупывать останки саранчи из его обгорелого трупа. И о том, что она потратила на него не только свиток регенерации, но и воскрешения, и едва ли сможет позволить себе новые в ближайшее время — дрезенская казна явно больше не в ее распоряжении. И о том, как нестерпимо хочется ее обнять и просить прощения снова и снова: за то, что такой идиот, за то, что был недостаточно сильным и быстрым, за то, что подвел ее...

Пострадали не только ее руки — платок закрывал лицо, но лишь наполовину, так что около правого глаза чернела запекшаяся кровь и вздулись несколько волдырей. Понятно, почему командор заботится сначала о руках — до тех пор, пока они не заживут, она не сможет держать оружие, и все же... перехватив его взгляд, Сайдири подцепила еще немного мази из банки и подняла руку к виску, но остановилась на полпути, потому что Ланн проделал то же самое быстрее. Она так и застыла с поднятой рукой, неотрывно глядя ему в глаза, пока Ланн с виноватой полуулыбкой осторожно покрывал укусы мазью.

Вот бы она тоже улыбнулась! Не то чтобы он заслужил, конечно... но раньше ей не нужен был повод. Впрочем, повод всегда можно создать!

Закончив с обработкой ран, он отнял руку от ее виска и быстро склонился, чтобы слизнуть остатки мази с ее пальцев.

— Ты что?... — вздрогнув, начала она, но не успела договорить, как лекарство было безвозвратно потеряно.

— На меду, — облизнулся он, — так и знал. Глупо не использовать его, если

неудачливые охотники тебе его ведрами носят.

Ох, черт! Судя по выражению ее лица, она не считает это забавным. Но взгляд «Ну что за придурок!» все равно лучше, чем «Еще шаг и я тебя зарежу!», верно?

Все-таки съесть лекарственные запасы — не лучший способ произвести хорошее впечатление на женщину, особенно если она уже потратила на тебя их большую часть. Проклятье, почему он не подумал об этом заранее?

Наверное потому, что он чертовски долго не прикасался к ней подобным образом и готов воспользоваться любым шансом, даже если это выглядит глупо...

— Знаешь, они беспокоятся из-за тебя, — выпрямившись и отчаянно делая вид, что ничего особенного не произошло, резко сменил тему он. — Не ходи, говорят, в лес — Орсо пропал, без него там опасно. Вернешься — снова закармят сладким, вот увидишь. Но, если хочешь, я могу сказать им, что рис с мясом и специями медведи любят больше. Как думаешь, мне поверят?

Командор шумно выдохнула, опустила руки, плотно закрутила банку с остатками мази и, забавно оттопырив пальцы, бросила ее в сумку. Мазь очень липкая — ближайшее время Сайдири не сможет сделать ничего, не опасаясь испачкать все, к чему прикоснется. И будь она его женой, он непременно воспользовался бы этим, прижимая ее к усыпанной иголками земле до тех пор, пока она не станет похожа на ежа и действительно не разозлится, а потом...

Ланн вздохнул, склонил голову и потер глаза. Все это время он избегал одного вопроса, слишком важного, чтобы действительно о нем раздумывать.

Почему она должна полюбить его снова? С чего он взял, что это вообще возможно?

Ему невероятно повезло в первый раз — сверхъестественная, невозможная удача распространялась на всех спутников Сайдири, и в том числе на глупого влюбленного монгрела. Что если ее же сила сыграла с ней злую шутку и на самом деле Ланн никогда не был ей нужен? Учитывая то, как все закончилось, это вполне вероятно.

— Командор была как ты — одно лицо, одно имя, — проговорил он уже гораздо серьезнее и на этот раз ему удалось привлечь ее внимание. — Удача шла за ней по пятам, чтобы переломить в нашу пользу любое сражение...

— Спасибо за напоминание, — сцепив в замок напряженные пальцы, проговорила Сайдири и посмотрела в сторону, — а то я уж забывать начала.

— Я привык думать, что пока она с нами, мы непобедимы. И я сглупил. Но ты давно знаешь, что сил у тебя нет, и все равно... — Ланн вздохнул и тоже отвел глаза. — Регилл был прав. Попроси ты помощи в Дрезене, нас было бы больше и...

Сайдири выпрямила спину и то, что за ней давно не стоит армия, показалось незначительным — настолько грозным был взгляд ее черных глаз.

— Мало по моему приказу людей полегло? — проговорила она с вызовом. — Нужно еще?

— Я не это имел в виду, — покачал головой Ланн, но через секунду с подозрением уставился на нее. — Погоди... ты что, взяла меня с собой только потому, что меня не жалко?

Сделав глубокий вдох и резко выдохнув, она заговорила сдержанно, но голос гудел, как струна, натянутая до предела.

— Я взяла тебя с собой потому, что не смогла от тебя избавиться. Одно из многих решений, о которых мне пришлось пожалеть.

На минуту стало так тихо, что ветер в листве показался течением бурной реки.

Она поняла. В отличие от той Сайдири, которую он знал, ей не потребовалось нескольких лет, чтобы сделать вывод, что он абсолютно бесполезен. Симпатия не застилала ей разум. Ланн прикусил губу и закрыл глаза. Он надеялся хотя бы на пару месяцев, чтобы успеть расположить ее к себе прежде, чем она поймет, что он ей не нужен даже в качестве подстилки для ног, но он не успел.

В прошлый раз пережить это было сложно, но таким слепым, как прежде, он больше никогда не будет.

Крепость Рубеж крошилась, как корка черствого хлеба. Разрывы пространства, открывающие один за другим проходы на другие планы, отсекали от нее кусок за куском и те падали в бездонную пропасть. Арилу Ворлеш так и осталась смотреть на это безумие и вспышки света, сгустки тьмы и всполохи огня вскоре совсем поглотили ее одинокую фигуру.

Ланн не помнил даже, как отряд добрался до лагеря — Дейран и Уголек позаботились о том, чтобы он не сопротивлялся. Но в общей суматохе поспешных сборов, которыми железной рукой командовал Регилл, о Ланне просто забыли. Или предпочитали не трогать лишний раз до тех пор, пока он не попытается сигануть в разлом снова.

Но он и не пытался. Ланн и сам понимал, что поступил глупо — это ведь всего лишь шутка, а он повелся как последний идиот. Сайдири скоро вернется и они отправятся домой вместе. Навстречу жизни, которую заслужили.

— Пора уходить.

Вольжиф, усталый и растрепанный, с волосами, испачканными в саже, крови и одни Боги ведают в чем еще, тронул его за плечо и кивнул в сторону. Ланн даже не пошевелился.

— Идите, мы вас догоним, — проговорил Ланн и, заметив, как тифлинг застыл в замешательстве, добавил: — Она вернется. Это просто очередная дурацкая шутка.

Вздвогнув от грохота, с которым рухнул мост, соединявший Рубеж с поверхностью, Вольжиф втянул голову в плечи и зашипел:

— Дурацкой шуткой было всё, что мы делали до этого! — в уголках его янтарных глаз блеснули злые слезы. — Всё!

Ланн покачал головой. Многие поступки командора казались глупыми и лишёнными смысла поначалу. Но армия пропойц короля Табердина заставила демонов лопнуть от смеха при возвращении Дрезена, Лорд демонов Дескари споткнулся и упал на ровном месте, хотя у этой твари отродясь не было манжет, чтобы на них до такой степени отвлечься... объяснить все это он не успел — Вольжиф уже убежал к остальным, размахивая руками.

Ланн снова повернулся к обломкам крепости. Должно быть, для всех это сейчас выглядит как предательство, но когда Сайдири вернется, все встанет на свои места. Потому что довести их до Рубежа, преодолев множество опасностей и едва не расставшись с собственной жизнью, а затем просто бросить, увеличив Язву в десятки раз — вот в чем нет никакого смысла!

Краем сознания отметив, как дрожат руки, Ланн поднял их и сложил на груди. Ерунда, это просто усталость — вдохни поглубже и думай о хорошем.

Это какой-то трюк. И он вскоре раскроется. Вот-вот.

— Не бойся, она в порядке, — остановившись в шаге от него, светло улыбнулась Уголек. Ланн согласно кивнул и девочка продолжила: — В таком, который никто из нас не в силах даже вообразить. Она оставила все, что заставляет смертных страдать — личность, тело, привя...

Договорить она не успела, потому что вспыхнувший за ее спиной в вихре фиолетового дыма Вольжиф рванул девочку за одежду назад за секунду до того момента, как кулак Ланна достиг ее лица. Рыча что-то о том, что поехавшей командора им всем было мало, тифлинг потянул Уголек прочь, та не сопротивлялась. Ланн остался смотреть на свою руку в полном недоумении.

Уголек постоянно говорила глупости, и он не злился на нее ни раньше, ни теперь. Как это могло произойти?

Единственным более или менее здравомыслящим человеком во всей этой толпе оказался Дейран. Со своей обычной усмешкой он заметил, что когда бы не вернулась командор, оставившим ее драгоценного супруга умирать посреди Язвы в одиночестве не поздоровится, так что лучше бы им всем добратся до Дрезена и подождать там. Если, конечно, Ланн не хочет, чтобы всем досталось из-за него по первое число.

Губы Дейрана улыбались, но глаза блестели холодным зеленым стеклом.

В отличие от той лачуги у самых ворот Дрезена, где ютилась добрая половина племени, дом в Зимнем Солнце был слишком велик для одного. Основательный, крепкий, с просторным чердаком, толстыми стенами, сложенными из бревен, и коньковой крышей, украшенной замысловатой северной резьбой, он был красивым, но большую часть времени очень холодным. Ланн уходил на несколько дней, а то и на целую декаду, а когда возвращался, приходилось топить камин, чтобы стало хоть немного теплее. Едва наступившие летние дни сделали это необязательной частью домашних дел, но то ли по привычке, то ли от скуки, вернувшись в этот раз, он снова сел у камина.

Может, зря он ушел? Хотя какое там ушел, он просто сбежал, не выдержав ни пылающего гневом взгляда командора, ни собственного стыда. Может, стоило попытаться убедить ее, что он не так плох и, честное слово, не даст себя убить в следующий раз? Ну да, и выглядеть при этом еще более жалким... Да и не умел он никогда убеждать, он же не чертов благородный аазимар с ангельским лицом и безупречными манерами!

Со злостью швырнув очередное полено в камин, Ланн некоторое время следил за вылетающими в трубу искрами, а затем поднял руки к лицу и потер глаза.

Напрасно, все было напрасно. Все это время... чертовы десять лет!

Отец говорил, что нет ничего невозможного, если приложить достаточно усилий. Главное — стараться, не опускать руки, и Ланн верил в это большую часть жизни, но сейчас...

Десять лет — это слишком долго. Он должен был остановиться, отказаться от поисков, жениться на доброй и заботливой женщине из монгрелов или на любой, которая его примет, и попытаться воплотить свою мечту. Но беда в том, что мечта о семье, о доме и детях никогда не была единственной! Ланн прекрасно понимал, что любой другой женщине он нужен не больше, чем любой другой мужчина. И он не хотел быть чьим-то сносным вариантом, он хотел быть самой большой удачей в чьей-то жизни. Незаменимым. Единственным. Необходимым.

Ланн в последнюю очередь подумал бы о себе, как о человеке, избалованном чем-то, но похоже, что это действительно так.

Даже когда он жил с племенем, всем прочим девушкам предпочитал Вендуаг — жестокую, сильную и безбашенно-смелую, хотя всегда мог найти кого-то... попокладистее. Кого-то, кто ждал бы его дома, когда он вернется с охоты. Но он выбирал Вендуаг даже несмотря на то, что вместо любви она могла предложить лишь странную смесь похоти и боли. Другие его просто не интересовали...

Ему не нужен кто-то, кто будет ждать его дома, ему нужен кто-то, кто будет охотиться вместе с ним. Сражаться вместе с ним. Преодолевать трудности вместе.

И в то же время он мечтает о собственной семье с тех пор, как мать оставила их с отцом. Так сильно мечтает, что попытался получить желаемое всего раз и то неудачно...

Было бы неплохо знать, что ему нужно больше, потому что идилистические картины мирной жизни на самом деле не накладываются на подвиги и сражения.

* * *

— То есть как это ты уходишь? — растерянно уставился на него Ярек, как только Ланн объявил, что его дом скоро освободится. — Сейчас разгар сезона и День Лучника через месяц! Орсо вернулся, дичи полно... — жрец с беспокойством взгляделся в его лицо. — Мы чем-то тебя обидели?

Вздыхнув, Ланн покачал головой. Ему здесь больше нечего делать, и несмотря на то, что к нему действительно относятся гораздо лучше, чем в большинстве мест, где он побывал, у Зимнего Солнца своя жизнь, а у него — своя. И, если честно, он не знает, куда идти, но...

— Охотники говорят, лучше тебя никто не стреляет, — продолжал Ярек настойчиво. — Остайся хотя бы до середины Эрастуса, не гневи Старика — встретишься с лучниками из других поселений, покажешь себя, посмотришь на других...

Ну да, а еще в День Лучника принято ухаживать за женщинами и заключать помолвки — вот уж чего ему сейчас не хватает! Конечно, заставлять его участвовать в матримониальных традициях против воли никто не станет, но если бы он хотел посмотреть на чужую счастливую семейную жизнь — остался бы дома с монгрелами.

— Да брось, не так уж я вам и нужен, — лениво натянув свою обычную полуулыбку, проговорил Ланн. — Среди целой деревни охотников уж точно найдется кому пострелять.

Толстяк нахмурился и ничего не ответил, но тем же вечером на пороге дома Ланна появился соседский парень с просьбой помочь его родственникам с постройкой нового дома. Деревня понемногу росла и дом этот они строили не первый день, но это был первый раз, когда его пригласили поучаствовать.

И только влившись в толпу работающих над домом мужчин и женщин, он понял, как сильно соскучился по людям. Переворачивая бревна и перешучиваясь с другими работниками, многих из которых он и раньше знал, Ланн прекрасно понимал, что это житейская хитрость и мальчишку прислал жрец, но если ему стало лучше, то какая разница от чего?

И если он может снова задвинуть подальше собственное отчаяние, помогая кому-то другому, то сейчас самое время, потому что есть еще кое-что, о чем он не подумал сразу.

В этом отражении нет Перекрестка Миров.

Это тупик.

* * *

Время застыло, превратившись в один долгий пустой день, кусающий себя за хвост. То есть пустым он, разумеется, не был — Ланн мог найти себе занятие даже в постоянно страдающем от голода и болезней Натхолме, что уж говорить о процветающей деревне на поверхности. Но слова благодарности жителей Зимнего Солнца и обещания помочь в ответ в случае чего падали в сердце, как в бездонный колодец, не принося радости.

Эти добрые люди не могут ему помочь. Хотя, конечно, очень стараются.

В какой-то момент уворачиваться от сердобольных старушек, пытающихся накормить одинокого молодого человека собственной стряпней, стало сложно, потому что их количество возрастало с пугающей скоростью. Поразмыслив немного, Ланн решил, что и ему самому стоит умерить пыл, потому что здесь никакое добро не остается безнаказанным.

Ввалившись домой в обнимку с очередным пирогом, Ланн поставил его на стол и наградил уничтожающим взглядом единственного глаза, который способен хоть как-то

выражать недовольство. Желтый глаз рептилии смотрел на все одинаково равнодушно.

— Я разберусь с тобой позже, — ткнув в пирог когтистым пальцем, со зловещим присвистом прошипел Ланн. — Я таких, как ты, на завтрак ем.

Бросив еще один ненавидящий взгляд на выпечку, он собрался уже отправиться спать, но заметил на столе кожаный мешочек.

Деньги? Ну это уже ни в какие ворота! Надо найти того, кто их оставил и вернуть обратно. И двери начать закрывать.

Шнурок, скрепляющий края кошелька, оказался завязан слабо, и стоило взять мешок в руки, наружу посыпались белые камешки. Восемнадцать штук. Ланн знал это не потому, что успел пересчитать их в полете, а потому, что сам их собирал и обрабатывал много лет назад. Отскочив от стола, бусины покатались по полу, обгоняя друг друга, но одна из них вдруг столкнулась с невидимой преградой и покатилась обратно. Из пустоты послышался вздох настолько тяжелый, что, услышав его, даже великомученик устыдился бы ничтожности собственных страданий.

Скинув капюшон маскировочного плаща и опустившись на колени, Сайдири принялась собирать бусины одну за одной. Ланн смотрел на нее, не в силах пошевелиться.

— Я все думаю, — пытаюсь заполнить неловкую паузу, проговорила она, — вряд ли у вас под землей были сверла или какие-то сложные инструменты, а порода твердая... Как это сделано?

Ланн моргнул раз, другой и почувствовал, как волна стыда, которую ему удалось художественно задавить в последние дни, поднимается из глубин сознания и накатывает снова. Почему она здесь? Как смотреть ей в глаза? И, самое главное: она что, видела, как он пытается запугать пирог?

— Когда отец заболел, я не отходил далеко от дома, так что у меня было очень много свободного времени, — он сглотнул и повернулся к столу, чтобы собрать остальные. — И ржавый гвоздь.

И отчаяние.

Если бы не Венду, которая то и дело подбрасывала ему еды, возвращаясь с охоты, он бы тоже долго не протянул. «Сам ешь, дурак! — шипела она, когда Ланн отправлялся в палатку, чтобы разделить еду с отцом. — Старик со дня на день хвост отбросит, а ты нам пригодишься!» Самое отвратительное, что отец был с ней согласен — его и так было сложно кормить, а против воли и вовсе невозможно.

Для тонкой работы вроде сбора мелких предметов годилась только одна рука — человеческая, из когтистой лапы бусины выskalывали и приходилось все начинать сначала. То, что Сайдири подошла ближе, он скорее почувствовал, чем услышал.

— Я видела твое лицо, когда гробокопатели их достали — ты напал на них из-за этого. Я подумала, что они важны для тебя, поэтому принесла. Я ведь не прогадала?

Прогадала. Четки не нужны ему сами по себе — они лишь напоминают о счастливых днях, или о не слишком счастливых, но драгоценных. Его собственные четки лежат где-то на дне разлома рядом с тем, что осталось от солнца его жизни, если осталось хоть что-то... Как только Ланн увидел ее снова, он забыл о них и не вспоминал до сегодняшнего дня. Но если он ее снова потеряет, наверное, хорошо, если у него будут хотя бы они.

— Спасибо, а... — он запнулся, когда Сайдири взяла его чешуйчатую ладонь, в которую он складывал бусины, и высыпала туда те, что подобрала сама. — Это же не единственная причина... по которой ты здесь?

Проклятье, говорить было бы гораздо проще, если бы она сразу же отпустила его! Но она все еще стоит слишком близко и держит его за руку слишком осторожно, и он точно знает, что она смотрит на него, хотя сам не в состоянии поднять глаза.

— Я соскучилась по твоей болтовне.

И это было бы то, что он хотел услышать уже очень давно, если бы не отчетливая ирония в голосе. И если бы он не помнил от пяти до десяти случаев, когда она говорила «Пожалуйста, заткнись!» и вздыхала с облегчением, когда он это делал. Но Ланн улыбнулся все равно — притвориться веселым проще, чем объяснить, почему тебе грустно.

— Ты пожалеешь об этих словах очень скоро, — фыркнул он и наконец посмотрел на нее. Сайдири выглядела усталой, впрочем, как всегда. Но вот только на этот раз она выглядит усталой потому, что потратила десять дней, чтобы принести ему эту вещь. Неужели он настолько... важен? О, Боги, иногда половины улыбки так мало! — Буквально через раз... два...

— Можно мне кое-что сказать, пока тебя не понесло?

— Попробуй, но я не могу ничего обещать, потому что у меня очень долго не было повода подшутить над человеком, который меня недооценивает, потому что ты единственный такой человек на несколько миль в округе, — он сделал небольшую паузу, чтобы набрать воздуха в грудь и с сожалением отметил, как она отпустила его ладонь и, сложив руки на груди, выжидательно на него уставилась. — Ну, или медведь, это с какой стороны посмотреть... Не то чтобы я, конечно, очень хотел смотреть на тебя с медвежьей стороны, наверное, это невежливо, но откуда мне знать, я не так уж часто разговариваю с кем-то вроде тебя и... Ладно, я молчу. Что ты хотела сказать?

Сайдири развернулась, села за стол и принялась вытягивать шнурок из кошелька, в котором принесла четки.

— Не так уж много, — проговорила она, растягивая веревку между пальцами и проверяя на прочность. — Ты был прав, я переоцениваю свои силы и не справляюсь одна. Помоги мне.

— Помоги мне, Ланн, — назидательно подняв палец вверх, напомнил он.

Уронив руки на стол, Сайдири поджала губы.

— Да что ты имеешь против моего имени? — сев напротив, он протянул к ней руку и осторожно раскрыл ладонь. — Вы с тем мертвым парнем были близки?

— Нет, он сказал, я нравлюсь ему не больше, чем прочим.

Эй, он ничего подобного не...

А, ну да, он так и сказал. Но его будущая жена в это ни секунды не верила! Поначалу он отчаянно пытался убедить всех и в первую очередь ее в том, что ничего особенного не происходит и он вовсе не влюблен в командора по самый кончик своего единственного уха. Ну что же, видимо, тому мертвому парню это удалось.

Спасибо, Ланн! Ты такой классный парень, Ланн!

— Тогда что не так?

— Люди обычно не хвастаются такими вещами, но если ты настаиваешь, — усмехнувшись, она взяла одну из бусин с его руки и продела в нее шнурок. — Я покинула Кадиру не просто так...

Сайдири была боевым командиром задолго до того, как пришла в Мендев, вот только командовала она не регулярной армией, а бандой озлобленных подростков. Они росли вместе, тренировались вместе, сражались вместе и вместе умирали. Те, кому повезло дожить до семнадцати весен, превратились в небольшую армию и стали угрожать прочим. Они были молоды, алчны и смелы. Но в один далеко не прекрасный день они проиграли свою войну.

— Их перерезали одновременно в разных концах города, — нанизывая одну бусину за другой говорила она. — Куда бы я ни бежала в тот день — всюду опаздывала. Будь у меня десятки рук — не дотянулась бы.

Ланн вздрогнул, точно от холода. Она никогда не рассказывала, но...

...И десятки призрачных отпечатков ее руки, каждый в своем положении, замерли в воздухе на мгновение, а затем последовали за оригиналом. Сайдири сделала шаг назад, и десятки копий ее тела и лица остались на месте...

— Список имен, которые мне сложно произносить, очень длинный, — не поднимая глаз, проговорила она, — и твое далеко не в начале.

В Кадире говорят: «Человек живет и умирает ради чести». Сайдири должна была остаться и мстить, но стоя над трупами в последнем убежище, решила, что смертей достаточно. Калистрия не коснулась ее сердца мстительным огнем, Сарэнрей не даровала прощения — она оставила богов задолго до этого дня, и боги оставили ее тоже.

Не отрывая взгляда от ее посеревшего лица, Ланн сидел напротив и проклинал себя за то, что никогда не был достаточно настойчив, расспрашивая ее о прошлом. Жена рассказывала ему о родине, об отце и о матери, о братьях и сестрах, но они не были ее настоящей семьей, поэтому он и не смог добиться от них ничего, когда пришел к ее дому. И он никогда не задумывался о том, с какой стати при живой семье ей понадобилось научиться резать людей, как скот. Все, что она ему говорила, было легким, веселым и ярким, как она сама: как грохочут барабаны, прославляя падишаха, как ярки звезды в пустыне, как легки паруса кораблей, рассекающих песок, как холодна имперская сталь... Обратную сторону монеты она всегда держала при себе и повернула ее лишь раз — в Бездне, но и тогда не говорила о себе.

— Сейчас большинство тех, кому я должна мстить, уже мертвы. Век преступника недолог — банды пожирают друг друга непрерывно. Единственное, чего жаль, так это моих людей, — она поджала губы, — но в Язве я потеряла больше. Если бы я могла...

— Спасти всех?

Ланн знал одну леди-командора, которая думала так. Она закончила на дне разлома.

Или начала. С Извечными никогда не знаешь точно...

На самом деле Ланн не знал, почему она сказала «Да». Он надеялся на чудо и чудо произошло — лучшая женщина на свете согласилась стать его женой. То есть она определенно любит его, у него теперь есть возможность убедиться в этом буквально каждую ночь, но он никогда не думал, что кто-то вроде нее захочет связать свою жизнь хоть с кем-то. Он был более чем готов услышать в ответ на свое предложение что-то вроде: «Ну это ты, конечно, хватил. Для того, чтобы хорошо проводить время в постели, кольца не нужны, а если нужны, то не такие...»

Но она сказала «Да», и это даже не шутка. Удивился не только Ланн, удивился весь

Дрезен.

И это не так хорошо, как звучит.

Хороший слух вообще-то отличная вещь! Например, когда в полной темноте пытаешься не попасть неизвестной твари на зуб. Но когда живешь среди большого количества людей, крайне заинтересованных в личности твоей избранницы, он становится проклятием. Так что Ланн слышит все: и предположения о том, что он поймал ее еще под Канебресом, а потом она просто привыкла, и о том, что полуящеры, знаете ли, могут в постели предложить в два раза больше человеческих мужчин, и о том, что этот союз — самая убойная шутка леди-командора, и не продлится дольше, чем будет казаться ей забавным... и много, много чего еще.

Лаская ее ночью, он об этом забывает, в постели нет никого, кроме них двоих, но наступает день и из спальни приходится выходить навстречу миру, в котором для парня вроде него ничего так и не изменилось.

Глупо думать, что только его внимание привлекает эта яркая, красивая женщина с глазами черными как ночь. Даже если она не снимает платок, разговаривая с каким-нибудь офицером, обаяние захватывает его в считанные секунды — и он улыбается, и распрямляет спину, пытаясь выглядеть лучше, и подходит ближе, чем следует... Не замечая, конечно, стоящего в двух шагах полуящера, готового шипеть на каждого, кто посмотрит на его жену... так же, как он сам.

Ланн мог бы, наверное, поговорить с ней об этом, но что бы он сказал? Смотри только на меня? Говори только со мной? Это просто глупо.

Ревность — это для неуверенных в себе слабаков. Он никогда не позволит ей узнать, что она взяла в мужа одного из них.

Сайдири никогда не пыталась сделать его кем-то, кем он не являлся: не дарила богатых одежд, не прививала подобающих манер, да и едва ли она сама их знала. Танцуя в вихре ярких красок на очередной пирушке, она никогда не ожидала, что он присоединится к ней — ей было достаточно, что он обнимет ее, когда музыка стихнет. Для нее он и так достаточно хорош — и это делает его жизнь гораздо проще.

— Не хочу спать, — потрянув кудрями под сбившимся платком, проговорила она и потянула его к выходу из таверны, — пойдем, посмотрим на звезды!

— Ты уверовала в Дезну? — открывая перед ней дверь, улыбнулся Ланн. — Арушалай будет счастлива.

— Нет, мои сны уже заняты кем-то более... — вдохнув прохладный весенний воздух, она взяла его за руку, ту, что больше похожа на человеческую, ту, на которой он носит кольцо, — приземленным.

Язва отравляет землю, но бесконечно далекое небо остается чистым в те ясные ночи, когда его не заслоняют песчаные бури или зловещие красные облака. Подняться на стену — самый простой способ его увидеть. Пробравшись мимо зевающих солдат скорее из нежелания на них отвлекаться, чем из хулиганских побуждений, Сайдири остановилась перед одним из зубцов стены и подняла голову. Ланн обнял ее за талию и прикрыл глаза, наедине с ней ему не нужен другой источник света.

— Я ввязалась во все это, чтобы спасти людей, погибающих в Язве, чтобы избавить их от страданий, — спустя некоторое время задумчиво проговорила командор.

— И однажды ты это сделаешь, — вдыхая запах ее волос, без тени сомнения подтвердил Ланн.

— Да... — выдохнула она и положила свои ладони поверх его, — но теперь я знаю, что это не все. Существует множество отражений нашего мира, их так же много, как решений, которые мы принимаем, и гораздо больше, чем на небе звезд...

Правда? Наверное, в одном из них она предпочла ему какого-нибудь симпатичного аазимара, который не боится целовать ее на площади, потому что глядя на них люди говорят «какая красивая пара».

— И в каждом есть люди, которым нужна помощь, а я... — она вздохнула, — только здесь.

— Я рад, что ты здесь.

Сайдири улыбнулась, и в этой улыбке, пронзительно-грустной, промелькнула тень давней мечты.

— Шиика говорили мне, что это возможно, что время и пространство для них не имеют значения, но цена оказалась слишком велика. Перекресток Миров — это безумие. Если бы речь шла только о моей жизни, я бы шагнула в разлом, но люди Саркориса... — собрав все бусины, она обвила шнурок вокруг пальцев и затянула узел. — Вот. Будем надеяться, что бывший хозяин за ними не явится.

Помотав головой, словно сбрасывая наваждение, Ланн улыбнулся ей и взял четки.

— Не шути так.

— Я не шучу.

* * *

Уговорить Сайдири остаться на ночь стоило определенных усилий. Но она пришла сюда исключительно потому, что не может путешествовать на дальние расстояния одна — она слишком устала, чтобы спорить. Кроме того, Ланн быстро сообразил, что отправляться в путь без него нет никакого смысла, так что он сложил руки на груди и со всей возможной уверенностью заявил, что отправляется завтра с утра и не раньше. И когда он уже решил, что сейчас она хлопнет дверью и ему опять придется бежать за ней через всю Язву, Сайдири горестно вздохнула, пробормотала что-то неблагозвучное на родном языке и бросила свой спальник перед камином.

Подумать только, он ей действительно нужен. Вот прямо настолько, чтобы ему уступать. Злоупотреблять этим, конечно, не стоит, но осознавать приятно.

— Знаешь, если вдруг захочется сменить заплесневелое жилище на пыльное — мой дом всегда в твоём распоряжении, — усевшись около стены напротив разбирающей свои вещи Сайдири, проговорил он. — В Зимнем Солнце хорошие люди. Даже для полуящера всегда найдут пару добрых слов.

— Это из-за стариков, — раскатав спальник, она разулась, отстегнула пояс с оружием и положила его рядом. — Каждый, кто пытается судить по внешности, получает палкой по спине и длинную поучительную историю о ярле Мархевоке, убивавшем крестоносцев и привечавшем демонов, — Сайдири закусил губу и принялась за жесткий кожаный доспех. — Вот только ярл тут почти не при чем, многие из них насаживали на кол ни в чем неповинных людей собственными руками и все еще помнят об этом.

Ланн с шипением втянул воздух сквозь зубы. Ну да, чудес не бывает. Как он мог забыть?

— Я бы предпочел не знать, что их доброта оплачена десятками жизней.

Командор посмотрела на него устало, одним плавным движением стянула платок с головы и уселась на спальник, скрестив ноги. Ланн предложил бы ей свою кровать в соседней комнате, но побоялся, что она поймет это неправильно. Или, что еще хуже,

правильно поймет...

— Сайдири-анис*, — торжественно объявила она, развела руки в стороны и чуть склонилась вперед, — предводительница одного получеловека и защитница святого города Дрезена, позабытая в оном, мародер мародеров и бродяга бродяг*, — выпрямившись, она приложила правую руку к сердцу. — Всегда к твоим услугам в случае нехватки причин для разочарования в людях.

*Сайдири-анис — обращение к незамужней женщине, эквивалент английского «мисс»

*...защитница святого города Дрезена, мародер мародеров и бродяга бродяг — коверкает титул падишаха, «защитник святых городов, хан ханов и султан султанов»

Тихо рассмеявшись, Ланн прислонился спиной к стене и позволил себе расслабиться. Мягкий свет догорающего камина ложился на рубашку Сайдири и ее смуглую кожу, казалось, что и она сама излучает тепло. Если немного напрячься, можно представить, что завтра им никуда не нужно идти и этот вечер — один из многих в долгой и счастливой жизни. У Ланна очень большой опыт в том, чтобы не замечать очевидного, так почему бы не извлечь из этого пользу?

— Я рад, что ты пришла.

— Я тоже, — она мотнула головой в сторону двери, и свет отразился на поседевших прядях. — Ты идешь спать?

— Нет, я посижу еще немного.

Возражать она не стала, в конце концов именно для этого она за ним пришла. Для чего еще нужны полуящеры, как не для охраны, да?

Камин давно догорел и дом погрузился во тьму, а Ланн все не двигался с места, вслушиваясь в ее беспокойное дыхание. Когда-нибудь он скажет ей, что этот дом не нужен ему без нее... Может быть, тогда она захочет остаться? И если еще минуту... или десять... или час просидеть на месте, наблюдая, как поднимаются и опускаются ее плечи, можно притвориться, что это уже случилось.

Лестница на второй этаж тихо скрипнула и Ланн подумал, что придется, пожалуй, вложить немного сил в ремонт прежде, чем обосноваться здесь окончательно.

Лестница скрипнула снова, медленнее и тише...

Святые праведники!

Лук он оставил у входа, но один прыжок сквозь пространство позволил схватить его и пару стрел в придачу быстро и бесшумно. Весь обратившись в слух, Ланн стоял, пытаясь в ночной тишине уловить хоть что-то, но где-то за околицей надрывно залаял пес, и Ланн упустил момент, когда скрип повторился уже где-то на втором этаже. Влетев сквозь приоткрытую дверь на чердак, он увидел только звезды сквозь дыру в крыше, вдохнул и медленно выдохнул.

Дом очень старый. Нужно что-то с этим делать и поскорее. Лето не может длиться вечно.

Спустившись вниз, он обнаружил Сайдири, сидящую на своем спальнике и потирающую лицо ладонью.

— Извини, я не хотел тебя разбудить, — проговорил он, направляясь к ней, — я просто...

Договорить он не успел, потому что одним длинным прыжком, невозможным для человека, она сбила его с ног. Только и блеснули холодные темные глаза. С грохотом, который, должно быть, перебудил полдеревни, Ланн упал на пол и почувствовал, что не

может свободно дышать, потому что его с силой прижимают к полу. Первые несколько секунд он пытался понять, был ли оглушительный хруст, который он только что слышал, хрустом деревянного пола, проломившегося под рогом, или хрустом его собственных шейных позвонков. И только спустя некоторое время он обнаружил, что Сайдири, растерянно моргая, все еще сидит на нем сверху.

— Я... — она отняла руки от его груди и уставилась на них, Ланн судорожно вдохнул, — опять?..

— Да ничего, я почти привык, — тут же забыв о боли, проговорил он. — Мне уже даже начинает нравиться, когда ты сверху. Я имею в виду...

Да, Ланн, лучше бы тебе побыстрее придумать, что ты имел в виду, потому что судя по ее широко распахнутым глазам — это уже слишком! Проклятье, нужно было начать с чего-то попроще, с комплиментов, например! Но когда женщина буквально сбивает тебя с ног, становится очень сложно думать о чем-то, кроме продолжения в том же духе!

— Я имею в виду, — не без сожаления наблюдая, как она отодвигается подальше, протянул он и поднялся, — готов поспорить, что если бы мы тренировались вместе, тебе не удалось бы уложить меня на лопатки так легко. Как насчет честного поединка?

— Это... — все еще смотря на него огромными глазами, запнулась она и, наконец, отвела взгляд в сторону, — не входило в план.

— Да брось, для короткого спарринга всегда найдется время, — он склонил голову, чтобы заглянуть ей в лицо, но тут же зашипел от боли. — Кажется, я ударился головой сильнее, чем подумал сначала.

Пробормотав какие-то извинения, она протянула к нему руки и стала осторожно ощупывать затылок. В какой-то момент Ланну показалось что стук его сердца слышен даже на чердаке.

— Да ничего страшного, голова дубовая, а пол в лучшем случае тисовый, — млея от прикосновений, пробормотал он. — Мне почти не больно, — веки опускались сами собой, дыхание становилось глубже. Еще минута, и он сделает какую-нибудь глупость — попытается ее поцеловать, например. — Ну, перестань, Саи, — Ланн взял ее за предплечья, заставив убрать руки, и в этот момент очень надеялся, что выражение боли на человеческой половине его лица будет легко списать на последствия удара. — Ты не виновата. Я знаю, как я выгляжу — у кого угодно сдадут нервы, если в темноте к нему подкрадывается что-то рогатое.

— Дело не в тебе, — твердо произнесла она.

— Но и не в тебе, так? И в первый раз это тоже была не ты.

— Я не знаю, я это или нет, — она сложила руки на коленях. — Я просто засыпаю, а потом обнаруживаю себя вцепившейся кому-то в глотку. Капитан Одан, прелат Харлан — многие живут так. Не нужно никаких демонов снаружи, когда они внутри.

Вот почему она сомневалась, говоря, что охотится на демонов. В этой ситуации легко принять желаемое за действительное — она это знает и не доверяет собственным суждениям.

— Тебе лучше быть осторожнее, — продолжала она. — Я взяла тебя с собой, потому что мне нужна твоя помощь, но я не хочу, чтобы ты расплатился за это своей жизнью. Ты... иногда мне кажется, ты ее вообще не ценишь.

Задумавшись, Ланн не ответил. Если бы скрип половиц в старом доме можно было однозначно посчитать свидетельством чьего-то присутствия, он бы об этом непременно

сказал, но если это всего лишь ветер и старые доски, он только внесет сумятицу, и Сайдири запутается еще больше. Перед тем, как она напала на него в первый раз, Ланн был слишком увлечен ею, чтобы обращать внимание хоть на что-то вокруг. И следующие несколько дней тоже. Все-таки он самый бесполезный охранник на свете.

— Иди спать, Ланн, — мягко произнесла Сайдири.

Во-первых, он вряд ли уснет. По многим причинам, и ему остается только надеяться, что некоторые из этих причин не видны под свободной одеждой. Во-вторых, сейчас, когда он знает, что искать, спать просто глупо.

— До рассвета всего пара часов, — покачав головой, сказал он. — У тебя еще осталась эта... трава? Сегодня она нам обоим пригодится.

Сборы не отняли много времени: Ланн просто поднял свою сумку с того самого места, где бросил ее, когда вернулся в последний раз. Едва небо окрасилось бледно-голубым, скрыв луну и звезды, командор накинула на голову капюшон маскировочного плаща и растворилась в воздухе. Ланн покачал головой и молча открыл перед ней дверь — он решительно не понимал, почему она не желает показываться в деревне, в безопасность и благополучие которой вложила столько сил.

Они договорились идти на север — чем ближе к Дрезену, тем больше оживленных поселений и больше потенциальных жертв. Но не успели они миновать центральную площадь, где стоял скромный, но чистый и ухоженный Храм Эрастила, Ланн почувствовал, как Сайдири схватила его за руку, и остановился.

— Кто такая Далия? — тихо спросила она.

Люди в деревне просыпались рано — тут и там проходили охотники, перебросив через плечо пустые сумки, выгоняли коров на выпас крестьяне, женщины сутились за оградами, старики, крехтя и зевая, выходили на улицы, чтобы обменяться сплетнями и кое-какими вещами... Но светловолосая крепко сбита женщина сегодня нарушала этот порядок, переходя от одного дома к другому, заговаривала с соседями ненадолго и тут же шла дальше.

— Это дочка Магды, девочка лет шести, — кивнув на женщину, сказал он. — По соседству от них строится дом, наверняка она опять залезла на стропила и смотрит, как мать ее ищет, — он улыбнулся, — детям это нравится, даже если им потом попадает.

Ланн не видел лица своей спутницы, но ее тяжелое молчание буквально кожей ощущал.

— Отведи меня к дому ее семьи, — наконец сказала она, отпустила его руку и добавила мрачно: — Если девочка в деревне, ее найдут и без нас.

Солнце еще не успело высушить росу, но прямо за околицей дома Магды начиналась узкая, хорошо различимая полоска травы, где росы не было. Кто-то прошел здесь совсем недавно.

— Хочешь сожрать ребенка — отведи его в лес, — послышалось неподалеку, и трава вновь расступилась, пропуская невидимую фигуру. — Последние десять лет научили меня в первую очередь думать о самом отвратительном исходе из возможных.

Не сговариваясь, они побежали — лес сомкнулся над головам и радостное пение птиц утонуло в грохоте шагов и хрусте веток, двигаться скрытно времени не оставалось. Ланн едва успевал на ходу подмечать следы — девочка была маленькой и легкой, она оставляла их не так уж много. В какой-то момент он перестал слышать шаги Сайдири, но не остановился — что бы ни ждало впереди, она присоединится позже.

Но, выскочив на широкую поляну, он остановился в нерешительности. Девочка в серой холщовой рубашке сидела под сломанным деревом, притянув к себе босые грязные ноги и, насколько мог судить Ланн, ей абсолютно ничего не угрожало. Он обернулся, услышав шаги.

— Это... неожиданно, — проговорила Сайдири, подходя ближе, но плащ не сняла.

Ланн улыбнулся краешком рта и кивнул в сторону девочки.

— Может, тебе взять привычку надеяться на лучшее?

— И упустить возможность всегда быть либо правой, либо приятно удивленной? — с отчетливой иронией в голосе проговорила она. — Отведи ее домой и дело с концом, мы и так время потеряли.

Далия подняла голову, заметила Ланна, надула губы и отвернулась. Ланн, в свою очередь, с самым скептическим настроением повернулся к тому месту, где должна стоять его спутница.

— Разговаривать с ребенком? Вот с этим вот лицом? — он помахал рукой у себя перед носом. — Если она не встретила в лесу чудовище, думаешь, надо это исправить?

— Брось, она тебя узнала, — Сайдири положила руку ему между лопатками и недвусмысленно надавила. — Я тоже пойду, и если она попытается сбежать, поймаю ее за ногу — далеко не уйдет.

— Отличный план, — неохотно делая шаг, проворчал он. — А есть какой-нибудь, не предполагающий детской истерики?

Ланн очень любил детей, ему нравилось с ними возиться — в такой компании легко забыть о своих заботах, но то были дети монгрелов. То есть те, кто не начинал плакать, едва завидев его. Дети людей, которых никогда не касалась скверна, могут быть не настолько... устойчивы.

Арушалай редко показывается на людях в Дрезене — ее можно увидеть у храма, разговаривающей со жрицей Абадара, но чаще всего она предпочитает оставаться незаметной. Ланн редко разговаривает с ней, по правде говоря, он ее недолюбливает и, к собственному стыду, вовсе не потому, что она демон.

Если кто-то и может сравниться с ним в мастерстве стрельбы из лука, то только Арушалай — она не просто хороша, она великолепна. И ему приходится тренироваться в три раза упорнее, чтобы только приблизиться к тому, что дал ей опыт тысячелетней жизни. В любой другой ситуации он порадовался бы, встретив кого-то настолько умелого, но время от времени командор предпочитает взять с собой суккубу, оставив Ланна разбираться с проблемами племени. Здорово, конечно, чувствовать себя главой большой семьи, но это не совсем то, что ему нужно...

Взявшись учить детей стрельбе из лука, он быстро понял, что рук на всех у него не хватит. Два десятка чудесных любопытных учеников — это прекрасно, но за каждым не уследишь и каждому руку не поправишь. Было бы здорово, если бы вместе с ним этим занимался кто-то еще.

— Я? — Арушалай распахнула свои необыкновенные алые глаза. Она простояла с открытым ртом несколько секунд, а затем нервно улыбнулась. — Ты имеешь в виду в качестве мишени?

Ланн с трудом удержался от того, чтобы ударить себя с размаха рукой по лбу. Она демон! Она не появляется на улицах потому, что ослепленные ненавистью и болью люди пытаются отомстить ей за погибших друзей и любимых. Пока он носился со своей ревностью, он день за днем проходил мимо существа, с проблемами которого знаком с детства. На поверхности бывает трудно прижиться не только монгрелам...

— Я имею в виду в качестве учителя, — терпеливо объяснил он. — Мы монгрелы, мы не закидываем других камнями из-за рогов и хвоста.

— Да это ничего, я почти привыкла, — опустил глаза, медленно проговорила она, и Ланн прикусил язык, потому что больше всего ему хотелось рявкнуть, чтобы она прекратила врать — он точно знает, что к такому нельзя привыкнуть. — Я просто боюсь, что... — Арушалай вдохнула, будто перед погружением в воду, а затем заговорила быстрее. — Демоны не бывают маленькими. Мы выбираемся из лярв уже способными постоять за себя. Единственные, кто рождается в Бездне — камбионы, полулюди, потомки инкубов и

специально для этого завезенных рабынь. И они не... — она кивнула в сторону домов, которые занимало племя, — не такие, как здесь. Человеческие дети очень хрупкие, я не хочу никому причинить вреда.

— Значит я прослежу, чтобы этого не случилось.

И то ли потому, что Арушалай была прирожденным учителем, то ли потому, что она была очень красива, но как только она приучилась говорить достаточно громко, чтобы ее слышали, дети перестали отвлекаться на что-то еще и управляться с ними стало гораздо легче. И Ланн, конечно, их совсем не ревновал. Нисколько. Вообще нет.

Ответа он так и не получил, что сказать девочке тоже не придумал, но ее блестящая на солнце светлая макушка приближалась, а если он попытается отступить, командор наверняка поймает за ногу уже его самого, так что придется как-то выкручиваться. Но прежде, чем он успел хоть что-то сделать, Далия снова подняла голову, посмотрела на него исподлобья и произнесла:

— Ты не ангел.

— Да уж, не повезло мне, — нервно хохотнул он, а затем переспросил уже серьезнее. — Погоди, что?

Далия с усилием потерла нос и отвела взгляд в сторону. Сегодня ночью ей приснился ангел и сказал, что если она придет в лес до рассвета, он возьмет ее с собой погулять по облакам. Он был такой красивый! Крылья как лунный свет! Девочка очень торопилась, но домашний пес будто взбесился и лаял так, что ей пришлось обходить его, так что когда она пришла в лес, небо уже светлело. Она все ждала, ждала и ждала, но ангел так и не явился.

— Я устала и замерзла. И есть хочу, — пожаловалась она, а затем подняла на Ланна глаза, полные слез. — Он обманул меня, да?

Ланн задержал дыхание, он просто не мог сказать ей, что ее ангел может оказаться демоном, феей, каргой, высокоорганизованной нежитью вроде вампира, да кем угодно, включая группу владеющих магией людей, продающих хорошеньких девочек в места, которые лучше при детях не упоминать!

— Ну, может, у него появились другие дела, — неуверенно протянул он, получил отрезвляющий тычок под ребра, вздрогнул и продолжил увереннее. — То есть, скорее всего это был не ангел, и тебе лучше не уходить из дома, не спросив маму...

Он хотел сказать что-то еще, но вдруг почувствовал, как Сайдири подняла его руку и вложила в нее яблоко. Немного побитое долгой жизнью в рюкзаке, с парой коричневых пятнышек, но для Далии этого оказалось более чем достаточно.

— Откуда ты его взял? — сглотнув, спросила она — для нее яблоко просто появилось из воздуха. — Это что, фокус?

— Нет, просто у меня тоже есть ангел, — протянув ей яблоко, проговорил он и добавил: — Он сказал мне отвезти тебя домой.

Схватив яблоко, девочка уже распахнула рот, чтобы откусить кусок, но вдруг задумалась и серьезно спросила:

— А он тебя не обманет?

Ланн почувствовал, как сдавило горло, но справился с собой, улыбнулся и покачал головой. Вообще-то, однажды он уже попался. И лучше бы ему не забывать о такой возможности, но, черт возьми, зачем вообще жить, если в каждом, кто тебе дорог, видеть угрозу?

— Пойдем, — протянув руку, сказал он, — по дороге доешь.

Возвращаясь в деревню с девочкой на плечах, он не слышал других шагов, кроме своих собственных. Сайдири не пошла следом, и Ланн предположил, что она осталась, чтобы поискать следы. Жители Зимнего Солнца улыбались и приветственно махали руками, едва завидев его — весть о пропаже ребенка распространилась очень быстро. Заплаканная Магда выбежала им навстречу, она уже успела обойти всех соседей и понять, что дочери в деревне нет. Но никогда еще благодарность не вызывала у Ланна столько раздражения. Одно дело, когда тебя хвалят за то, что сделал ты, и совсем другое, когда приписывают чужие заслуги. Обняв девочку и даже забыв ее обругать, счастливая мать призывала на его голову благословения всех богов, а он просто стоял и ждал, когда можно будет вставить хоть слово, чтобы сказать, что ему пора идти.

— Быстро ты, — нагнав его в получасе ходьбы от деревни, проговорила Сайдири и скинула капюшон, — я уже приготовилась до вечера ждать, пока они закончат на тебя молиться, — Ланн бросил на нее мрачный взгляд, и она в замешательстве приподняла брови. — Что? Тебе же нравится быть героем.

Летнее солнце, пробиваясь сквозь листву, золотило ее смуглую кожу, глаза лучились весельем, хотя под ними еще не сошли тени — Сайдири была если не счастлива, то в отличном расположении духа. Она крутила в перепачканных смолой пальцах сосновую веточку и шла так быстро, что казалось вот-вот полетит. Ланн ни за что бы не испортил ей настроение, но он молчал так долго и столь о многом, что натянуть на лицо улыбку снова просто не смог.

— Быть — нравится, казаться — нет, — проворчал он и отвернулся ненадолго, но все же решил продолжить. — Ты должна была стоять там рядом со мной и выслушивать благодарности. Ты нашла ее. Почему ты так упорно не желаешь показываться в деревне?

— Не люблю толпу, — пожалала плечами Сайдири.

Единственной шестилетней девочки тоже слишком много, чтобы показываться при ней? За кого она его принимает, черт возьми?

— Я не дурак, — произнес он с горечью и остановился. — Может, я и кажусь таким время от времени. Или большую часть времени. Или, например, сейчас. Но это не так... — заметив, как она сжала губы, Ланн махнул рукой и снова пошел вперед. — Знаешь, забудь. Просто скажи, куда идти и я пойду с тобой. Я, наверное, слишком много на себя беру для парня, которого просто посторожить попросили.

— О, звезды и пески! — услышал он шипение за спиной и обернулся, Сайдири подняла глаза к небу, развела руки в стороны и бессильно уронила их. — Люди как правило не в восторге от того, что я время от времени пытаюсь их убить. Исключение я встретила лишь однажды за десять лет.

Ланн кивнул, он мог бы и сам догадаться. Привычка без причины нападать на ближнего сильно осложняет попытки найти свое место среди людей. Поэтому она одна все это время — предпочитает держаться подальше от людей для их же блага. И все равно делает все, чтобы им помочь, даже таскает за собой полуящера, который только и может, что портить ей настроение.

Все еще лучшая женщина на свете.

— Исключение? — склонив голову набок, переспросил он.

— О, это глупая история, — улыбнулась она и направилась к нему. — Сначала я подумала, что он призрак, затем, что враг и, наконец, что парень, таскаясь за мной, ищет смерти, которой не нашел на войне, — чем ближе она подходила, тем больше ему хотелось

провалиться сквозь землю. — Я не собиралась ему в этом помогать и попыталась от него избавиться, и в какой-то момент у меня даже получилось... — Сайдири подошла почти вплотную и остановилась, чуть приподняв подбородок, чтобы смотреть ему в глаза. — Но через несколько дней пришлось возвращаться с извинениями, потому что я поняла, что не могу без него обойтись. И вот я здесь, пытаюсь убедить его, что он больше, чем сторожевой пес.

Неловко рассмеявшись, он поспешил отвернуться — не хватало только, чтобы она заметила, как быстро краснеет правая половина его лица. Сделав несколько шагов вперед, он обернулся через левое плечо, чтобы убедиться, что она пойдет именно с этой стороны и убежать ему больше не придется.

— Может, тебе и правда лучше завести собаку? — отчаянно пытаюсь справиться с дрожащим голосом, спросил он насмешливо. — По крайней мере они не задают глупых вопросов. И делают, что им говорят. И, что уж там, выглядят получше и на ощупь поприятнее... — он уже понимал, что наговорил лишнего, но все равно продолжил. — Некоторые из них даже умеют танцевать.

Он всего лишь хотел, чтобы она улыбнулась снова, но Сайдири посмотрела на него со смесью непонимания и — о, Богиня, только не это! — жалости, а затем отрицательно покачала головой. Ну почему это больше не срабатывает? Ей ведь нравились его шутки раньше...

— Так... — кашлянув, он глянул на нее вопросительно, — куда мы идем?

— В Дрезен, — нагнав его и встав плечом к плечу, коротко ответила она. — Я нашла кое-что там, в лесу. Не слишком много, но достаточно, чтобы запустить руку в старые запасы.

* * *

В том, что девочка подверглась воздействию очарования, Сайдири не сомневалась, но почему в таком случае они обнаружили ее живой и здоровой, не понимала. В отличие от Ланна, который все еще не мог сказать ей, что упустил преследователя в собственном доме за пару часов до нападения на Далию. Потому что он просто не готов настолько упасть в глазах командора сразу после того, как она сказала, что не может без него обойтись.

Сайдири возвращалась из Долины Храмов, и это путешествие заняло около десяти дней. В пустыне практически нечего есть, а командор не имеет привычки останавливаться даже для того, чтобы поспать, так что кто бы ни шел за ней, ему даже крысу поймать было некогда. И даже если до этого момента он старался придерживаться правила «не охотиться в Зимнем Солнце», то после того, как Ланн спугнул его, голод и злость взяли свое.

Но из-за того, что командор предпочла отправиться в путь с рассветом, а также потому, что Далия очень долго не могла поладить со своим домашним псом, когда девочка пришла на место, она не застала своего ангела. Он должен был последовать за Сайдири снова и, должно быть, ужасно расстроился, когда понял, что вместо того, чтобы просто уйти из деревни, она выследила и забрала его завтрак.

Осматривая поляну, под огромной сосной Сайдири обнаружила несколько обломанных веток. Маленьких, но свежих. Она влезла на дерево и полосы обломанных чешуек сосновой коры на одной из ветвей сказали ей больше, чем она узнала за последние десять лет.

— Что бы это ни было, оно действительно летает, — она говорила быстро и облизывала пересохшие губы, — поэтому его следы так трудно найти на земле. Я предполагала это, но теперь знаю точно.

Ланн мог бы поискать следы на чердаке, но ночью там было слишком темно. Утром, убедив себя в том, что все в порядке, он об этом даже не задумался. А для того, чтобы сделать это сейчас, придется, во-первых, вернуться в деревню, а во-вторых, объяснить командору, зачем. Но она и без того сделала правильные выводы, так что это не так уж важно, да?

* * *

Лето в северных регионах не слишком жаркое, не сравнить со зноем пустыни; и уж точно не такое яркое, как в цветущих джунглях Мванги, и все же Ланну казалось, что он уже очень долго не видел такой зеленой листвы и такого яркого солнца. Дорога до Дрезена легка — ее не размывли дожди и не разворотили телеги, так что путь к городу больше напоминает прогулку, чем настоящее путешествие. Или, может быть, ему казалось так, потому что его спутница день ото дня становилась красивее и он застывал, глядя на нее, а затем едва успевал отвернуться, чтобы она этого не заметила. Следы длительной усталости и последствия применения бодрящего отвара проходили так быстро, что Ланн начал сомневаться, действительно ли у нее не осталось никаких мифических сил.

Сайдири не перестала класть оружие в изголовье, но перестала засыпать, сжимая его в руке. Она все еще ворчала, если Ланн садился слишком близко, чтобы охранять ее сон, но никогда не прилагала достаточно усилий, чтобы на самом деле заставить его отойти. Она спала спокойно и больше ни разу не просыпалась не в себе.

На рассвете третьего дня, убедившись, что она проснулась и вскоре будет готова отправиться в путь, Ланн отошел от лагеря, чтобы уделить время дыхательным практикам. Учитывая, как близко он теперь может подходить к женщине, о которой мечтал последние десять лет, они ему очень нужны. Он скинул перевязь и рубашку, огляделся вокруг и, решив, что свободного пространства среди деревьев и камней будет достаточно, расправил плечи.

Подняв руки и сделав глубокий вдох, Ланн начал двигаться, как ему показывал отец, пытаясь очистить мысли, но в последнее время это просто невозможно. Он, должно быть, выглядит неприлично счастливым, выполняя упражнения, и это не совсем правильно с точки зрения практик, но будь он проклят, если пожелает иного.

Те, кто восхваляют умение держать в узде гнев, никогда не пытались справиться с радостью. Она течет по венам, она наполняет легкие и заставляет сердце биться быстрее. Смерить этот поток невероятно трудно, потому что трудно убедить себя, что это необходимо. Ему нужно лишь немного терпения...

С очередным выдохом приподняв веки, Ланн застыл — Сайдири сидела на камне неподалеку. Это ведь не помешает, правда? Нет абсолютно ничего страшного в том, что кто-то смотрит, как он занимается — он в жизни никому этого не запрещал. И это никакой не особый случай.

Плавнo вытянув руки вперед, Ланн обнаружил, что пальцы подрагивают — он прилагает слишком много усилий, чтобы сохранять равновесие, потому что хочет выглядеть лучше, чем он есть. Отступив правой ногой назад, и чуть согнув ноги в коленях, он

попытался продолжить, но обнаружил, что делает все слишком быстро... Ладно, это провал. Нужно либо сдаться и прекратить, либо продолжать, рискуя в конце концов упасть и вспахать землю носом прямо перед Сайдири.

— Говорят, если смотреть на меня долго, начинает двоиться в глазах, — застыв в одной позе, проговорил он. — Если вдруг увидишь двух Ланнов, сложи целого полуэльфа и загадай желание.

— Я хочу, чтобы один из самых сильных и ловких людей, что я видела, перестал делить себя на части.

Ну вот зачем она это сказала — теперь не сбудется! Даже если Ланн будет очень стараться — шило в мешке не утаишь, он всегда будет мечтать о том, как было бы здорово, будь он нормальным. Потому что, ну здорово ведь, да? Когда тебя не боятся дети и не морщатся, отворачиваясь, взрослые. Когда не слышно за спиной всех этих разговоров, что лучше бы этому парню прикрыться, нечего своим наследием людей пугать, раз уж его предки так провинились перед богами. Когда можно рубашку надеть и не порвать ее в трех местах...

Что толку, что он провел годы, оттачивая движения и доводя навыки до совершенства? Снаружи он как был наполовину монстром, так и остался.

Вздыхнув, Ланн опустил на траву и улыбнулся через силу.

— Я монгрел, — напомнил он, — не человек, и это очевидно, с какой стороны ни глянь... А знаешь, отличная штука этот твой плащ. Если разговор становится слишком неловким, можно просто исчезнуть. Целиком.

Одним движением, плавным и быстрым, Сайдири соскользнула с камня. В последние три дня она снова стала гибкой — казалось, тронь и прогнется под рукой, как кошка. Исчезла тяжесть и скованность, она даже дышит легче — Ланн точно знает это, потому что слышит каждую ночь. Не хрустнула ни одна ветка, не сдвинулся ни один камешек, пока она шла к нему, теребя завязки плаща. И только когда ткань легла на плечи, Ланн понял, что зря похвалил эту вещь — добропорядочный имперец должен подарить ее в ответ.

— Я не хотела тебя задеть, я хотела поблагодарить тебя, — опускаясь на траву рядом с ним, проговорила она и Ланн поклялся себе, что вернет плащ, обязательно. Но не прямо сейчас, а как только перестанет так отчаянно краснеть. Столько хороших слов, а он даже «Отлично выглядишь!» выдавить из себя не в состоянии. — Хороший сон, верный друг и надежда. Простые вещи, о которых я не могла и мечтать, пока ты не пришел, — не видя больше его лица, она растерянно блуждала взглядом перед собой, выискивая малейшие искажения воздуха, но Ланн сидел неподвижно, а плащ и вправду был очень хорош. — Те, кто верят богам, говорят: гостя приводят дэвы. Но я считаю, что мне повезло. Впервые за десять лет.

Насчет дэвов чистая правда! И раз уж они идут в Дрезен, Ланн просто обязан поставить перед Самаэлем кружку отличного пива. Или две. Или столько, чтобы проверить, пьянеют ли ангелы.

— Так что, — она развела руками, — если я могу что-то для тебя сделать...

— Я хочу, чтобы ты чаще улыбалась, — выпалил он быстрее, чем успел подумать.

Уголки ее губ поднялись вверх, и Ланн затаил дыхание, но не увидел того, о чем мечтал. Грустная и немного виноватая, эта улыбка не была даже тенью прежней.

— В моем сердце осталось мало радости, — сказала Сайдири, — но я попробую.

После самоубийственного похода Королевы Голфри на город Из от армии осталось не

так уж много. Ланн не раз слышал, как командор сквозь зубы цедит, что если бы старуха пропадом пропала вместе со знаменем, стоило бы закатить по этому поводу грандиозную пирушку. Приходилось напоминать ей, что без законной правительницы Мендева армия развалится в считанные месяцы. Но что бы командор ни думала о королеве, ей пришлось отправиться в Из за мендевскими солдатами, потому что других у нее просто не было. И хотя ее улыбка во время долгожданной встречи с коронованной особой скорее внушала ужас, чем располагала к себе, выжившие вернулись домой.

Но, неувовимо и пугающе, с того дня командор изменилась — она все чаще уходила в никуда сквозь шкаф в своей комнате и никогда не возвращалась прежней. Ланн предполагал, что ее сила опасна задолго до того, как попросил Сайдири от нее избавиться перед светлым ликом Йомедай. Но командор только рассмеялась — ее сила принадлежит ей.

С тех пор изменилось многое: Ланн стал ее мужем, он проводил с ней ночи, а днем стоял за ее спиной, готовый отдать жизнь в обмен на ее безопасность. Но когда он как-то раз нашел ее в спальне, вцепившейся побелевшими пальцами в крышку стола, он впервые задумался, что этого может быть недостаточно.

— Ты в порядке? — осторожно прикрывая за собой дверь, спросил он.

— Конечно, нет, — выпрямившись, улыбнулась Сайдири и скинула яркий платок, по плечам рассыпались кудри, черные, как смоль. — Порядок — это скучно.

То была особенная улыбка, никому больше она не улыбалась так тепло и нежно, и Ланн забывал обо всем на свете, когда видел ее. Он подошел ближе, Сайдири подняла руки, обняла его и испустила тяжелый вздох, камнем упавший ему на сердце.

— Мне... тесно, — выдохнула она. — Я думала этот город, эта война, все эти дурацкие обязанности, это они так давят на меня, но нет, — она прижалась щекой к его груди и заговорила тише и медленнее. — Я могу изменить так много: превратить ложь в правду, шутку в реальность, лишь задеть чью-то судьбу пальцем и она сложится в новый узор. Есть только одна вещь, которую не сдвинуть, не сломать... это я. Я и есть моя тюрьма. Я никогда не буду никем больше, я...

— Я люблю тебя, — запустив руку в ее мягкие волосы, перебил он. Ланн понятия не имел, о чем она говорит, но от этих слов становилось не по себе. — И я точно не хотел бы видеть на твоём месте никого больше.

Послышался прерывистый вздох, затем еще один, Сайдири вцепилась в него так, будто видит в последний раз в жизни. Проклятье, кажется, он сделал хуже...

— Эй, — протянул он и неловко улыбнулся, — еще не поздно вернуть твоего мужа матери с сопроводительным письмом вроде: «Заберите вашего сына, он ничего не понимает в женщинах. Это самый тупой монгрел на свете!»

Рассмеявшись, она отпустила его и присела на краешек стола. Ланн вздохнул с облегчением — когда она улыбалась, он верил, что они справятся со всем на свете.

— Ты — самый лучший, — вытирая слезы, проговорила она. — Никому не говори, что я тут... ну знаешь, ударила в философию да еще и на трезвую голову. Что происходит в спальне, должно оставаться в спальне, в конце концов. Кто пойдет за командором, которая не знает, куда идти? А мне даже к себе сложно вернуться в последнее время.

— Тогда возвращайся ко мне, — он протянул руку и погладил ее по влажной щеке. — И я о тебе позабочусь.

* * *

В последний раз они остановились на привал неподалеку от Дрезена: командор наотрез

отказалась ночевать в городских тавернах и предложила войти в город с утра, забрать все, что нужно, и покинуть его до заката. С края поросшего молодыми деревьями разлома открывался хороший вид на городские стены и на дорогу, по которой последние повозки спешили доставить товары до темноты. Сайдири смерила Дрезен мрачным взглядом: стражи на стенах будто не больше десятка, знамена обветшали, с башен кое-где облетела черепица — если Ланн видел город всего месяц назад, то она очень давно сюда не возвращалась.

— И когда ты сказала «забрать», ты имела ввиду...

— Забрать, — обернувшись, ответила она. — Это не кража, если вещь принадлежит мне.

— Вольжиф тоже говорил так, — неопределенно покачал головой Ланн: он завел этот разговор только для того, чтобы отвлечь ее от мрачных мыслей и не особенно старался на самом деле отговорить ее. — Но, если я не ошибаюсь, хозяин его побрякушек был с ним не согласен.

Над костром на прутьях аппетитно исходило жиром мясо кабана, на которого им посчастливилось наткнуться по дороге сюда. Зверь оказался настолько большим, что Ланн уже строил планы по продаже остатка туши в городе или даже обмена ее на простой в таверне, если повезет и они все-таки задержатся.

— Вольжиф разбогател, поправился и больше не пролазит в окна, так что предлагаю его пример в расчет не брать, — Сайдири отряхнула руки, уселась на спальник и полезла в сумку за едой.

Ланн взял ее чашку, положил туда несколько кусков мяса и посыпал диким чесноком, немного подумал, а затем положил мяса столько, что хватило бы на четверых. Вытащив из сумки хлеб, Сайдири непонимающе уставилась на чашку, потом подняла вопросительный взгляд на него.

— Что? — повернувшись к ней чешуйчатой половиной лица, которая в любых обстоятельствах сохраняла непоколебимую серьезность, спросил он. — Кто не пролазит в окна, тот не оказывается в тюрьме, я правильно понял?

Повисла долгая пауза. Ланн принялся за свою порцию — ждать реакции бесполезно, а мясо остывает.

— Ну что же, — тоном человека, обреченного на ужасные страдания, произнесла она и поставила переполненную чашку себе на колени, — если мне суждено погибнуть, застряв в окне в самый неподходящий момент, я приму эту участь как подобает истинной дочери пустыни.

Ланн медленно и с подозрением обернулся. Сайдири невозмутимо жевала первый кусок. Это ведь шутка, правда? Она ведь не может на самом деле так думать... Или может?

На всякий случай он потянулся, чтобы забрать у нее мясо, но, не прекращая жевать, одной рукой она хлопнула его по ладони, а другой подняла чашку повыше. Так это вызов?

— Ты серьезно решила драться со мной за еду? — прищутив правый глаз, спросил он. — Ты хоть представляешь, какой у меня опыт?

— Дай угадаю, — проглотив кусок, она посмотрела на него и прищурилась тоже, — ни разу не пытался отбить гнилой гранат у стаи кадирских попрошаек?

Сделав вид, что это его совершенно не задевает, Ланн выпрямился, сложил руки на груди и перенес вес на правую ногу, готовясь к прыжку. Сайдири все еще держала чашку на весу подальше от него и, судя по выжидательной позе, тоже сдаваться не собиралась.

— Толпа загорелых детишек с поверхности? — скептически протянул он. — Ни когтей,

ни клыков, ни жал? Как, должно быть, нелегко тебе пришлось...

Один вдох и один прыжок сквозь пространство прямо ей за спину — командор не успела даже обернуться, так быстро он выхватил чашку у нее из руки. Подозрительно легкое испытание — она что, даже не пыталась уклониться?

Сайдири обернулась к нему со вселенской скорбью в глазах. Она выглядела настолько несчастной, что будь на месте Ланна королева Голфри, и будь предметом спора армия и трон Мендева — дело закончилось бы полной и безоговорочной победой кадирских попрошайек.

— А, вот что ты имела ввиду, — протянул он, уже чувствуя себя последней скотиной. — Не важно, я на это не куплюсь.

Усевшись на прежнее место со своим трофеем, он попытался продолжить ужин, но под умоляющим взглядом Сайдири кусок не лез в горло.

— Прекрати, — проворчал он. — Я знаю, что ты делаешь это специально.

Как, черт возьми, ей удастся делать такие глаза и не смеяться при этом? Раньше она бы скорее заставила его споткнуться, выронив всю еду в костер — для таких шуток у нее хватало сил всегда. Но вот это... что с этим делать? Просто отдать ей еду равносильно безоговорочной капитуляции, а если не отдавать, он будет чувствовать себя ужасным получеловеком до конца своих дней.

И вообще, для кого он готовил это все?

— Я все равно победил, — мрачно протягивая ей чашку, проговорил Ланн.

— Конечно, добрый господин, — кивнула Сайдири, тут же вгрызаясь в новый кусок, — но мяфо-то у меня.

Разумеется, она не съела и половины, пришлось оставить большую часть на утро, но Ланн все равно был счастлив, как ребенок, и вовсе не из-за еды. Пусть она не слишком напоминала себя прежнюю, он больше не чувствовал себя рядом с ней неуместным. И хотя он все еще не мог разжать стиснутые зубы и сказать ей, как много она для него значит, эта жизнь и так достаточно хороша. Особенно если подумать о том, как легко все снова может рухнуть...

* * *

На этот раз Ланн услышал их издалека. Возможно, им казалось, что они крадутся сквозь ночной лес, но они ломались сквозь него, как стадо бронированных лосей.

Напряженно вслушиваясь в хруст веток и скрип доспехов, он протянул руку в сторону Сайдири и постучал пальцами по земле в нескольких дюймах от ее головы — сигнал, который они придумали вместе, чтобы избежать недоразумений. Вздвогнув, она открыла глаза и первым делом схватилась за оружие, но не встала — глупо уведомлять противника о том, что его уже ждут. Ланн выпрямился и, подогнув большой палец, показал четыре и четыре снова. По правде говоря, эти ребята производили столько шума, что он сбился после шести, но лучше переоценить количество, чем недооценить.

Сайдири вскинула брови и завозилась с застежкой плаща, закрепляя ее — судя по количеству участников, это уже не слежка, это охота. После того, как она уснула сегодня, Ланн накрыл ее маскировочным плащом и она либо не заметила этого, что весьма маловероятно, либо просто позволила. Если они выживут сегодня, он скажет ей, обязательно...

Едва заслышав щелчок замка арбалета, Ланн рванул с места и успел схватить лук за секунду до того, как в землю у его ног вонзился армейский арбалетный болт. Пожалуй, вопрос о том, не попросить ли о помощи армию Дрезена с этого момента стоит считать окончательно закрытым. Сайдири накинула плащ и исчезла из вида — она попытается подобраться к стрелкам поближе, ну а ему нужно укрытие, которого среди деревьев толщиной в лучшем случае в руку просто нет!

Беги, Ланн, беги! И желательно подальше от света костра...

Смутные тени среди деревьев — не самые легкие мишени, остается только надеяться, что это люди и они видят в темноте еще хуже, чем он. Двигаясь на грани видимости, Ланн сделал пару выстрелов и с раздражением услышал лязг наконечника стрелы о доспех — может, эти ребята были медленными и неповоротливыми, но очень хорошо защищенными.

Арбалетный болт разорвал одежду и, вспоров кожу где-то под ребрами, ушел в траву. Ну отлично! У них есть по крайней мере один эльф или полуэльф, который видит не хуже!

Следующий выстрел оказался более удачным, Ланн услышал крик и одна из теней повалилась в подлесок, зато остальные двинулись к нему, но это даже хорошо — чем больше он оттянет на себя, тем меньше останется командору. Где-то на грани слышимости раздался булькающий хрип — келешидская сталь тоже не ржавела в ножнах.

— Она здесь! — разнесся над лесом хорошо поставленный и смутно знакомый голос. — Свет!

Свет — это смело! Ланн сделал несколько шагов ближе и выстрелил в освещенных магическим огнем солдат снова — еще один упал. Глупо, но смело! А что до попыток поймать невидимую келешидку в темном лесу, Ланн бы на них и гроша не поставил, что со светом, что без. Еще один крик встретившегося с командорским кинжалом солдата разрезал воздух. Ланн уже натянул тетиву, чтобы выстрелить снова, но отсветы магического огня легли на обожженное лицо одного из солдат и он в замешательстве опустил лук. Капитан Одан привел солдат, чтобы убить своего полевого командира? Нет, он не мог... Может, ожоги оставили следы не только на его теле, но и в душе, но не настолько — Ланн помнил его преданным и честным крестоносцем.

— Одан! — крикнул он. — Опустит оружие, мы не враги!

Полуэльф развернулся, вскинул арбалет и, даже бросившись в сторону, Ланн не успел увернуться — болт засел в груди, чуть ниже ключицы.

— Идиот, — прошипел Ланн, и он не был уверен, обращается к себе или к капитану. Ранение не такое уж серьезное, но стрелять с ним будет сложнее. Поразмыслив, он сжал зубы и выдернул болт — когда счет идет на секунды, подвижность руки важнее кровопотери.

— Одан, отставить! — звонко выкрикнула командор. Она скинула капюшон, чтобы капитан мог видеть ее лицо в свете магических огней, но и это не помогло.

Оставшиеся четверо подняли оружие и выстрелили, два болта достигли цели и командор повалилась на колени. Преодолевая боль, Ланн натянул тетиву снова, но выстрел оказался недостаточно сильным: ударившись о солдатский доспех, стрела отскочила. Ругнувшись, он бросился сквозь пространство вперед и выскочил всего в десятке метров от солдат — отвратительное расстояние для стрельбы, но иначе он просто не пробьет доспехи. Двое обернулись к нему, перезаряжая оружие.

— Вот ты где, бестия, — выплюнул Одан, встряхнув арбалет и направив его на командора. — Хорошая попытка, но я говорил с Сайдири полчаса назад.

Целясь Одану в голову, Ланн видел, как Сайдири смотрит на капитана онемев от удивления и боли, и понимал, что она не станет драться — ее список имен и так слишком велик, чтобы добавлять в него еще одного друга. Двое солдат вытащили мечи и бросились к ней, только тогда она подобралась и подняла к груди руки, сжимая кинжалы. Ланн выдохнул и спустил тетиву, Одан выронил арбалет и потянулся к лицу, но упал прежде, чем успел прикоснуться к стреле, пробившей ему глаз. Прыгнув сквозь пространство снова, Ланн увернулся от выстрелов, и, наложив на лук сразу две стрелы, последним усилием направил их на двух солдат, которые, черт возьми, просто выполняют приказы и не отступят ни пяди назад. Он выстрелил снова.

Крики солдат перекрывали друг друга, смешиваясь в один мерзкий ком боли и проклятий. Очевидно, их Сайдири не знала и никакой жалости не испытывала. Ланн смотрел, как мелькают ее руки по локоть в чужой крови и не мог пошевелиться.

Теперь у него есть свой список.

Когда все стихло, Сайдири с шипением подняла руку к болту, торчащему из левого плеча, но в последний момент передумала. С трудом переставляя ноги, она подошла к телу Одана, стянула с него шлем, выдернула из глаза стрелу и, зажав его голову между своими коленями, подняла кинжал.

— Что ты делаешь?! — Ланн едва успел перехватить ее руку до того, как она вонзила лезвие капитану в лоб.

Ее рука была мокрой от крови, но не дрожала, в темных глазах не осталось ни боли, ни раскаяния, одна только холодная решимость. Сайдири повернула голову, осмотрела окровавленную одежду Ланна, задержалась взглядом на ранах и, видимо, пришла к выводу, что его жизни ничто не угрожает.

— Он смотрел на меня и видел демона, и видел меня в ком-то еще, — терпеливо объяснила она. — Если капитан где-то встретил уулиуддруу и у него в мозгу личинка, я хочу это знать. Хотя бы для того, чтобы исключить такую возможность для себя.

Капитан. Конечно, называть его по имени она больше не станет. Ланн облизнул губы, но руку не выпустил — это неправильно, после всего, что случилось — это слишком. И если у него не получилось защитить живых, придется попробовать защитить хотя бы мертвых.

— Он был верен тебе до самой смерти, несмотря на то, что был обманут, — он старался говорить спокойно, но голос дрожал. — Изуродовать его тело — твой последний дар? Оставь его! И если хочешь знать мое мнение, для игрушки уулиуддруу ты удивительно ясно мыслишь.

— Ты это понял, когда я в первый раз попыталась тебя убить или во второй?

— Во второй мне даже понравилось.

— Я заметила.

Ланн отпустил ее руку. Она заметила и ничего не сказала? Это ведь не потому, что ее от него тошнит и терпит его она исключительно потому, что больше путешествовать не с кем? Нет, нет, вряд ли. Последние два дня были очень хорошими, ничего даже отдаленно похожего на отвращение он на ее лице не замечал, а он очень хорошо знает, как выглядит отвращение. Спокойно, Ланн, все в порядке. Ее просто нельзя отвлечь от очевидного дурацкой шуткой и кривой улыбкой — ничего ужасного, да?

Ага, абсолютно ничего.

Интересно, как много она заметила? О, Боги, учитывая, что она сидела на нем сверху, наверняка достаточно... Обидно будет узнать, что она просто не хочет задеть своего «верного друга» и потому изо всех сил старается обойти этот вопрос.

Поморщившись от боли, Сайдири покачала головой, опустила кинжал и полезла в сумку за свитками. Ну, по крайней мере она все еще к нему прислушивается... это, наверное, хороший знак.

— Нужно уходить, — выдернув болты и прочитав пару слабых заклинаний, проговорила она. — Восемь человек — большой отряд, их скоро хватятся. В Дрезене не так много тех, кто знает меня в лицо, так что вряд ли нам придется иметь дело с толпой... — она бросила последний взгляд на труп Одана и отвернулась, — подобных. Но теперь я хочу мои вещи в восемь раз сильнее.

С трудом поднявшись на ноги, Ланн поморщился — раны болят, пары слабых заклинаний недостаточно. Потребуется еще один привал, чтобы привести себя в порядок.

Тихо призвав милость Иомедай к душам погибших, он выпрямился и вдруг замер, пораженный догадкой. Солдаты производили много шума и, кроме того, большинство из них не способно видеть в темноте. Этот отряд не в состоянии доставить бойцу вроде командора хоть какие-то неприятности. Если бы она не попыталась остановить их, раскрыв себя, она избежала бы ранений и перерезала солдат по одному под покровом ночи. Видит она не лучше любого другого человека, но годы ночных вылазок приучили ориентироваться на слух. В пылу битвы она бы не узнала Одана сама.

Они были посланы не для того, чтобы убить Сайдири, а для того, чтобы Сайдири убила их.

* * *

Наскоро собрав вещи, они отошли на почтительное расстояние от лагеря, стараясь не оставлять следов — не хватало только, чтобы их нашли и обвинили в нападении на военных. Доказать, что все было ровно наоборот, достаточно сложно.

Входить в город одетыми в рваное окровавленное тряпье тоже идея не из лучших, пришлось остановиться у безымянного притока реки, которой местные еще даже название придумать не успели. Всего десять лет назад на месте плавного потока исходила жаром опасная пустошь, пришедшую совсем недавно на ее место воду так и называли — Река. Небо уже светлело, но солнце еще не поднялось из-за горизонта, и воздух на песчаном берегу был прохладен и чист.

Вытащив из сумки какое-то платье и оставив своему спутнику неброскую мужскую одежду, Сайдири скептически осмотрела пробитый в двух местах кожаный доспех, покачала головой и убрала на место. Носить на себе любые следы прошлого сражения в мирном Дрезене не стоит.

Поглядывая на то, как она решительно стягивает с себя рубашку и свободные штаны, оставаясь в плотно прилегающем нижнем белье, Ланн улыбнулся и подумал, что мечты, наконец, сбываются, пусть и не в самых лучших обстоятельствах... Но на этот раз он точно не проспит!

Впрочем, улыбка сползла с его лица как только рассеянный утренний свет коснулся смуглой кожи его спутницы и росчерки десятков шрамов стали заметнее. Следы колотых и резаных ран, укусы, ожоги... Откуда их столько? То есть он, конечно, понимал откуда, последние несколько дней были весьма красноречивы, но он не предполагал, что она живет так постоянно.

Всплеск воды вывел его из ступора, когда Сайдири скрылась в реке, и просто для того, чтобы не тарашиться ей вслед, Ланн скинул рубашку, оторвал кусок безнадежно испорченной ткани, макнул его в воду и принялся стирать с себя кровь.

— Что ты делаешь? — раздался ее голос, гораздо более бодрый, чем по пути сюда. — Нырять! Вода теплая!

— Угу, — мрачно кивнул Ланн, он был совсем не рад упускать такой шанс, но и полчаса отогреваться на берегу после, рискуя потерять подвижность, когда из-за любого куста могут выскочить одержимые солдаты, тоже не хотел, — скажи это моей хладнокровной половине.

Плеск воды раздавался ближе, Сайдири подходила к берегу, а он все не мог решить, смотреть на нее или нет. С одной стороны, хуже уже не будет — она знает, что нравится ему, и даже если он будет плясать на нее, пуская слюни, будет стойко это игнорировать, с другой стороны — разбираться с последствиями ему опять придется в одиночестве, и это уже даже не унижительно, это просто грустно. Сделав вид, что крайне увлечен собственной войной с засохшей на руках кровью, он отвернулся, и Сайдири зашуршала одеждой совсем рядом.

— Хладнокровная половина? — одевшись, задумчиво протянула она.

— Ты ее не заметила? В таком случае у тебя обо мне весьма одностороннее представление, — он усмехнулся и повернулся нужной стороной. — Она такая, ну, знаешь... зеленая.

Сайдири стояла в нескольких шагах от него, вытаскивая из ворота простого серого платья мокрые волосы. Сейчас она выглядела, как обычная женщина из селения под Дрезеном, у которой где-то есть дом, ремесло и семья... О, Боги, лучше бы он вообще не смотрел!

— Я не об этом, — она улыбнулась и подошла ближе, Ланн задрал голову и перестал делать вид, что все еще занят. — Две независимые кровеносные системы также означают два сердца.

— Ты не представляешь, сколько предположений о двойственности моих органов я слышал за всю свою жизнь, — с раздражением отбрасывая мокрую тряпку в сторону, проговорил он. — Это далеко не самое интригующее.

Подобрав подол, она опустилась перед ним на песок. В черных волосах блестела седина, вода капала с них на платье и впитывалась в хлопковую ткань. Сайдири подняла руки в умиротворяющем жесте. Она действительно думает, что он сердится на нее? Ха! Как будто он может!

— Мне нужно только знать, насколько сильно паниковать, когда тебя ранят, — она протянула руки и приложила обжигающе-холодные пальцы к его шее под самой челюстью. Ланн быстро сглотнул. — Если у тебя действительно два сердца, потеря любого из них тебя убьет.

Какая ты занятная зверушка, Ланн! Вот только не из тех, которых берут, чтобы гладить и целовать в мокрый нос, а из тех, кого распускают на столе, чтобы покопаться во внутренностях. Впрочем, до тех пор, пока Сайдири смотрит на него и прикасается к нему, это не важно. Совсем.

Перекладывая пальцы вниз по шее, она отслеживала толчки пульса, и наверняка это было не так уж трудно — Ланн отчетливо слышал грохот сердца в ушах. Когда она приложила ладони к его груди, он глубоко вздохнул, прикрыл глаза и постарался получить от происходящего хоть немного удовольствия, если уж никакого другого интереса, кроме

естествоиспытательского, она к нему не испытывает. Нет, правда, все хорошо, даже если так будет всегда. Она жива и он нужен ей, чего еще желать? Даже если она никогда больше не станет шептать ему по ночам все эти слова, слишком красивые для него, — это ничего... Главное, что она здесь и он с ней рядом.

— Вот оно, — приложив руку, уже согретую теплом его тела, чуть левее солнечного сплетения, сказала она. Сквозь чешую он чувствовал прикосновения не так явно, но это все равно приятно. — Совсем рядом с человеческим и бьется гораздо медленнее, так что его трудно заметить... Ты в порядке?

Нет! Да... Более чем. Слишком сложный вопрос. Пожалуй, ему не повредил бы второй мозг, чтобы работать, когда отключается первый. Открыв глаза и прочистив горло, он попытался улыбнуться:

— Пока ты не пытаешься вскрыть мне череп, я совершенно не против.

Вздвигнув, она тут же отняла руки, губы скривились в гримасе боли, но прежде, чем холод коснулся кожи, Ланн схватил ее ладонь и приложил к своей груди снова. Можно попытаться соврать, что это для того, чтобы она лучше запомнила, от каких ран его нужно лечить, бросая все, и плевать насколько это жалкая и очевидная ложь — лишь бы она еще хоть минуту так просидела...

— Все время забываю, что ты не понимаешь шуток, — криво улыбнулся он, не поднимая глаз. — И эта, к тому же, была не лучшая. Прости... и...

О, да гори оно огнем! Если станет хуже, ему даже любопытно, каким образом! Потому что сейчас все что угодно лучше, чем сидеть рядом с ней и молчать!

— И, раз уж тебе удалось найти сердце, которое еще не разбито... оно твое, — выдохнул он и почувствовав, как она снова убирает руки, рассмеялся горько. — Черт, это ужасно прозвучало, да? Просто скажи, что оно тебе не нужно, и я... я клянусь, никогда в жизни больше не заикнусь об этом.

Ланн поднял глаза, но успел заметить только краешек улыбки прежде, чем Сайдири подалась вперед, крепко обняла его и положила голову ему на плечо. Все еще не веря в происходящее, он обнял ее в ответ и что-то глубоко в душе стало на место. Она вернулась к нему. Теперь все будет хорошо.

— Пусть твое сердце останется в груди, — проговорила она тихо и ее дыхание щекотало шею. — Ты нужен мне целым. Ты не представляешь, как сильно. Что мне не нужно, так это твои попытки продать себя по частям.

— Но у меня много полезных частей!

— Не смешно.

— Смешно, просто ты зануда, — обнимая ее крепче, вздохнул он. — Но я почти привык.

Она отстранилась, подняла на него глаза и Ланн подумал, что если однажды ему удастся превратить эту слабую осторожную улыбку в настоящий радостный смех, он будет самым счастливым получеловеком на свете.

— Тебе лучше узнать кое-что прежде, чем мы оба наделаем глупостей, — проговорила она.

— Тебе лучше узнать кое-что прежде, чем мы оба наделаем глупостей, — проговорила она.

Глупости? Это вроде повалить ее на песок и целовать до тех пор, пока она не попросит о большем? Или усадить себе на колени и дать почувствовать, насколько долго он ждал этих слов? Да он ни о чем таком даже не думал!

Но если она так сказала, значит, она думала?

— Мои вещи остались в Дрезене потому, что я покидала его в спешке...

Сейчас ей уже трудно вспомнить, когда она услышала их впервые — кажется, перед приступом на Рубеже. Голоса — знакомые и незнакомые, гневные и грустные, они кричали о смерти и возмездии, умоляли повернуть назад, проклинали и молили. Давление на разум не было чем-то необычным, так что, тряхнув головой, она переступила порог и сцепилась с демонами, как и должна была.

Вернувшись с победой из крепости Рубеж, Сайдири обосновалась в Дрезене, как и обещала своим солдатам. Город процветал: дороги стали безопасны, торговые пути из Мендева в Устлав сдвинулись ближе к Дрезену, поскольку так караванам не нужно было проходить через Нумерию, многие из приезжих решили обосноваться здесь, а ближайшие соратники, напротив, разъехались. На короткое время территория Мировой Язвы стала самым безопасным местом на Голарионе — отряды крестоносцев патрулировали земли, уничтожая оставшихся демонов и поддерживая порядок на дорогах, командор заключала сделки и вела переговоры с соседними королевствами, ангелы Страж-Камней покинули свой пост с позволения королевы Мендева.

Все было хорошо.

Но недолго.

Когда Сайдири снова слышала голоса, она решила, что это демоны. Это было ясно, как солнце над песками! Кому еще нашептывать ей об опасностях, предательствах и убийцах за поворотом? Вот только убийцы действительно ждали за поворотом, а предательства и правда случались...

— То были трудные времена: друзья оборачивались врагами, враги носили маски друзей, — она покачала головой, но все еще держала его за предплечья теплыми ладонями. — Любой выход в город мог закончиться нападением из толпы, в штабе тоже было небезопасно. Тогда-то я и разменяла свою улыбку на... — она подняла руку и погрузила пальцы в копну поседевших волос, — это.

Со временем она приняла это как странную, но неотъемлемую часть себя, потому что ни свитки, ни зелья, ни амулеты, ни лучшие жрецы на континенте не могли остановить то, что с ней происходило. На неделю или две голоса замолкали, но вскоре возвращались снова. Сайдири видела слишком много сломленных солдат, чтобы не понимать, что есть вещи, которые нельзя вылечить ни магией, ни словом божьим.

— Я думала, что схожу с ума, — рассеянно погладив Ланна по плечу, проговорила она. — Капитан был одним из немногих, кто говорил, что с этим вполне можно жить, что таких ветеранов много...

Она стала теперь одной из них: тревожной, подозрительной, агрессивной. День за днем она пыталась отыскать источник. Растрчивая свитки обнаружения десятками, она до

последнего верила, что это порча или проклятье, или чары. Но жизнь медленно превращалась в хаос, от которого она спасла землю, но не уберегла собственный разум, пока наконец в один далеко не прекрасный день она не обнаружила себя посреди Дрезенской площади над трупом ни в чем неповинного коменданта.

Беднягу воскресили на средства храма Иомедай. Сайдири ушла из города той же ночью.

Когда Ланн нашел ее, она была не одна уже слишком долго, и ей пришлось заново учиться слышать кого-то, кроме своих демонов. Но, в конце концов, если она не могла доверять себе, она должна была доверять кому-то другому. И Сайдири предпочла слушать его, и вернулась за ним потому, что ей действительно нужно с ним разговаривать. А он-то думал она шутит...

— Последние три дня их нет, и если это не совпадение, то они отступили для того, чтобы бросить мне под ноги капитана, — Сайдири подняла руку и погладила Ланна по щеке, покрытой чешуей. — Это может повториться, и не нужно долго гадать, кто будет следующим...

— Я был на той же войне, что и ты, — накрыв ее руку своей, ободряюще улыбнулся он. — Я знаю, как разбираться с демонами.

— А еще у тебя есть запасное сердце, чтобы снова вложить его не в те руки, — она снова отвела глаза. — Хорошо, если это будут демоны. Плохо, если это буду я.

* * *

Ланн надеялся, что все изменится быстрее, но Сайдири относилась с осторожностью ко всему, что делала. И ему приходилось напоминать себе, что это он знает, насколько им будет хорошо вместе, она не знает ничего. И будь он проклят, если скажет.

Но всю дорогу до Дрезена она держала его за руку, и хотя оборачиваться на нее, каждый раз выглядывая из-под объемного капюшона, было довольно неудобно, они болтали о пустяках, стараясь не думать о плохом. Совсем, как раньше...

— Да что я там делать буду? — усмехнулась она в ответ на очередное предложение поселиться в Зимнем Солнце и жить открыто. — Корзины вязать?

Платье, которое она выбрала, имело здешний, северный край. От широких штанов и привычных ботинок с загнутым носом она избавилась, не надела даже платок и кудри мягкой волной спадали на плечи. Иронично, но теперь, чтобы оставаться неузнанной, ей нужно перестать прятать лицо. Сейчас, когда война закончилась, келешидов в Дрезене можно пересчитать по пальцам одной руки и каждый новый привлечет внимание.

— Охотиться. Организовать ополчение. Учить людей держать оружие, — терпеливо перечислял он. — Все, в чем ты хороша, просто... не в одиночку.

— Чушь какая.

О, да. Именно с таким выражением лица он утверждал, что ничего особенного между ними не происходит, и искренне верил, что по нему не видно, как плохо он умеет врать. Она привязана к этим людям, она охраняла их годами, она бросила все, чтобы помочь найти девочку. И сейчас пытается убедить его, что ей все равно? Ха!

— Тогда приходи всего на один день, — пожал плечами Ланн, стараясь не показать, насколько это важно для него. — День Лучника в середине Эрастуса. Будет праздник.

— Они пригласили на соревнования тебя? — вместо ответа удивленно произнесла она и покачала головой. — Большая ошибка.

Будут ли у Зимнего Солнца проблемы из-за того, что они выставят на соревнования от себя наполовину монстра? Сложно сказать. В детстве он нарывался на неприятности, даже

если просто стоял у стенки и ничего не делал, сейчас, если он хочет победить, ему придется помешать сделать то же самое толпе людей с оружием. А чтобы задеть чье-то самолюбие, много не надо...

Но он правда хочет победить! И чтобы она это видела...

— Все не так уж плохо! И участие полуящеров правилами не запрещено! — рассмеялся Ланн. — Даже кобольдов допустят, если они умеют стрелять и хотят соревноваться!

— Наоборот, ты слишком хорош для этого, — чуть сжав его ладонь, проговорила она, и что-то в тембре ее голоса заставило его пропустить вдох. — Если ты будешь участвовать, остальные могут просто не приезжать.

А вот это звучит потрясающе! Так, как будто она действительно восхищается им! Если бы он только мог открыть рот и сказать ей, как долго ему этого не хватало и как он признателен, и как ему хочется заставить ее чувствовать себя такой же счастливой...

— Можешь поставить на меня и заработать целое состояние, — неуклюже натянув капюшон поглубже, пробормотал Ланн. Ворота уже близко, около них полно народу и привлекать лишнее внимание совершенно ни к чему.

— В коровах? — усмехнулась Сайдири. — Или в гусях?

Стражники осматривали только телеги, одинокие путники их не очень интересовали, но Ланн все равно почувствовал, как пальцы его спутницы деревенеют от напряжения. Она сохранила не лучшие воспоминания о жизни в Дрезене. И о толпе.

— Я бы взял домашним ягодным вином, оно просто потрясающее, — улыбнулся он и потянул ее за руку к себе. — Ты пробовала? Пожалуйста, только не говори, что ты не пьешь...

Но, опасливо оглядываясь по сторонам, она больше не отвечала. Толпа вынесла их в нижний город, и Ланн чуть было сам не вывернул голову, пытаясь найти взглядом дом, в котором он когда-то жил. Зацепившись взглядом за старый храм Иомедай, он поднял руку к сердцу в почтительном жесте, но, обернувшись к своей спутнице, обнаружил, что та смотрит в другую сторону. Наверняка есть что-то, что он мог бы для нее сделать...

Ланн не так уж много знал о женщинах с поверхности, практически весь его опыт начинался и заканчивался его женой. Он знал, например, что для того, чтобы выразить свое восхищение, принято дарить цветы... но ведь она их ненавидит! Он сам видел, как она приказала выбросить целый воз роскошных ярко-красных бутонов. Ланн не слишком разбирался в цветах, но те выглядели красиво и пахли очень вкусно... Вольжиф еще неделю бегал по рынку, распродавая все, что смог спасти, и в небольшой часовне Шелин, которую организовал Зосиэль, эти цветы тоже стояли.

Ланн стоял перед дверью в часовню Шелин уже добрых полчаса, не решаясь войти. А что такого? Дрезен — свободный город, он может стоять, где хочет. Кто ему мешает топтаться на одном месте вечно? У него теперь целая жизнь для этого есть! Как у человека, а то и дольше...

Открыв дверь, Зосиэль замер, вскинув брови, а затем отступил внутрь часовни, пропуская посетителя. Ланн не двигался с места, жрец терпеливо ждал. Пауза затягивалась. Нет ничего хуже неопределенности, правда?

— Да я просто никогда не заходил сюда. Ну, знаешь... — Ланн опустил глаза и почесал шею, чешуя захрустела под ногтями. — Храм богини Красоты. Вдруг я сгорю, едва переступив порог?

— Как жрец Шелин, могу пообещать, что этого не случится.

На первый взгляд Зосиэль остался тем же улыбчивым юношей, который пришел в Язву, чтобы найти своего брата и проповедовать о красоте каждому, кто готов слушать. Но пережив поход в Бездну, боль потери и разочарование, никто не может остаться прежним. И Зосиэль приобрел способность оставаться терпеливым и говорить мягко и убедительно даже с насмерть перепуганными монгрелами.

— Ну да, ну да... Я просто... — Ланн вцепился ногтями в плечо, — есть одна женщина, она замечательная. И я, кажется, ей нравлюсь. По крайней мере она так сказала... — он сделал глубокий вдох и выдохнул, но это не помогло. — И вот оказалось, что ходить вокруг нее кругами и молчать гораздо проще, чем... — еще один вдох. — У меня есть план, но по моему он отвратительный... — он вздрогнул, когда крупная чешуйка засела под ногтем, и отнял руку от плеча, — проклятая чешуя.

Зосиэль поднял руки в умиротворяющем жесте.

— Просто успокойся, Ланн. Я уверен, все...

— Я спокоен! — встряхнув рукой, прорычал он. — Речь всего-то о лучшей женщине на свете и гробаном полуящере. Что может пойти не так?

Жрец тоже сделал глубокий вдох и выдохнул. Интересно, у него все прихожане такие нервные или только сегодня так повезло?

— Это Храм Любви и Красоты, — медленно проговорил Зосиэль. — И если в наличии второго убеждать тебя бессмысленно, то хотя бы не отрицай, что первого у тебя с избытком.

Часовня оказалась очень маленькой — сюда помещался только небольшой алтарь с украшенной цветами статуэткой Неувядающей Розы да пара скамеек. Шелин была не слишком популярна в землях, раздираемых войной, но Зосиэль сделал все, что смог, чтобы все желающие могли к ней обратиться.

— Дело не всегда во внешности, — мягко произнес он.

— Тебе легко говорить! — проворчал Ланн, стараясь не смотреть на чистую кожу жреца и его сияющие ухоженные доспехи. Как-то так изображают Прекрасных Рыцарей в детских книжках... по крайней мере ни одного зеленого, рогатого или покрытого чешуей Ланн на картинках не видел.

Зосиэль сел на скамью перед алтарем и, поколебавшись секунду, проговорил печально:

— Один мужчина ухаживал за мной, но стоило сказать ему, что я не хочу быть игрушкой на одну ночь, его и след простыл.

— Ну хоть переспать на спор не предлагал, — криво усмехнувшись, проговорил Ланн и что-то во взгляде Зосиэля заставило его тут же пожалеть об этом.

— Во-первых, это ты начал тот спор, — вздохнул жрец и указал ему на скамью, пригласив садиться. — Во-вторых, я изо всех сил стараюсь не показывать, что знаю, о какой женщине речь, ты не мог бы оказать мне ответную любезность?

Все настолько очевидно? Впрочем, если таскаться за женщиной по всей Язве и смотреть на нее, как на богиню, окружающие рано или поздно сложат два и два. С усилием потерев лицо руками, Ланн кивнул и выдохнул:

— Ладно.

— Ладно, — эхом повторил Зосиэль.

Снова повисла неловкая пауза, Ланн старался изо всех сил, но через минуту все же не выдержал.

— Вот если бы это был Регилл, я бы удивился, — добавил он, прекрасно понимая, что перегибает палку.

Послышался еще один тяжелый вздох, свет тонких белых свечей отразился на отполированных до блеска доспехах Зосиэля, когда он поставил локти на колени и заинтересованно склонил голову.

— Изгнание из храма Шелин входит в план?

— Нет, — выдохнул Ланн и снова спрятал лицо в ладонях. — Нет, прости. Я сам не знаю, что несу. Представляешь, что со мной будет завтра? Я же испорчу все, стоит мне только рот открыть, я...

— Тогда начнем с молитвы Умиротворения, — прервал его жрец, — а потом поговорим.

«Полумеру» в качестве места для простоя Сайдири даже не рассматривала — не хватало только, чтобы там оказался кто-нибудь, кто знал ее десять лет назад. Она не может помнить в лицо все те сотни людей, с которыми разговаривала во времена правления Дрезеном, так что ей нужно место, которого точно не было здесь раньше. Скромный постоялый двор «Храбрая птица» обслуживал приезжих торговцев и ремесленников, так что она сочла его подходящим. Сторговавшись со средних лет тифлингом на весьма скромную цену за комнату, они поднялись наверх.

То, что Сайдири не собирается брать Ланна с собой на вылазку за вещами, стало весьма неприятным сюрпризом. Они препирались добрых полчаса, но переубедить командора так и не удалось.

— Ты не вор, — говорила она, сидя на полу скромной комнаты и перебирая замысловатые инструменты в специальном кожаном чехле. — Когда мне понадобится кого-то пристрелить, я не стану даже пытаться сделать это сама. Но кражи оставь мне.

— А, так это все-таки кража? — сложив руки на груди и прислонившись к стене, протянул Ланн. — Я-то думал, это твои вещи...

Тяжесть преступления сейчас волновала его в последнюю очередь, гораздо больше он переживал, что придется оставить Сайдири одну на опасном задании, когда за ней по пятам ходят демоны. Что им стоит повторить трюк с Оданом и натравить на нее всю стражу в городе? Но командор оставалась непреклонна.

— Меня не будет часа четыре, — собрав сумку, проговорила она и выпрямилась. — Отдохни как следует.

Глядя на закрывающуюся дверь, Ланн скрипнул зубами, но не двинулся с места. Попытка пойти за ней может стоить ему едва установившегося доверия, и к тому же вряд ли он в самом деле сможет долго преследовать женщину, которая последние лет десять только и делала, что избегала лишнего внимания. Так что все, что ему остается — это ждать здесь и верить, что все пройдет отлично и она вернется...

А это труднее, чем кажется.

Она вернется. Нет абсолютно никаких причин считать, что она оставит его снова, ничего не объяснив и не дав ни единого шанса последовать за ней. Она сказала, что он нужен ей, она...

Подняв человеческую руку к лицу, чтобы стереть выступившую на лбу испарину, Ланн заметил дрожь в пальцах и понял, что если он будет просто сидеть на месте, ничем хорошим это не кончится. Чем дольше он будет думать об этом, тем хуже ему будет становиться. Он наивно полагал, что все закончилось десять лет назад, но стоило только приблизиться к мечте, как потеря стала в сотню раз страшнее...

Хватит. Нужно идти. В Дрезене есть по крайней мере одно существо, с которым следует

поговорить, раз уж командор занята и помешать не может.

Найти Самаэля не составило труда, хотя пришлось заглянуть в казарму к немалому удивлению солдат, которые монгрелов не видели никогда в жизни, но все же рассказали, что офицер Самаэль в середине дня обычно посещает храм Иомедай. Ланн с трудом удержался от того, чтобы ударить себя с размаху ладонью в лоб. Он мог бы и сам догадаться!

Храм Иомедай выглядел далеко не таким роскошным, как во времена расцвета Крестовых Походов — сказывалось отсутствие щедрых жертвований. Знамена выцвели, скамьи потемнели, даже свечей у алтаря стало меньше, хоть они и горели у ног изваяния Наследницы. Самаэль неподвижно сидел на первой скамье перед статуей богини и сам напоминал каменного идола. Сделав пару последних шагов к нему, Ланн подивился, как не заметил этого в первый раз — Самаэль распространял вокруг себя покой и умиротворение также, как Длань Наследницы внушал надежду и доблесть.

— У меня очень много вопросов, Сэм, — садясь рядом, проговорил Ланн, и Самаэль обратил к нему взгляд, полный искренней печали. Он мог бы сделать вид, что не понимает, о чем речь, но он лишь обернулся к богине снова и почтительно прикоснулся пальцами правой руки ко лбу.

— Мне запрещено вмешиваться в дела живых, — тихо ответил он.

— Ты уже вмешался!

— Предложив охотнику поохотиться? — в светло-голубых глазах ангела не мелькнуло и тени иронии. — Не думаю.

Ланн поджал губы и глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Сайдири предупреждала, что это не Длань, и была права. Прямой как палка герольд Наследницы не способен на хитрость в принципе. Но Самаэль — не герольд. Кто он такой, черт возьми?

Каков бы ни был приказ Богини для него, не похоже, что он ему нравится...

— Церковь Наследницы — щит добра против зла. Командор пожертвовала всем, что у нее было, чтобы защитить людей Саркориса, и продолжает делать это до сих пор, а ты просто... — Ланн прикусил язык, чтобы не наговорить лишнего, но все же продолжил. — Если она умрет из-за того, что ты знаешь что-то и молчишь...

— Она не умрет, — прервал Самаэль, и его голос, не громче шепота, казалось, заполнил собой все пространство вокруг. — Это никому не нужно.

И это должно его успокоить, да? Вот только как не старайся, эти слова не звучат как «она в безопасности»! Даже сквозь пелену ауры ангела он чувствовал как липкие нити страха обвивают сердце.

Поднявшись со скамьи, Самаэль поклонился изваянию Иомедай, развернулся и легко коснулся плеча своего собеседника.

— Да осветит твой путь милость Наследницы, — проговорил он и направился к выходу.

* * *

Ад — это не крики грешников, шеренги марширующих дьяволов и красные пески, ад — это сознание того, что ты не в силах изменить хоть что-то, даже если у тебя на десятерых хватает этих самых сил. Ланн уже был там однажды и сегодня, прохаживаясь по рынку в поисках припасов и вернувшись на постоянный двор, и сдирая с себя кожу в помывочной, и сползая по стене в арендованной комнате, он знал, что это лишь вопрос времени, когда он туда вернется.

И время шло. Через открытое окно Ланн видел, как солнце клонится к закату, слышал, как стихает на улицах шум. Он должен верить, что она вернется. Что еще ему, черт возьми, делать?

— У нас нет причин не верить тому заносчивому гному, — вполголоса говорил Вольжиф, но Ланн все равно слышал его. В последнее время он боялся пропустить любое упоминание имени командора в надежде, что оно окажется вестью о возвращении. — Регилл говорит, что он хоть и самая большая задница на берегах Внутреннего Моря, но он действительно лучший специалист по Первому Миру и действительно путешествует вместе с Шиикой Многими. И если он говорит, что видел их новое лицо... — взгляд тифлинга упал на появившегося из-за угла мрачного Ланна, но он все же продолжил: —...значит, так и есть.

Дейран, встревоженный этой внезапной паузой, обернулся, его странные глаза вспыхнули и погасли. Зал для совещаний пустовал — Регилл забрал на передовую всех, кто согласился пойти, и многих из тех, кто не соглашался. Даже Сиила отправилась следом: она не одобряла его методов, но уважала цели. Из разломов хлынули существа со всех планов Вселенной, и если этот хаос нельзя остановить, можно попытаться хотя бы сдержать.

— Она не умерла, она всех нас обманула, — скрестив руки на груди, нахмурился Вольжиф. — Грейбор был прав. Пообещать закрыть Язву и вместо этого открыть десятки новых — это смешно... — он отвернулся и уставился в окно, — наверное.

Ланн прислонился спиной к стене. Конечно, он думал об этом — у него были недели в пустой комнате среди оставленных вещей его жены, чтобы окончательно осознать, что он — одна из этих вещей. Не больше и не меньше. Ему невероятно повезло, что Сайдири вообще обратила на него внимание, но целая жизнь рядом с дикарем из подземелий — это для нее слишком. И как только ей представилась возможность получше — она бросила его, как собачонку, на пороге новой жизни. А ведь он свято верил, что действительно заслужил что-то большее...

Но к чему тогда... это все? Зачем она заботилась о нем, помогала ему с племенем, примирила его с матерью, спала с ним, вышла за него замуж, в конце концов? Если все это только ложь, то зачем столько стараний? Могла ведь и раньше отвадить, если он настолько плох...

Окна в зале не закрывались даже зимой и порыв ветра заставил его поежиться. Ланн подошел к камину и уставился в огонь, хотя совершенно не понимал, для чего ему заботиться о себе теперь. С раздражением вслушиваясь в приближающиеся мягкие шаги Дейрана, Ланн хотел только одного, чтобы этот напыщенный индюк прошел мимо. Но ему не повезло.

— Она любила тебя, — тихо произнес Дейран так, будто знал, о чем говорил.

Ланн повернулся к графу только для того, чтобы увидеть, как тот кивает на его руку.

— Иначе что это?

Он опустил взгляд тоже — кольцо все еще блестело на пальце человеческой руки. Ланн и не думал его снимать раньше, но теперь поднял вторую руку, легко стянул его с пальца и швырнул в камин.

— Дурацкая шутка.

Дейран надолго замолчал, но все еще стоял за плечом, как тень. Странно, обычно он привлекает к себе больше внимания. Но, Великие Боги, если он попытается отколоть одну из своих унижительных шуточек, никаких целительных способностей не хватит, чтобы разобраться с последствиями на этот раз...

— Слушай, я... — начал Дейран и запнулся, — только недавно перестал бояться, что стоит мне признать, что кто-то мне небезразличен, и я обнаружу его голову в шкафу. Так что я могу быть не очень хорошим другом поначалу. И не совсем понимаю, что делать...

— Оставь меня в покое, — огрызнулся Ланн.

Прошло добрых пять минут прежде, чем граф сдался, вздохнул и отступил.

— Я распорядюсь снарядить корабль в Устлав, мы отбываем туда через три дня. Просто приходи.*

Не оборачиваясь, Ланн покачал головой. Его ждет другое путешествие — где бы она ни была и кем бы она ни стала, он найдет ее. И если ему не удастся все вернуть, то, может быть, получится хотя бы узнать, почему она с ним так поступила...

Когда оконная створка чуть скрипнула и едва уловимый шорох выдал чье-то присутствие, на город уже опустилась ночь и небо украсили звезды. Сайдири скинула капюшон и появилась перед окном в сиянии лунного света, прижимая к себе правой рукой то ли большую шкатулку, то ли маленький сундук.

— Ты в порядке? — заметив, что Ланн сидит на полу у двери, настороженно спросила она и подошла ближе.

— Теперь да.

Она потратила несколько секунд, чтобы зажечь единственную лампу, подхватила ее, подошла ближе и уселась на пол напротив, оставив сундучок в сторону.

— Что случилось? — осматривая глубокие царапины на его правой руке и безошибочно сверяя их с когтями на левой, спросила она.

Нет, он вовсе не пытался содрать с себя кожу, он просто хотел отвлечься! И так как затеять драку в таверне и собрать на себя всю стражу в округе было бы по меньшей мере глупо, он сделал все, что смог. Просто... немного перестарался, потерял контроль. О, Великие Боги! Ну не говорить же ей, что он настолько боялся потерять ее снова, что ему разум отказал?! Это просто унижительно! И вызовет много ненужных вопросов...

— Не только у тебя остались плохие воспоминания, — он сглотнул и выпрямился, — о войне. А как твои дела?

Мягко пожав плечами, она рассказала, что утекло много воды и стража теперь стоит там, где раньше не было. Убивать ради своих безделушек она не хотела, привлекать лишнее внимание к наличию тайника в стене арсенала крепости — тоже. Последние шесть часов она провела, прячась в нише, пока не сменят караул.

— А ты... — она запнулась, но все же продолжила, — не выглядишь отдохнувшим.

— Можешь прямо сказать, что я выгляжу ужасно, — криво усмехнулся Ланн. — В конце концов, я выгляжу так всегда.

Сайдири открыла рот и тут же закрыла его, видимо, не нашла, что возразить. Еще бы! Он и раньше не был красавцем, а теперь еще и свою ничего-так-половину испортил. Молодец, Ланн! Ты это чертовски вовремя, Ланн! Именно в тот момент, когда уже можно придумать что-то, чтобы впечатлить эту женщину, ты придумал только стать еще безобразнее, чем обычно!

— У меня на родине принято надевать все украшения разом. Считается, что чем их больше, тем красивее, — подтянув к себе маленький окованный сундучок, проговорила она. — Жаль, что с магическими амулетами так нельзя. Они друг другу только мешают.

Замок щелкнул, стоило ей к нему прикоснуться, и в неверном свете лампы заблестели золотые и серебряные подвески. Сайдири подняла одну из них, повертела в пальцах и надела

на шею. Когда-то у нее была очень большая коллекция, но потом под давлением она пришла к выводу, что они не помогают, и оставила здесь. Амулеты и в самом деле не предотвратят очарование, только сделают попытку установить контроль над разумом чуть сложнее.

— В нашем положении одна лишняя секунда здравомыслия может решить все, — закончила она, осторожно надевая серебряный амулет ему на шею. Пришлось повозиться, чтобы шнурок не повис на роге, но в целом она справилась и, положив теплые ладони ему на плечи, так и осталась смотреть на него с беспокойством.

Здравомыслие, значит? Ланн не мог припомнить, когда в последний раз чувствовал, что у него есть хоть немного. Уж точно до того, как впервые ее увидел...

— Мне не поможет, — тихо сказал он и поднял на нее взгляд. — Я уже очарован самой красивой женщиной на свете.

— Это несправедливо, — покачав головой, мягко улыбнулась она. — Если я скажу то же самое, меня не ждет ничего, кроме дурацких шуток.

— Тебе нравятся женщины? — в притворном ужасе громким шепотом произнес Ланн. — К этому я не был готов!

Она плавно подалась вперед и поцеловала его. Лучшее, что она могла ответить глупому монгрелу, который не знает, когда остановиться. От прикосновения ее сухих, горячих губ мгновенно вскипела кровь, и Ланн обнял ее и прижал к себе, не думая о том, что, может быть, делает это слишком сильно. Свой испорченный доспех она оставила в сумке, и сквозь ткань платья он хорошо чувствовал тепло ее тела.

Его свет, солнце его жизни, она вернулась! И она любит его! Разве можно быть счастливее, чем он сейчас? Ну, разве что тогда, когда демоны отстанут от нее и она согласится остаться с ним до конца его дней...

— Вот этого стоило ждать лишних пять часов, — выдохнул Ланн, как только она отстранилась.

— Я готова извиниться за каждую секунду, — прошептала она, хотя едва ли кто-то мог их слышать, — но только если ты поднимешься со мной наверх.

Наверх?

Освободившись от объятий, Сайдири встала и потянула его за руку к окну, она указала на широкую балку недалеко от подоконника, а затем на крышу. В пару легких прыжков она проделала этот путь и встала над карнизом, поджидая своего спутника. Ланн улыбнулся, вдохнул поглубже и оказался около нее во мгновение ока.

Покатая крыша таверны спускалась вниз под небольшим углом, так что усевшись на ней, можно не бояться скатиться с ветерком в ближайшую канаву. Город лежал под ясным летним небом и готовился ко сну, прохожих на улицах давно не осталось. Любовь Сайдири к звездам не имела ничего общего с религией, просто в Кадире почти каждая ночь такая — пасмурная погода в тех краях большая редкость. Даже в Дрезене Ланн не скучал по ней так сильно, как во время путешествия в Келеш. Ему не с кем было разделить это небо...

Усевшись на теплую крышу и с неудовольствием путаясь в подоле непривычного платья, Сайдири хлопнула ладонью рядом с собой и принялась увлеченно рыться в сумке. Однажды Ланн отказался сесть с ней рядом, когда она просила. Каким же идиотом он был...

— Я купила его для особого случая, — достав из сумки бутылку ягодного кьонинского, сказала она, — но, когда увидела тебя, решила, что особого случая ждать не стоит.

Ланн тихо опустился рядом, больше он не позволит своим страхам испортить момент. Сайдири вытащила его наружу, чтобы отвлечь от мрачных мыслей. И пусть он не сказал ей,

что происходит, догадаться о том, что он не в порядке, несложно. Сайдири не очень хороша в глупой болтовне, которую может предложить в таких случаях он сам, но нельзя не признать, что вино и поцелуи в тысячу раз лучше.

— Я в порядке, правда, — неловко улыбаясь, он смотрел, как одним из своих хитрых инструментов Сайдири вытаскивает из бутылки пробку. Интересно, это очень важная железка? Потому что если она сломается при попытке взлома бутылки, будет забавно. — На мне заживает как на собаке. Завтра уже ничего не останется, честное слово. Давай просто не будем об этом.

Неопределенно пожав плечами, Сайдири протянула ему открытую бутылку. Ланн взял ее, пристально посмотрел на свою спутницу, не обнаружил ни единой попытки достать вторую бутылку или хотя бы кружку и обреченно вздохнул:

— Ты все-таки не пьешь...

— Я не пьянею, — поправила она. — Эликсир Трансформации был последним напитком, который заставил меня хвататься за стены, — наблюдая за тем, как он делает глоток, Сайдири сладко потянулась и пригладила свои сбившиеся волосы. — Посмотри на это с другой стороны: будет кому дотащить до кровати обе твои половины.

Ланн поперхнулся. Учитывая сложные отношения этой женщины с юмором, есть два варианта развития событий: совершенно неправдоподобно волшебный и реалистичный. Первый предполагает, что она вдруг ни с того ни с сего научилась шутить и вовсе не собирается тащить его в постель, так что сейчас они посмеются и каждый отправится спать к себе. Второй предполагает, что она абсолютно, непоколебимо, твердокаменно серьезна и, пресветлые боги, как же хочется обойтись без шуток на этот раз...

В конце концов, ей не нужно вино, для нее это просто сладкая вода. Она купила его потому, что Ланн сказал, что ему нравится. Так что это свидание, да? Да?

— Ох, — пригубив немного и почувствовав, как тепло разливается по телу, вздохнул он, — не думаю, что эта бутылка свалит меня с ног, но ты вполне способна, так что... — он кашлянул, в горле все еще першило, — можешь быть уверена, что я не стану сопротивляться, куда бы ты меня не потащила.

Ланн бросил осторожный взгляд на Сайдири и обнаружил, что она смотрит на него, удивленно подняв брови. Еще немного и она пожалеет о том, что потратила бутылку хорошего вина на плохого кавалера.

— Боги, что я несу... — прикрывая горящую половину лица ладонью, быстро заговорил он. — Когда говорю это про себя, звучит остроумно, но стоит сказать вслух... Не слушай меня, это все вино. Я прожил на треть дольше, чем ожидал, и все равно не научился заигрывать. Все было бы проще, если бы мне довелось ухаживать за женщиной на поверхности дольше одного дня.

— Один день? — потрясенно протянула она. — И вы поженились? — Сайдири толкнула его плечом и Ланн понял, что в ближайшее время легче не станет и нужно срочно уводить разговор в другую сторону. — Это, наверное, было что-то чертовски эффективное!

— Хотел бы я сказать, что я был неотразим и почти не заикался, но вместо этого я вообще ничего не скажу, — решительно подняв вверх когтистый палец левой руки, проговорил он. — Рухнувший брак — не лучшая тема для разговора с женщиной, которая тебе нравится.

— Понятия не имею, — пожала плечами она. — Во время войны мне было не до свиданий, а после... — Сайдири отвела взгляд, — все сильно осложнилось.

Погодите, так это все-таки свидание?

А.

Оу...

Вот теперь ему действительно нечего сказать.

Вот теперь ему действительно нечего сказать. То есть на самом деле он хотел бы сказать очень многое, но если не касаться прошлого, практически ничего не остается. Да и глупо, наверное, делать вид, что его нет.

— Я видел Перекресток Миров, — прокручивая бутылку в пальцах, медленно проговорил Ланн. — И тысячи обманутых воинов. И, кроме тебя, мне некого спросить, почему это случилось?

Не получив ответа, Ланн обернулся и увидел ее лицо, посеревшее от напряжения.

— Какой... он? — едва разомкнув сжатые губы, выдавила Сайдири, в ее глазах отражалась боль и что-то еще, чего Ланн не понимал, даже когда очень старался.

Ладно. Вот ЭТО плохая тема для разговора с женщиной, которая жалеет о потере своей силы. Поговорить с ней о бывшей жене и то лучшая идея! Супругов у нее никогда не было, а вот шанс открыть Перекресток Миров — был. И сколько он для нее значил невозможно даже вообразить.

— Шумный, яркий, опасный, — осторожно начал Ланн и тысячу раз проклял себя за то, что выпустил из бутылки этого джинна, но идти на попятную поздно. — Можно заключить сделку с дьяволом, а за следующим поворотом пожаловаться на него небожителям и наслаждаться заварушкой, к которой непременно присоединятся феи и черт знает кто еще. Потом всех участников поглотит портал эфирного плана, а тебя случайно позабудут на материальном. Не то чтобы я так делал, но повидал достаточно.

Сайдири издала смешок, больше похожий на вздох и, спустившись пониже, улеглась на спину и уставилась в небо. Ланн отставил бутылку и почти не думая, что делает, приложил руку к плечу там, где Сайдири только что прижималась к нему. Стало холодно.

— Эта сила... была глотком свежего воздуха поначалу, — медленно начала командор, в ее черных глазах отражались звезды. — Не мучайся выбором, не взвешивай вероятности, не опасайся рисков, просто выбери самый безумный вариант из возможных и будешь вознагражден, — Ланн вздохнул и подумал, что согласиться выйти замуж за монгрела определенно весьма безумный вариант. — Нет ничего важного, нет ничего серьезного, ничего, что стоило бы беречь... Хорошая шутка вывернет реальность наизнанку и положит мир к твоим ногам.

Командор говорила, и в ее голосе уже не сквозил гнев, как всего пару недель назад, когда Ланн напоминал ей о прошлом. Она вспоминала с тоской, но почти без сожаления.

— Мало кто видит мир таким, как видят его Шиика, — продолжала она. — Отражений так много, что в конце концов единицы становятся не важны на фоне миллионов. И если развернуть Перекресток Миров в одном из них, другие останутся невредимы. Любые жертвы незначимы. Любые изменения допустимы. Такое могущество и такой образ мысли трудно даже вообразить, оставаясь человеком. И единственный человек, который стоит между тобой и всем этим...

— Ты, — выдохнул он, с болью вспоминая, как лучшая женщина на свете в слезах говорила ему, что превратилась в свою собственную тюрьму. И он не понял этого.

— Я, — кивнула Сайдири. — И все, что люди привыкли вкладывать в это короткое слово. Отказаться от силы стоило мне половины себя. Иногда мне кажется, что это была моя лучшая половина...

— Нет, — покачал головой Ланн, хотя он тосковал по ее необыкновенной улыбке с тех пор, как встретил ее снова. — Ты поступила правильно.

— Я знаю, — Сайдири повернулась к нему, поднялась и осторожно сжала его ладонь своей теплой рукой. — Теперь.

* * *

Теперь все иначе: можно целовать ее, задыхаясь от счастья, и не бояться, что она оттолкнет его, больше не нужно делать вид, что он не испытывает ничего особенного, когда для него она буквально все. Его возлюбленная, его свет, его солнце...

Осторожно потянув ее за руку к себе, Ланн склонился, поцеловал ее и получил волну горячей нежности в ответ. Сайдири обняла его и прижалась теснее, от прикосновения теплых рук перехватило дыхание. Ничего. Ланн так долго ждал и он помнит, что делать, чтобы ей понравиться. Осторожно прикусив ее губу, он заставил ее приоткрыть рот и скользнул языком глубже. То, как сомкнулись ее пальцы на его плече, подсказывало, что он все делает правильно.

— Ты... — выдохнула она, не отрывая от него взгляда блестящих глаз, — крепче вина...

— И такой же старый? — улыбнулся он, не в силах оторвать взгляд от того, как она облизывает губы. — То есть... черт... Иногда язык и правда мой враг, но если мы вернемся в комнату, обещаю найти ему самое дружелюбное применение. И этого, наверное, тоже не стоило говорить...

Тихий, мягкий, почти беззвучный — вот какой у нее был смех. Ласковый, как тепло родного дома.

— Дай мне еще минуту, — склоняясь к его губам снова, прошептала она. — Всего одну...

— У тебя есть вся моя жизнь, Саи.

Сайдири подхватила этот танец быстро, пусть ей давно не доводилось танцевать. И хотя Ланн был рад, что нашел ее свободной, какой-то частью разума он все же сожалел, что она так долго оставалась одна. Она гибкая, легкая и красивая, но много лет рядом не было никого, чтобы согреть ее по ночам. Да и сейчас у нее есть для этого только половина человека... Если бы он только пришел раньше, если бы нашел ее много лет назад, еще когда собственные раны жгли огнем сердце, как много они смогли бы дать друг другу, как много боли бы избежали.

Ланн почти забыл, насколько ей нравится его целовать, и не ожидал, что она захочет делать это долго, так что к тому моменту, когда она оказалась у него на коленях, уже не помнил, что куда-то нужно спускаться. Он в раю, зачем ему стены?

А, ну да. Чтобы не получилось, как в первый раз. Хуже уже вряд ли получится, но нужно быть оптимистом — наверняка существуют способы опозориться сильнее.

— Что?.. — хватая ртом воздух и панически оглядываясь, спросил он. — Что случилось?

Сайдири лежала на кровати, обнаженная, с таким же ошарашенным выражением лица и пыталась отдышаться, ее смуглое тело блестело от пота.

— Все было прекрасно, пока ты не вскочил.

— Но ты кричала...

Тень понимания мелькнула на ее лице, она села на смятых простынях и осторожно спросила:

— А что, под землей принято вести себя тихо?

— Вообще-то... да, — внимательно осмотрев спальню командора и убедившись, что

ничего ужасного не происходит, ответил он. — Рядом всегда либо соплеменники, либо дикие твари, и если первое просто неловко, то второе смертельно опасно. Но если встречаешься с дочерью вождя, смертельно опасно и то, и другое. Так что если женщина начинает кричать, скорее всего из-за моего плеча выглядывают большие неприятности... — глядя на то, как Сайдири падает лицом в кровать и трясется от хохота, он все-таки продолжил: — Гниющий падальщик, гигантский паук, разгневанный отец...

Она смеялась мучительно долго, вытирая слезы и задыхаясь, но впервые за много лет Ланну вовсе не хотелось к ней присоединиться. Он пришел сюда совсем не для того, чтобы рассмешить ее до слез...

— Так, хорошо, — вздохнул он и потянулся за штанами, лежавшими тут же, у кровати. — Я вижу, что тебе смешно. Ты можешь не сдерживаться и повеселиться от души, а я, пожалуй, оденусь и подожду за дверью. Или у себя дома. Или в Натхолме. Или где-нибудь на другом плане, да простят меня боги.

Вскочив с постели, она обхватила его руками и потянула на себя, так что они оба упали навзничь. Еще минуту или две она фыркала, уткнувшись ему в плечо, а затем все же заговорила:

— Не вздумай, иначе я пойду за тобой и в самом деле попытаюсь продолжить на глазах у твоих соплеменников. Все и так считают, что я помешалась, хуже не будет, — она сделала глубокий вдох, выдохнула, хихикнула снова, но затем все же справилась с собой. — Я... я просто пыталась тебе понравиться, это мне должно быть стыдно. Просто... просто дай мне минутку, ладно?

Подоконник жалобно скрипнул, когда они спускались обратно, но стоически выдержал перегрузки. Эта комната не предназначалась для пары и в подметки не годилась роскошной спальне командора — простые кровати стояли отдельно около стен, но даже если бы их не было вовсе, вряд ли хоть кто-то из двоих обратил на это внимание.

Они были как два голодных зверя, вцепившихся друг в друга, словно в последнюю еду на свете. Хотя скорее в первую за долгое время. Одежда оказалась на полу очень скоро и вряд ли целой, Ланн готов поклясться, что слышал треск, когда Сайдири стягивала ткань с его плеч. Совсем недавно он думал, что даже если она не захочет остаться с ним снова, ничего страшного не случится, и он сможет это пережить, просто помогая ей в охоте, но сейчас, прикасаясь к ее горячей коже, понимал, насколько этого мало.

Отступив от него на секунду, чтобы снять белье, Сайдири шагнула вперед снова и положила руку ему на плечо, то, что покрыто чешуей. Ланн едва чувствовал через толстую корку наростов, как она ведет ладонью ниже, но все же перехватил ее.

— Не надо, — склонившись и коротко поцеловав ее в шею, сказал он. — Просто сделай вид, что я нормальный.

— Но...

— Пожалуйста.

Наедине с любимой женщиной он не хотел помнить о том, как сильно отличается от прочих мужчин. Пусть Сайдири видит его лучше, чем он есть, но на наличие чешуи, когтей, рога и желтого глаза рептилии это никак не влияет. Ланну и так каждый чертов день приходится иметь с этим дело, он хотел бы хоть ночью забывать.

Положив руку на его правое бедро, она притянула его к себе. Прижавшись напряженным членом к ее упругому животу, он шумно выдохнул и обнял ее крепче. И этого тоже мало, она нужна ему вся, целиком и сейчас же — он скучал по ней невообразимо

долгое время. И пусть это время вышло и все снова хорошо, от мысли о том, что это может повториться, никак не отделаться — она в каждом его движении, слишком резком, каждом объятии, слишком сильном, каждом поцелуе, слишком жадном.

Какой же ты трус, Ланн. И насколько же легче, когда нечего терять...

Кровать была жесткой и слишком тесной для двоих, но спасибо хоть не скрипела — оповещать соседей о том, что здесь происходит, совершенно не хочется. Не отрывая взгляд от лица Сайдири, ее припухших от поцелуев губ и блестящих черных глаз, Ланн переплел пальцы покрытой чешуей левой руки с ее теплыми пальцами — она ведь не сбежит, если он будет держать ее за руку, правда? Он сделает все, чтобы она не захотела...

Сомкнув губы вокруг острого коричневого соска, он услышал резкий вдох и почувствовал, как выгнулось навстречу ее тело. Ланн почти забыл, как здорово осознавать, насколько сильно он ей нравится. Пожалуй, стоит здесь задержаться, эти вздохи и тихие стоны того стоят...

Сайдири провела свободной рукой вниз по его животу и коснулась члена. Охнув, он подумал, что это нечестно, поднял на нее глаза, но так ничего и не сказал. Когда она играла честно, черт возьми?

Восхитительно. Такие осторожные, но твердые движения. Гораздо лучше, чем, сгорая от стыда, истязать себя самому, стараясь как можно быстрее и тише избавиться от напряжения, чтобы потом вернуться в лагерь, сесть в двух шагах от нее и снова делать вид, что ничего особенного не происходит. Но больше не нужно прятаться, пусть видит, что делает с ним.

И она смотрела. Облизывая губы и тяжело дыша, она переводила взгляд с его лица на тело и ей нравилось то, что она видела.

— Да, он всего один, что бы там про полуящеров не говорили, — уронив голову на подушку над ее плечом, криво усмехнулся Ланн, — надеюсь, ты не разочарована?

Тихо рассмеявшись, она отпустила его и скрестила ноги за его спиной.

— Ты можешь хоть немного побыть серьезным?

— Я серьезен, — сжимая ее ладонь снова, мягко ответил он. — Насколько голый мужчина вообще может быть.

На то, как она запрокидывает голову и кусает губы, чтобы не стонать, когда он входит в нее, Ланн мог бы смотреть вечно, но боялся, что в таком случае не продержится долго, так что глаза пришлось закрыть. Чтобы потерять голову, хватало и того, как она звала его по имени и просила не останавливаться. Как будто после долгой разлуки ему так уж много нужно...

Соленая от пота кожа, дрожащий шепот, тихий стон и восхитительное горячее тело, вздрагивающее от каждого толчка — она здесь, она принадлежит ему снова, и этого все равно мало. Проклятье, он считал, что может обходиться малым, он жил так всю свою жизнь, но стоит получить желаемое и тут же хочется больше. Она нужна ему каждый день: в его доме, в его постели, в его жизни... Только бы она тоже этого хотела!

Резко прогнувшись в спине, Сайдири сжала его руку так сильно, что суставы хрустнули, но боль была недостаточно сильной, чтобы о ней беспокоиться — зато помогла не сорваться в самый неподходящий момент. Со стоном выдохнув ее имя, Ланн свалился на бок и едва успел сделать пару движений рукой прежде, чем волна удовольствия накрыла его с головой.

Едва отдышавшись, он поднялся, чтобы найти какую-нибудь тряпку, использовать ее по назначению, а после, лучше всего, сжечь.

— Не стоит заводить детей от монгрелов, — горько усмехнулся Ланн, поймав ее

недоумевающий взгляд. — Если ты вдруг подумала, что было бы неплохо — скорее всего будет очень плохо.

Сайдири приподнялась на кровати и откинула со лба мокрые волосы.

— Ты жив, а Савамелех — нет.

— Я не знаю, как его убийство вообще должно помочь, если скверна течет по нашим жилам с рождения. Пока я не попал в Бездну, я даже не знал, в чем наша вина, и никто не оглашал нам условия освобождения от проклятья. Убить Савамелеха? Убить его и всех в племени, кто когда-либо ел человеческое мясо? Семь раз обойти статую Голфри, прыгая на одной ножке и прося прощения за то, чего лично мы, внуки провинившихся, никогда не делали? — закончив приводить себя в порядок, он вернулся в постель. — Если только боги смилостивились над нами... но я покинул племя прежде, чем узнать это точно. И я не собираюсь проверять.

— Почему ты ушел? — рассеянно поглаживая его по плечу, спросила она. — Если это было так важно...

Грустно улыбнувшись, Ланн крепко обнял ее и промолчал. Он не знал, что ответить.

* * *

Уснул Ланн только под утро, вцепившись в свою женщину, как в лучшую добычу в жизни и ценнейшее сокровище на свете, а разбудил его крик бакалейщика, расхваливающего товар прямо под окнами таверны. Солнце успело нагреть комнату и подбиралось горячим пятном от окна к самой кровати, становилось душно. Ланн лениво улыбнулся и обнаружил, что руки его пусты и в постели он один.

Пытаясь подавить панику, он поднялся и осмотрел комнату. Никаких вещей Сайдири или хотя бы следов ее присутствия — вторая кровать не смята, нет ни сумки, ни плаща. Спокойно, Ланн! У нее нет никаких причин сбежать — все было прекрасно, правда?

Да, прямо как в прошлый раз!

Стиснув зубы, он вскочил и наскоро оделся. Подобрать с пола сумку и оружие и вовсе не заняло времени. Ланн понятия не имел, где искать, но он нашел ее один раз и сделает это снова.

И, рывком открыв дверь в коридор, он чуть не сбил ее с ног. Отшатнувшись, Сайдири выругалась, потому что из крынки, которую она несла в правой руке, молоко выплеснулось на пол, левой рукой она прижимала к себе свежий хлеб и кусок сыра. Она купила завтрак. И, конечно, уходя на десять минут, она взяла с собой все свои вещи — она делает так уже много лет и с сумкой хранения это не сложно.

Спохватившись, он извинился, взял у нее из руки молоко и отступил в комнату снова.

— Это уже не смешно, — провожая взглядом его руки и сосуд, в котором по поверхности молока расходились крупные круги, проговорила Сайдири и нахмурилась. — Что происходит?

— Ничего, просто я идиот, — поставив молоко на небольшой стол у двери, он поставил руки на столешницу и медленно выдохнул. Лучше не стало. — Я решил, что ты ушла без меня.

— Да с чего бы?..

— Да с чего бы?..

Успокойся, Ланн! Сейчас же! И язык свой болтливый прикуси. Вдохни поглубже, выдохни и думай о хорошем. Ну же, хоть о чем-то, кроме боли, разрывающей легкие!

Проклятье, почему это происходит сейчас, когда все хорошо? Он десять лет в своих поисках переворачивал вверх дном такие места, в которые другой бы в здравом уме не сунулся, сражался с чудовищами, разговаривал с существами настолько древними, что мир давно позабыл их имена и ни разу не трясся как осиновый лист! Но стоило только найти то, что так долго искал, и во что он превратился?

— Ланн, — твердо произнесла Сайдири, и он повернулся к ней почти против воли. Меньше всего он хотел, чтобы она его таким видела. Практически бесшумно она подошла ближе, сложила продукты на стол и обняла его. — Я обещаю, в следующий раз обязательно разбуду тебя перед тем, как уйти.

— Следующий раз, — повторил он и обнял ее в ответ. — Звучит отлично. Я уж думал, придется снова искать тебя чертovsky десять лет...

Прошло секунд пять прежде, чем он понял, что не слышит больше ее дыхания, и еще несколько мгновений прежде, чем он понял, почему.

Он что, просто взял и сказал это? Нет, не может быть! После стольких попыток вернуть ее, после этой ночи, после того, как она сказала, что хотела бы провести с ним еще одну и не покинет его, не предупредив...

Хах, нет! Это была бы катастрофа.

— Она была как я, — медленно проговорила Сайдири, и Ланн не узнал ее голос. — Одно лицо... Одно имя... Леди-командор была твоей женой.

Сайдири выпрямилась и опустила руки, но Ланн в последней отчаянной попытке удержать ее рук не опускал, хотя чувствовал, как ее тело под пальцами снова превращается в сталь.

О, нет. Нет-нет-нет...

— Мы... — он сглотнул, в горле пересохло, — можем просто притвориться, что я этого не говорил?

— Тогда придется притворяться всю жизнь, — вздохнула она и взяла его за предплечье. — Отпусти меня.

У нее были планы на целую жизнь? Не только на «следующий раз»? Он не может отпустить ее, он не для того проделал весь этот путь...

— Нет, — выдохнул он. — Я люблю тебя.

Резкая боль в предплечье заставила его отвлечься, Сайдири сдавила его руку с невероятной силой, и пальцы пришлось разжать.

— Не меня, — мрачно проронила она, отпустила его руку и отступила на шаг. — Теперь ясно, почему ты все время пытаешься примерить мне чужую улыбку, — прикрыв глаза, она глубоко вздохнула и отступила еще. — О Небо, я должна была догадаться раньше... но я видела то, что хотела видеть.

Ерунда, это буквально одна и та же женщина, просто в других обстоятельствах! Если ее судьба сложилась немного иначе, это еще не значит, что...

— Возвращайся домой один, — отмахнувшись ото всех объяснений, бесцветно

проговорила она, — я... мне нужно подумать.

Накинув капюшон, она растворилась в воздухе, и только легкое движение воздуха указывало на то, что она прошла мимо к окну. Ланн не пытался ее остановить.

Как во сне он вышел из таверны и направился к воротам. Вокруг кипела жизнь: толкались тележками торговцы, бряцали доспехами солдаты, спешили по своим делам горожане, но пустота в голове превращала все звуки в белый шум. Из-под плаща, который Ланн надевал, чтобы не привлекать лишнего внимания к своей двойственной персоне, практически ничего не видно, но этого хватает, чтобы не наткнуться на людей в толпе.

— ...капитан, да примет Иомедай его душу! — низкий шепот резанул слух, и Ланн повернул голову в сторону телеги, накрытой грязной парусиной. Бледный рыжеволосый солдат быстро докладывал об увиденном старшему по званию, и губы его кривились от страха и отвращения. — Восемь лет служу — такого дерьма не видал! Мозг подчистую выскоблен и аккуратно в крышку черепа сложен, глаза как сливы раздавлены. Говорю вам, это демон! Кто еще так делать станет?

Не замедляя шаг, Ланн прошел мимо. Хотел бы он не знать ответ.

* * *

Нет ничего отвратительнее летней грозы: вода сверху, вода снизу, ничего не видно и слышно еще хуже. Поневоле заскучаешь по подземельям, где практически все хочет тебя сожрать, но хотя бы тихо, и свет не пытается выжечь глаза через неравные промежутки времени, которые никак нельзя предугадать.

Остановиться под раскидистым деревом — плохое решение, и не потому, что молния может выбрать его следующей целью. Пожалуй, если бы его жизнь закончилась так глупо, это было бы даже закономерно и... весьма своевременно. Ланн шел не останавливаясь больше суток, потому что стоило остановиться, и мысль, от которой он бежал десять лет, неизменно догоняла его.

И он устал убегать. Прислонившись спиной к стволу дерева, он вытянул скользкие по грязи ноги и закрыл глаза.

— ...Любые жертвы незначимы. Любые изменения допустимы. Такое могущество и такой образ мысли трудно даже вообразить, оставаясь человеком. И единственный человек, который стоит между тобой и всем этим...

— Ты...

— Я, — кивнула Сайдири. — И все, что люди привыкли вкладывать в это короткое слово.

Ее больше нет. Такой, какой он знал ее, такой, как он скучает по ней. Он не встретится с ней после смерти и не найдет среди живых. Шиика не возвращают назад тех, кто стал их частью. Думать иначе — большая ошибка. Она не ушла и живет где-то еще, она растворилась во Многих, как пыль среди звезд. И второй такой нет.

Он не должен искать ее, он должен ее оплакивать.

Перед Рубежом Сайдири заставила его сказать «Прощай!». Прыгнуть в разлом — это не прихоть и не сумасбродство, она знала, что сделает, и готовилась к этому. Если бы он только понял, может быть, он смог бы отговорить ее? Найти слова... или, на худой конец, веревку покрепче и лошадь повыносливее, чтобы унести жену от Язвы как можно дальше?

Что теперь гадать? Все кончено очень, очень давно. Да кто вообще между сраным полуящером и невообразимым могуществом выбирает первое?

Где-то высоко в небе сверкнула молния, и оглушительный раскат грома сотряс землю, а

затем еще и еще раз. И Ланн бы не обратил на это внимание, если бы дрожь земли не усиливалась и не приближалась. Схватив лук, он метнулся сквозь пространство в сторону за секунду до того, как дерево, защищавшее его от дождя, рухнуло под мощным ударом громадной алебарды.

Вскочив на ноги в нескольких метрах от поваленного дерева, Ланн выпрямился и поднял голову, пытаясь рассмотреть гостя и через секунду почувствовал капли дождя на языке, потому что не смог удержать челюсть. Мощная рука чудовища сжала древко алебарды и выдернула ее из мокрой земли, вторая рука представляла собой жалкий обрубок. Надо же, еще один ветеран Пятого Крестового Похода! Плечи покрыты шипами, голова закована в составной шлем и гребень змеится по мощному крупу вплоть до толстого хвоста длиной в три человеческих роста. Подняв одну из четырех нижних конечностей, монстр сделал шаг вперед.

Вавакия. Целый, мать его, вавакия! То есть не совсем целый, кто-то уже оттяпал ему руку, но выглядит все равно внушительно... Ланн захлопнул рот и отпрыгнул в сторону снова, когда громадное оружие обрушилось на него. Он что, пропустил момент, когда секретная операция по похищению людей закончилась, и можно уже ходячие крепости на поле боя выпускать? Эта туша всем своим видом намекает, что игра в прятки закончилась и началась война! Но почему? Они десять лет сидели тихо и ходили на цыпочках, боясь привлечь внимание командора!

Но командора здесь нет...

— Эй, четвероногий! — крикнул он, совершив еще один прыжок сквозь воду и грязь и развернувшись к огромной тени вавакии. — Дрезен — там, Кенабрес — там, а ты здесь за ящерицами бегаешь. Не много ли чести для меня одного?

У таких размеров один плюс — промахнуться очень сложно, даже если дождь стоит стеной. Ланн наложил на лук сразу две стрелы и спустил тетиву — обе попали в широкий торс демона, но тот даже скорости не сбавил, приближаясь с неотвратимостью титана.

— Я вернусь домой с твоей башкой и наши сделают из нее ночной горшок! — прогрохотал вавакия, размахиваясь снова. Он даже с дыхания не сбился, а плотная кожа так и лоснится от воды: обессиленным он не выглядит, голодным — тоже. В отличие от Ланна, который в последние сутки был слишком расстроен, чтобы заботиться об этом.

— Ну точно! — хохотнул Ланн и снова исчез из-под лезвия, чтобы появиться в нескольких метрах и выстрелить. — Всю жизнь думал, зачем мне этот рог? Отличная же ручка для горшка!

Но вместо того, чтобы погнаться за ним снова, вавакия выдохнул длинную полосу едкого дыма. Задержав дыхание, Ланн снова вскинул лук с двумя стрелами — шанс нанести ему побольше увечий упускать не стоит, пару секунд можно и не дышать. Стрелы вонзились в грудь демона, тот рассмеялся и обломал их одним движением. Ланн почувствовал, как опускаются руки — в дыхании вавакии был вовсе не яд.

— Подумай лучше, зачем тебе жизнь! — пророкотал демон, и удары его мощных ног о землю становились все ближе. — Ты никому здесь не нужен, облезлый бездомный пес.

Что, уже даже демоны в курсе, что он перепутал любовь всей своей жизни с женщиной, которая вообще не при чем? А они все вместе подглядывали или пересказывали друг другу по очереди? Пробраться в Дрезен вместе с вавакией та еще задачка... в отсутствии Страж-Камней, впрочем, вполне выполнимая.

Уйти из-под удара алебарды на этот раз удалось только чудом — настолько замедлилась

реакция. Через силу Ланн поднял лук снова, но две стрелы просвистели над плечом вавакии и тот глумливо рассмеялся, подходя ближе — он отлично знал, что делает с душами смертных сокрушительное отчаяние.

Ну, почему бы и нет. Ланн думал о смерти достаточно долго и смерть в бою с таким чудовищем — не самая худшая. Жаль, что о ней не сложат песен... Впрочем, песен о славной гибели от жала Савамелеха он тоже не слышал. Может и к лучшему, наверняка это была бы очень короткая и глупая песня... Частушка? Памфлет? Анекдот? Неважно. Если этот урод думает, что Ланн сдастся так просто, он ошибается — за этой ящерицей еще придется побегать.

Нырнув сквозь пространство снова, Ланн схватил еще две стрелы и понял, что в колчане их осталось около десятка — слишком мало для этой твари. Даже истыканный стрелами, как огромный еж, этот колосс будет двигаться и убивать. Если бы только удалось выбить ему глаз или оба, но этот чертов шлем хорошо их закрывает!

Вдох. Прыжок. Выдох. Выстрел. Восемь.

Вавакия не замедляется, он разворачивает свое огромное тело быстро и легко, снося деревья хвостом, когда они попадают на пути.

Вдох. Прыжок. Выдох. Выстрел. Шесть.

Кровь сочится из ран на туловище, но стрелы ему все равно, что иглы. Не отвлекаясь на то, чтобы их вытащить, демон делает новый бросок.

Вдох. Прыжок. Выдох. Выстрел. Четыре.

Вдох... Ну вот и все. Любые силы рано или поздно подходят к концу, и однажды нужно просто встретить конец достойно. Горящие глаза демона все ближе, но попытка выстрелить в них оканчивается пустой потерей стрел. Алебарда блестит в свете молний, и хоть демону трудно управляться с ней одной рукой, на последний удар сил ему хватит... Ланн не двигается с места. Глупый конец глупой жизни. Так и должно быть.

— Обернись, ханзир*! — звонкий голос взрезал пелену дождя. — Я пришла за твоей правой рукой!

*свинья (прим. авт.)

Если бы не вспышка молнии, определить, где именно стоит командор было бы невозможно, но свет, холодный и яркий, очертил ее темную фигуру футах в шестидесяти от демона. Участок леса, где он гонялся за Ланном, был уже основательно вытоптан, так что взгляду ничто не мешало.

— Хочешь знать, что стало с левой? — крикнула она и вавакия стиснул оружие крепче. — Я запихнула ее обратно в пизду твоей уродливой трехглазой мамыши! — глядя на то, как он, рыча, разворачивается, Сайдири оскалилась тоже: — И там еще осталось мно-о-го места...

Вавакия рванулся к ней, во все стороны разбрызгивая воду столпоподобными ногами, Ланн выпустил ему в спину последние две стрелы, но тот даже не споткнулся. Она с ума сошла! Это не тот противник, с которым стоит сражаться в ближнем бою! Она ему по пояс! И даже если она взберется ему на спину, ни один из ее кинжалов не достигнет его сердца, как не достигли стрелы! Почему она не бежит, почему не спрячется под плащом?

— Ты не будешь жить вечно, сука! — взревел демон, занося алебарду над рогатой головой. — Ты окажешься в Бездне с последним вздохом твоего сраного рта!

Ланн, задыхаясь, побежал за ним, но сил давно не осталось и он не смог даже догнать монстра, не то, что обогнать его и попытаться хоть чем-то помочь командору. Но на

половине пути два дерева по сторонам от несущегося в ярости демона вздрогнули и огромная сила выворотила их из земли. А затем все стихло...

Громадная туша, разрезанная на две половины, аккурат в той части, где заканчивались пластины доспеха, лежала на мокрой земле и медленно остывала. Деревья с содранной корой нависали над ней, цепляясь остатками корней за землю. Блестела от воды едва заметная тонкая нить, такая же, что разрезала Ланну ногу, когда он явился в гости без приглашения.

Ловушка. Пока Ланн бегал от этой ходячей крепости по лесу, Сайдири установила ловушку. То, чего никогда не смогла бы сделать командор, сделала инерция и громадный вес демона.

— Они были здесь, — не громче дождя повторяла Сайдири, сидя в грязи и ощупывая морду мертвого демона окровавленными руками: она торопилась, а нить — капризное оружие. Но она все еще надеялась, что если ее обманут глаза, то не обманут руки. — Все это время. Все время, — она дышала неровно и время от времени издавала что-то похожее на тихий смешок. — Я не спятила. Не спятила...

Сайдири не видела своих преследователей до этого момента. Каждый проклятый день она подозревала, что может быть просто не в себе и видеть то, чего нет. И единственный раз, когда Ланн мог подтвердить ее подозрения, он промолчал, поэтому ей пришлось вскрывать череп своему мертвому другу, который ничего не смог бы утаить. Узнала ли она что-то, спрашивать, пожалуй, не время...

Резко подняв голову, Сайдири поджала губы и замерла. Ланн остановился в двух шагах, не зная, что сказать... Он даже лицо ее не узнавал теперь — оно то же, но совсем другое — тревожная складка между бровями, бледные губы, колкий взгляд. Как можно было так обмануться?

Она живет в одна в лесной чаще, а не в городе, где полно развлечений. Ее единственные друзья оба обожжены войной и мертвы. Она мало говорит и редко улыбается. Она осмотрительна и не склонна поддаваться эмоциям. Она не пьет, черт возьми!

Это не его жена.

Первое, что она спросила, когда увидела его: «Кто ты такой?»

Он же не знал и знать не хотел, кто она. Он видел в ней только ту женщину, которая оставила его и страстно хотел ее вернуть. Что, черт возьми, он может ей сказать сейчас? «Извини»?

— Не надо было... — тихо проговорил он. — Если бы я не смог его одолеть, я бы доблестно сбежал с поля боя, как подобает настоящему крестоносцу. То есть, тактически отступил бы, да.

— Ты опустил руки и собирался позволить ему разрубить себя пополам! — рывкнула она. — Ты думаешь, я слепая?

Она не могла не помочь, даже зная, что не нужна ему. Это то, что она делает последние десять лет — пытается спасти всех. Для нее война не закончилась, у нее собственный крестовый поход. Бессмысленный, как поиски навсегда утраченной любви.

— Шиика никогда не были злыми, — отвернувшись, она запустила руку в сумку и вытащила бинт, который тут же промок под дождем. — Их мотивы могут быть туманны, но не враждебны. Твоя жена, будучи их частью, тоже не причинила бы тебе вреда. Они бы не отправили тебя сюда, чтобы ты просто здесь умер, — бинт неотвратимо темнел, впитывая кровь. — Должен быть лучший исход. Или его существенная вероятность.

— Звучит как что-то на извечном, — мотнув головой, Ланн подошел ближе. Если она говорит об этом так спокойно, значит и он может. На самом деле он ожидал, что она будет в ярости — мало кому понравится, когда его в постели принимают за кого-то другого. Ему бы точно не понравилось...

Ланн протянул руки, чтобы помочь ей закрепить бинты, и она его не остановила. Лучше бы она его ударила! Потому что, прикасаясь к ее холодным рукам, он все еще помнил, насколько теплыми они могут быть.

— Перекресток Миров соединяет планы, а не отражения, — пояснила она. — Ты пришел сюда не сам.

Шиика отправили его сюда? Просто чтобы подсунуть вместо одной женщины другую? Как-то слишком мелко для Извечных. Не говоря уже о том, что это так не работает! Несмотря на то, что всего пару дней назад он был абсолютно уверен, что это работает именно так. Нельзя просто вынуть из сердца одного человека и положить туда другого...

— Прости меня, — покачал головой Ланн. — За вчерашнее и... вообще.

— За что? — фыркнула Сайдири. — Между той, кто я есть и той, кем я могла бы стать, я бы тоже выбрала последнюю, — нахмурившись, она добавила: — если бы меньше слушала твою богиню... А вчера мне просто по ошибке перепало немного того, что мне вовсе не предназначалось.

Вот обязательно быть такой вежливой? Она ведь умеет ругаться — он только что слышал! По зубам съездить наверняка тоже может, но нет, надо проявить снисхождение!.. И за что? За особые навыки в постели?

— Ладно, давай просто забудем, — глядя на перекосившуюся правую половину его лица, медленно протянула она. — Не так уж много изменилось. Колония все еще где-то здесь, мне все еще нужна твоя помощь. — Сайдири поднялась на ноги, с пол ее плаща ручьем лилась вода. — И этот боров, он ведь пришел не за мной. Ты им мешаешь, а я — нет.

Она права. Что бы ни происходило между ними, демоны никуда не делись. Ну, а эта дыра в груди, размером с вечность... Ланн живет с ней достаточно долго, чтобы протянуть еще немного.

* * *

У вавакии не оказалось при себе ничего, кроме доспеха и оружия, по крайней мере ничего такого, что указывало бы, откуда он пришел и где остальные. Как только кончился дождь, командор вдоль и поперек осмотрела лес на сто ярдов вокруг, но нашла только следы демона, обрывающиеся в нескольких десятках футов от места нападения. Конечно, он телепортировался! Кому надо месить грязь ногами в темном лесу?

— Хватит, — тихо сказал Ланн, когда Сайдири в очередной раз помянула какую-то имперскую разновидность чертей и пошла дальше в поисках хоть какой-то зацепки. — Здесь ничего нет.

Сайдири обернулась с лихорадочным блеском в глазах, облизнула пересохшие губы и покачала головой:

— Ты не понимаешь...

— ...что значит бестолку искать годами, а потом вдруг напасть на след? — он попытался улыбнуться, но, как только она отвела разом потускневший взгляд, передумал.

Пожалуй, это действительно не смешно. — Остановись. Выбьешься из сил и снова станешь легкой добычей.

Возвращаться в Зимнее Солнце с демонами на хвосте — очень плохая идея. Деревню, которой последние десять лет не угрожали даже разбойники, вырезать может единственный бабау. Когда Ланн заметил, что сейчас как раз наилучшее время, чтобы напасть на незащитных людей, командор покачала головой и ответила, что, как ни странно, деревня нужна демонам тоже. Как гарантия того, что Сайдири будет оставаться на одном месте долгое время. Эта простая уловка позволяла им находить командора снова и снова много лет. С этим можно было поспорить, но Ланн не стал, уповая на то, что командор знает своих демонов лучше...

Отступив на северо-запад, где обжитые территории заканчивались и начиналась пустошь, они разбили лагерь, чтобы хоть немного просушить одежду и отдохнуть. Дождь давно закончился, но в воздухе витала сырость и грозовые облака заслоняли солнце. Они ужинали в молчании и в молчании охраняли сон друг друга — им больше нечего было сказать. То, что пока они вместе, дело с мертвой точки не сдвинется, достаточно очевидно, чтобы это не обсуждать. То, что на этот раз командор может не успеть — тоже.

— Будь осторожен, — сказала Сайдири на следующее утро перед тем, как уйти. Она хотела добавить что-то еще, но только вздохнула и отвернулась.

День прошел тихо, ветер шелестел в кустарниках, растущих на ближайших камнях. К полудню стало жарко и Ланн передвинулся вместе со спальником в тень скал, ощущение того, что они что-то упустили все идет совсем не так, как нужно, не покидало его. А время шло. Солнце, провисев положенное время в зените, клонилось к закату и темная фигура командора снова появилась на горизонте. Ланн вздохнул с облегчением.

— Итак, ты жив, — остановившись напротив, констатировала Сайдири. — Это... неожиданно.

Усевшись на песок рядом, она скрестила ноги, подперла подбородок рукой и задумчиво посмотрела на него. Ланн повернул к ней голову просто чтобы убедиться, что она не злится. Но, похоже, что Сайдири справлялась с задачей «забыть все» гораздо лучше, чем он.

— Обычно, стоит мне отвернуться и повернуться обратно, ты уже либо пытаешься убить себя сам, либо с помощью тяжелых тупых предметов вроде выродков Ламашгу, — лукаво сощурившись, продолжала она. — И вот меня нет целый день, а ты... — Сайдири развела ладони в стороны, — сидишь здесь определенно НЕ в смертельной опасности. Ты не заболел?

Ланн рассмеялся, громко и искренне. Пожалуй, это именно то, чего ему так долго не хватало. Может быть, они даже смогут остаться друзьями после всего, что он наворотил?

— Я в порядке. Но если хочешь исправить эту несправедливость, я всегда за честный поединок.

— Хочу, — широко улыбнулась она, встала и поманила его рукой. — Поднимайся. Других развлечений сегодня все равно не будет. Никто не придет, пока я здесь.

Почему бы и нет? Это ведь то, что друзья делают, правда? Главное, не ударить ее слишком сильно: последнее, чего он бы сейчас хотел — это причинить ей боль снова.

Отложив лук в сторону, Ланн поднялся и встал напротив командора, но после первых же выпадов понял, что Сайдири тоже не планирует драться в полную силу. Он прекрасно помнил боль в предплечье: когда ей действительно нужно, она использует силу без колебаний. Но сейчас она не предпринимала ничего даже отдаленно похожего,

сосредоточившись на том, чтобы избегать ударов.

— Ты поддаешься! — выкрикнул Ланн, когда она в очередной раз увернулась и он снова поднял руки для следующего удара.

— Вовсе нет! — засмеялась она, и этот смех, чистый, как звон колокольчика, достигал самого сердца, заставляя улыбаться в ответ. — Просто жду удачного момента!

— Я хочу, чтобы ты чаще улыбалась, — выпалил он быстрее, чем успел подумать.

Уголки ее губ поднялись вверх, и Ланн затаил дыхание, но не увидел того, о чем мечтал. Грустная и немного виноватая, эта улыбка не была даже тенью прежней.

— В моем сердце осталось мало радости, — сказала Сайдири, — но я попробую.

Это то, какой он хочет ее видеть. И то, какой она не может быть.

Распахнув глаза, Ланн отпрянул, но этой доли секунды ей хватило, чтобы сделать молниеносный выпад. Резкая боль пронзила ребра, и он инстинктивно схватил Сайдири за руку. Пальцы обхватили предплечье, горячее, как дыхание Бездны.

— И вот он! — плотоядно улыбаясь, протянула она, пока Ланн медленно оседал на песок — само ранение, нанесенное даже не кинжалом, а тонким военным стилетом, было пустяковым, но яд на клинке — очень хорошим. С каждым ударом сердца разгоряченная тренировкой кровь разносила его по венам, паралич охватывал конечности. Это можно преодолеть, но только со временем, а его нет. Отказывают даже легкие, а они чертовски нужны, чтобы правильно дышать!

Упав на песок и отчаянно пытаюсь втянуть хоть немного воздуха, Ланн мог только наблюдать, как демон внимательно оглядывается по сторонам, а затем начинает изменяться: он становится выше, чешуя покрывает правую сторону тела, над головой поднимается рог и желтый глаз рептилии смотрит хищно и цепко. Вот такому парню точно дадут скидку в таверне! Вот он может быть страшным, когда хочет!

— Хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, — мягко проговорил суккуб, идеально копируя голос, — сделай это сам.

Дыши, Ланн! Быстрее, черт бы тебя побрал! Иначе к возвращению командора здесь останется только один полуящер, и не самый тупой из двоих!

— Не волнуйся, я не убью ее сегодня, — демон склонился над ним и Ланн услышал мерзкий влажный звук, с которым тонкий стилет покидает рану, боли он не чувствовал, — она проживет долго и Бездна примет ее после смерти. Она станет моим шедевром, моим безупречным воином Гордыни, моей прекрасной марилит...

Вот почему Сайдири была одна все это время, вот почему она дожила до сегодняшнего дня! Паранойя — ее стратегия выживания, Ланн пробил в этом щите брешь, и теперь демон воспользуется этим. Командор делала все правильно до тех пор, пока один бестолковый монгрел не свалился ей на голову.

Ланн собрал все силы для ничтожного движения, которое люди делают сотни раз за день и даже не замечают — он набрал воздуха в грудь и тихо выдохнул. Ну же, годы тренировок не могли пройти даром! Он уже слишком стар, чтобы умирать молодым!

Схватив Ланна за грудки, демон без труда оторвал его от земли и поднял на уровень своего лица. Ланн позволил голове завалиться назад и медленно вдохнул снова — боль пронзила ребра. Слава Йомедай! Никогда до этого не приходилось так радоваться напоминанию о дырке в боку!

Давай, поболтай еще немного, демоническое отродье! Ты не станешь хорошим Ланном, если не научишься болтать много, не вовремя и не по делу!

— Ты умудрился всё испортить, но я исправлю, — тряхнув Ланна как следует, суккуб заставил его посмотреть на него. — Может быть, со временем... — его лицо изменилось снова: чешуя сползла, открывая здоровую кожу, карие глаза смотрели с прищуром, улыбка из двух изломанных частей сложилась в целую — нормальный знак довольства и расположения, — ...вообще всё. Твоей Богине насрать, но я сделаю вид, что она даровала тебе исцеление в награду за подвиги. А командор поверит всему, что скажет человек, которому она привыкла доверять.

Во-первых, больше не поверит. А во-вторых...

Получив ядовитый плевок в лицо, демон дернулся, выпустил его и заорал. Ругаясь на языке Бездны и судорожно вытирая глаза, он терял наведенный облик — красная кожа, рога и крылья становились отчетливо видны, как и соблазнительные женские формы. Но суккуба все еще далека от того, чтобы просто упасть и умереть, как какой-нибудь неудачливый наемник.

— Я монгрел! — прошипел Ланн и попытался встать, но ноги его все еще не держали.

Расстояние в несколько шагов становится чертовски большим, когда его нужно преодолеть, ползая по песку на руках. Даже если ты рожден ползать. Добравшись до лука и схватив стрелы, Ланн перевернулся на спину только для того, чтобы увидеть, как, чуть присев на тонких ногах, суккуба взмывает в воздух. Разумеется, никакого честного поединка она не планировала...

С трудом сев и выпустив стрелу в демоницу, Ланн зашипел, увидев, как она без труда отбила ее рукой — слишком медленный, слишком слабый выстрел. Наложив на лук еще одну стрелу, он прицелился, но со скалы на песок покатались мелкие камешки и через секунду суккуба упала с тридцати футов на землю, прижатая кем-то невидимым сверху.

— И как долго ты там сидела? — опустив оружие, поинтересовался Ланн, пытаясь перекричать визг демоницы.

— Я и не уходила, — заламывая суккубе руки и стараясь при этом не получить крылом в глаз, ответила Сайдири. — Я надеялась, что она расскажет больше, — орудия веревками, сквозь зубы прошипела она. — Ничто так не расслабляет, как беспомощность жертвы. На'ам, джамали*?

*Да, красавица? (прим. авт.)

Беспомощно дернувшись еще несколько раз, суккуба быстро заговорила что-то на келеше, но командор только усмехнулась и отняв руки от ее связанного тела, постучала пальцами по своему амулету. Кого бы демоница только что не попыталась изобразить, это не сработало — трудно очаровать того, кто к этому готов.

Извернувшись, суккуба посмотрела на Ланна, в ее красных глазах боль и гнев сменялись страхом. Она не зря не подходила к командору все эти десять лет, и если бы не перспектива заполучить его место, она бы не рискнула. И не проиграла бы.

— Спроси ее о монгрелах! — прошипела она. — Спроси, кто их перерезал!

Сайдири сказала ему о резне в первый же день, но он пропустил это мимо ушей, как что-то само собой разумеющееся. А между тем в этом нет никакого смысла... Почему она истребила их? С Ланном или без него, монгрелы не опасны, если мертв Савамелех. Он вед мертв, правда?

— Я, — спокойно сказала командор и, придавив демоницу к земле сильнее, скинула капюшон маскировочного плаща. — Теперь твоя очередь отвечать. Где остальные, джамали? Кого вы кормите десятками тел каждый месяц?

— Ебись конем, сука!

— Неправильный ответ.

Хруст выворачиваемой кости сменился истошным визгом, и мощное крыло, способное поднять в воздух демона, отлетело в сторону. Вот почему Сайдири отказывалась тренироваться с Ланном: если бы что-то пошло не так, он заплатил бы за это слишком дорого. И все же не так дорого, как его племя.

— Если ты думаешь, что умрешь быстро, ты сильно ошибаешься! — прошипела командор и грань между человеком и демоном на миг стерлась. — Я десять лет ждала этой встречи и ты заплатишь мне за каждую минуту прежде, чем сдохнешь!

Ланн сильнее стиснул лук, паралич прошел и руки снова слушались его, как прежде. Демоны — простые существа и цели у них тоже простые. Разрушение — их главная страсть, и потратить десять лет на низвержение одного человека в Бездну — это более чем достойная трата времени и сил. Заполучить в союзники душу, которая закрыла им путь на Голарион — это ли не свидетельство блестящей победы? И победа близка.

— Твое перерождение стоит любых страданий! — брызгая слюной на песок, прохрипела суккуба и командор взялась за второе крыло.

Они сумели выдавить ее из Дрезена, где жили люди, к которым она была привязана. Они не позволили ей найти новых. Даже самые сильные сердца ожесточаются в одиночестве...

— Ты единственная суккуба из всего отряда, иначе ты приставила бы ко мне кого-то еще перед тем, как отправиться за Оданом, — прорычала Сайдири и рванула снова, кровь забрызгала доспех, крик, полный боли, резанул уши. — Вас осталось очень мало, джамали! — командор достала кинжал, голос сорвался на крик. — Вам не нужно столько мяса, сколько вы добываете! Кого вы кормите?!

Стрела пронзила суккубе череп прежде, чем она успела что-то ответить. Командор дернулась и подняла руки, она несколько секунд смотрела на мертвую демоницу, а затем подняла глаза на своего спутника и взгляд ее ничего хорошего не предвещал. Она произнесла что-то на келеше, и хотя Ланн не знал языка, догадаться, что она интересуется «Какого хрена?» труда не составило.

— Она бы ничего не сказала, — он поднялся, подошел ближе и стянул с трупа сумку. — Она тащила тебя в Бездну на собственных кишках, а ты даже не сопротивлялась.

— Беспokoишься о моем посмертии? — медленно проговорила командор, тщательно подбирая слова, напряжение сквозило в голосе. — Оно не близко. Подумай лучше о людях, которых демоны пережевывают прямо сейчас.

— Она не умрет, — прервал Самаэль, и его голос, не громче шепота, казалось, заполнил собой все пространство вокруг. — Это никому не нужно.

Он не сказал «демонам». Он сказал «никому». Что, черт побери, творится в этом отражении?

В отличие от вавакии, суккуба носила небольшую сумку. Одним быстрым движением сорвав ее, командор вывалила содержимое на песок — яд, веревка, огниво, драгоценный камень, немного денег, запасная городская одежда и... все. У суккубы не было карты с крестиком в месте назначения, зато у нее было десять лет, чтобы выучить дорогу домой, которую со стрелой в голове она уже не покажет.

Осмотрев нехитрые пожитки и выхватив из общей кучи камень, командор выругалась.

— Камень сообщения, — сжимая магическую безделушку так сильно, что казалось та вот-вот треснет, сквозь зубы процедила она. — У нас осталось в лучшем случае часов двадцать до того момента, как остальные поймут, что моя нянька мертва. Я бы на их месте сделала ноги. Или приготовилась к битве. Смотря кого они прикормили...

Ланн поднялся на ноги и пошел за своими вещами — рана в боку все еще болит, куда идти они не знают, так что время на то, чтобы привести себя в порядок, у него точно есть. Усевшись рядом со своей сумкой, он брезгливо пнул в сторону оторванное крыло. Оно перевернулось, но без суккубы далеко не улетело. Пинать его еще раз было лень, но теперь в глаза бросались чернильные точки, соединенные линиями, практически неразличимые за сетью темных вен. Судя по тому, что Ланн видел в Алушнирре, украшать крылья татуировками — это способ выделиться среди других крылатых бестий. Ничего удивительного, что застрявшая на материальном плане суккуба пользовалась им тоже. Гораздо удивительнее то, во что эти точки в итоге складывались...

— Небесный караван, — выдохнул Ланн и командор повернулась к нему.

* * *

Вскоре после войны дезниты заявили права на Водопады Паллары. Сайдири подтвердила их притязания, поскольку никого из паствы самой Паллары давно не осталось, и больше никогда не вспоминала об этом месте. Не в последнюю очередь потому, что вскоре у нее начались проблемы посерьезнее, и в своем болезненном состоянии она просто не смогла бы добраться туда — слишком далеко от единственного безопасного убежища при Зимнем Солнце. А Небесный Караван все так же переливался под сводами Храма в священной воде, отражаясь от небосвода.

Но стоило Ланну присоединиться к ее охоте, как расстояния, которые она могла преодолевать в своих поисках, увеличились, а способность противостоять воздействию на разум сделала преследование вновь возможным. Неудивительно, что демоны пытались убить Ланна первым. Без него все стало бы, как прежде.

От ночного отдыха пришлось отказаться, как и от попыток позвать на помощь. Камень сообщения, который носила суккуба, срабатывал раз в сутки: она докладывала своим о том, где находится командор и где сегодня охотиться не стоит. Если сейчас свернуть в Дрезен и потратить день на убеждение командующего в необходимости послать отряд в Водопады Паллары, а затем полдня на сборы и двое суток на дорогу, к этому моменту демоны сообразят, что у них проблемы. Хорошо, если они решат принять бой, но если сбегут, Сайдири так и останется для военных Дрезена сумасшедшей, ведь доказать она снова ничего не сможет. И все вернется к началу.

Хорошая новость в том, что когда они подступят к логову, ни вавакии, ни суккубы там уже не будет. Но кто остальные и сколько их?

— Нашла что-нибудь в черепе Одана? — на бегу спросил Ланн, командор перемахнула через широкую промоину и попыталась уйти вперед, но она не могла сравниться с ним в скорости.

Вдвоем они могли двигаться быстрее, чем бронированный отряд регулярной армии и этим следовало воспользоваться. Если дорога будет легкой, они достигнут Водопадов Паллары часов через десять... и должны будут вступить в битву сразу же, если не хотят упустить преимущество.

— В черепе — ничего, — не оборачиваясь, бросила она. — На спине — царапины от ногтей. Он, должно быть, думал, что от моих.

Ланн сбился с шага и вскоре остановился совсем, командор пробежала еще немного, а затем обернулась. Коротко выругавшись, она остановилась тоже и, пытаясь отдышаться, просто смотрела на него — объяснения уже не нужны. Когда Сайдири вернулась к нему с амулетами, она уже знала, что имеет дело вовсе не с уулиуддруу. Вот почему от осторожного «давай не будем делать глупостей», она на следующий же день к этим самым глупостям и перешла. Она купила вина, она вытащила его на крышу, чтобы ошивающаяся неподалеку суккуба точно ничего не пропустила. Проклятье!

А он-то думал, что просто ей понравился... Мог бы уже запомнить, что в этом отражении не бывает чудес!

Чтобы суккуба пренебрегла своей безопасностью, попыталась занять место Ланна и в итоге попалась, нужно было предложить ей что-то действительно ценное. Демоны — рабы своих пороков, и помахать у суккубы перед носом подлинной страстью, все равно что красной тряпкой перед быком.

— Ты использовала меня, чтобы поймать эту тварь? — спросил он и почувствовал, как закипает гнев. — Не будь ее, ты бы не стала спать со мной.

Почему он так зол на нее? Он предлагал себя в качестве приманки с самого начала, разве нет? Он обещал сделать все, чтобы помочь ей и в итоге сделал. И даже получил немного удовольствия на сдачу. Отличные условия для парня вроде него, а?

Потому что она не сказала ему, что собирается делать! Он просто чья-то глупая игрушка. Опять.

— Конечно, стала бы, — вздохнула Сайдири и ее плечи опустились, — просто не так скоро. Она бы не пришла за тобой, не будь я влюблена, как кошка и слепа, как мышь. — Она обернулась на тихую знойную пустошь, а потом снова посмотрела на него. — А теперь, если мы закончили обсуждать мои тактические ошибки, мы можем идти?

Тактическая ошибка, значит? Так она называет то, что между ними произошло? Красивые слова, он бы не нашел таких.

Водопады Паллары не наполнились водой вновь, но и реки крови не падали с небес больше. Выветренные скалы возвышались над низиной мрачно и строго, остовы деревьев как прежде торчали из-под земли. Пустота и тишина в этих местах угнетает и не дает сосредоточиться, царапая череп изнутри, словно железом по стеклу. Значит они не ошиблись и логово здесь.

Массивные ворота в храм Паллары сработаны на века, и все еще стоят там, где должны, украшенные звездами и прочими небесными телами. Командор истратила на них два свитка обнаружения и только потом стала осторожно ощупывать руками, затем пришла очередь хитрых инструментов и, наконец, она принялась буквально обнюхивать дверь. А Ланн-то думал это он самый странный в этом отряде...

— И чем пахнет? — не выдержав, поинтересовался он. — Дай угадаю, звездюлями, вон они на двери нарисованы.

— Иди сам понюхай, — невозмутимо продолжая вести носом вдоль стыков, дернула плечами командор.

— Ты серьезно? — спросил он, и только когда командор отошла от двери и недвусмысленно на нее кивнула, вспомнил, что она всегда серьезна. Пришлось тоже подойти и принюхаться.

Из стыков несло не просто гнилой плотью, а плотью сгнившей, съеденной, переваренной и выблеванной, и похоже, что этот цикл повторялся не один раз. Ланн вообще-то был крепким парнем, но есть вещи за гранью выносливости. Скривившись, он обернулся к командору — та как раз надевала маску.

— Ммм, — протянул он, маскируя рвотный позыв. — Гулятина.

— Я знала, что ты оценишь, — доставая из сумки какие-то зелья и протягивая ему, проговорила командор. — Похоже, у них там набасу, лепит охрану из того, что не доел.

Когда дверь открылась, запах усилился настолько, что без помощи зелий выносить его было бы невозможно. Двигаться бесшумно не получилось бы даже при большом желании — до самого входа в храм пол устилала хрупкие пожелтевшие от времени кости. И как только они сделали первые несколько шагов, из ниши, служившей когда-то поклонникам Паллары маленьким садом, на них бросились пять фигур в мешковатых одеждах, все еще хранящих оттенки небесных цветов.

— Ты-ы, — не спуская взгляда мутных глаз с командора даже после того, как получил стрелу в грудь, взвыл один из гулей, — безбожница! Из-за тебя мы здесь!

— Вы здесь потому, что хотели чужой храм и получили его, — взрезая плотку одному и бросаясь к другому, прорычала Сайдири. — Почему вы сдохли, спросите свою богиню.

Дезниты. Они стали первыми жертвами демонов и навсегда остались стеречь храм, который им так и не достался. Разобраться с ними не составило труда — стрелы проходили сквозь полумертвую плоть, как нож сквозь масло, доспехов они не носили. Переворачивая носком сапога дважды мертвого священника, Ланн задумался, что пятеро — это слишком мало для армии. Эти гули питались объедками с чужого стола. Кому бы ни шли самые лакомые куски, они шли в храм, а не в притвор.

Брезгливо стерев с плеча вонючую кровь обрывком дезнитского одеяния, Сайдири отбросила тряпку, подошла ближе и достала из сумки зелье невидимости. Ей самой оно ни к чему — плащ скрывает ее, когда нужно.

— Никаких резких движений, никаких выстрелов, никаких звуков, — подняв пузырек вверх, за секунду до того, как Ланн успел прикоснуться к нему, предупредила она. — Заходим, осматриваемся, выходим.

— А как же ворваться туда и победоносно получить по роже? — с напускным разочарованием протянул Ланн.

Если бы где-то проводилось соревнование по закатыванию глаз, командор непременно взяла бы первый приз за самую красноречивую гримасу тысячелетия под названием: «Как ты достал меня, идиота кусок!»

— Будь у меня за спиной армия, я бы так и поступила, но нас всего двое, — пояснила она и разве что об лоб ему склянку не разбила. — Так что мы безрадостно прокрадемся туда, тоскливо соберем информацию, уныло вернемся, занудно обсудим план и прозаично выживем после его исполнения. Все, как ты не любишь.

Вообще-то это отличный план, но Ланн только что сказал, что бросаться в самоубийственную атаку — весело, а продумывать наперед — нет, так что придется до конца делать вид, что ему это не нравится.

— Ску-ука, — протянул Ланн и чуть отпрянул, когда, бросив ему склянку, командор резко взмахнула плащом и направилась к двери. Фыркнув, он обнаружил, что бесить ее чертовски весело. Что она ему сделает, в конце концов? Придушит в порыве гнева и отправится сражаться со всей колонией одна? Это не вяжется с последним пунктом ее же собственного плана под названием «прозаично выжить».

Каким-то чудом приоткрыв массивную дверь так, чтобы не та не издала ни звука, командор на секунду заглянула внутрь, а затем поманила его рукой и скрылась в проеме. Выдохнув, Ланн опрокинул в себя пузырек и, взяв оружие в руки, проскользнул следом.

* * *

— Ксоммак!* — едва вывалившись обратно в притвор выдохнула командор и прижалась к стене рядом со входом.

Твою мать! (прим. авт.)

— Мне нужно вымыть глаза с мылом, — сползая по той же стене рядом, пробормотал Ланн.

— Ты как будто в Алушинирре не был.

Был. Но он не вглядывался в Бездну слишком пристально, собственные проблемы и одна симпатичная келешидка занимали его куда сильнее. И хотя позже Арушалай рассказывала ему о подобном, он все равно не ожидал увидеть это своими глазами. В Бездне — возможно, но только не здесь.

Под заплеванной статуей Паллары колыхалось море живой плоти, волнами окатывающее звездный бассейн, закрытый магическим куполом. Каплями в этом море были беспрестаннодвигающиеся маленькие голые тела — детские. Кроваво-красная кожа, обтягивающая истощенную плоть, рога и хвосты не оставляли сомнений в происхождении отроков — это камбионы, дети похищенных женщин, вскормленные мясом мужчин. Девяти лет от роду и меньше, они скребли едва окрепшими когтями магический купол в бесплотных попытках добраться до его содержимого.

— Как ты умудрилась потерять нахидрианский кристалл? — с усилием потирая лицо ладонями в надежде избавиться от красных пятен перед глазами, спросил Ланн.

— Десять лет назад он был на месте, — повернув к нему бледное лицо, ответила командор. — Очевидно, воровать из арсенала умею не только я. Это все, что тебя беспокоит?

Под магическим куполом в тягучей красной воде бассейна плавали безвольные разбухшие от воды и скоромной пищи тела беременных женщин. Они жили, дышали и все как одна пустыми глазами смотрели вверх, где под куполом, напоенный магией и страданиями, багровым светом сиял нахидрианский кристалл. Камбионы рождаются только в Бездне, где энергия этого плана способна извратить плод. Но, используя кристалл из крови Лорда Демонов, здешние обитатели сумели обойти это ограничение.

Как только одна из женщин начала конвульсивно дергаться в такт толчкам разбухшего чрева, на край бассейна ступил мускулистый инкуб. Одним движением он поднял ее мокрое тело в воздух и, вонзив когти в живот, вырвал плод и бросил его сквозь купол ко всем остальным. И младенца непременно разорвали бы, не вцепись он зубами в лицо первого же рискнувшего собрата.

Бросив удовлетворенный взгляд на новое чадо, инкуб повернулся к его матери и,

оторвав ей руку, бросил ее в кипящее море тел. Камбионы мечтали добраться до бассейна вовсе не из жажды материнской любви, они были голодны и бросились за подачкой все как один. Когда от тела осталось совсем немного, инкуб прошелся по оставшимся женщинам, запихивая мясо им глубоко в глотки и следя за тем, чтобы они не задохнулись.

— А пленные? — в ответ на предложение сжечь все к чертям, мотнул головой Ланн. — И те женщины в воде?

— Мне их очень жаль, — не дрогнув, проговорила командор и запустила руку в сумку. — Когда закончим, попроси для них милости Иомедай, раз уж она позволила этому случиться.

У правой стены зала, там, где когда-то был вход в спальни служителей, стояли два бабау, охраняя перегороженный наскоро связанной из палок клеткой проход в импровизированную темницу. Хотя, учитывая демоническую диету, это была, скорее, кладовая. Пленники сидели тихо, только блестели сквозь прутья решетки белесые, полные ужаса глаза. Время от времени камбионы делали попытки подобраться к свежему мясу, но бабау отбрасывали их — обед здесь выдавался исключительно по расписанию.

— Это сделали демоны! — прорычал Ланн. — Ты не можешь обвинять Иомедай!

— Десять лет я брожу по Язве, десять лет Самаэль ходит за мной. И ни разу, ни разу он не помог мне! — прошипела она в ответ, до хруста сжав в руке магический свиток. — Я дошла сюда потому, что помощь мне прислал поехавший кусок Шиики, а не благородная богиня крестоносцев!

Стены зала были измазаны красным, тошнотворный запах мочи, крови и немых тел, густой, как патока, поднимался к потолку. И на полотке, завернувшись в крылья, словно огромная летучая мышь, в центре пентаграммы с символами Бафомета дремал набасу. Лорд Демонов, должно быть, с гордостью взирает на творения своих детей.

— А ты молилась о помощи? — закипая от гнева, прорычал Ланн. — Даже демоны знают, насколько это важно!

— Я не верю богам, мои молитвы ничего не стоят, — развешивая на поясе пузырьки с зельями, проговорила она, а затем подняла голову и оскалилась, — но готова поспорить, что пленные молились очень, очень усердно.

От полного ненависти взгляда черных глаз по спине побежали мурашки. Спокойно, Ланн! Не стоит забывать, что с демонами она провела больше времени, чем с тобой. Просто не отступай и она тебя услышит... В конце концов, она всегда слушает.

— И поэтому мы их спасем, — твердо проговорил он.

— Нет, учитывая количество врагов, мы умрем, пытаюсь, — закончив с подготовкой, она поднялась на ноги и посмотрела на него в упор. — Слушай, я не спорю: было бы здорово отмочить шуточку про несчастного отца семейства, чьи жены буквально разрываются на части, чтобы прокормить детей, и перерезать демонов, пока они ржут, но я не могу так больше. Так что я войду туда, открою клетку и пока камбионы будут заняты обедом, а бабау — камбионами, разберусь с набасу, — она ткнула пальцем ему в грудь, — а ты сделаешь так, чтобы инкуб мне не помешал.

Ланн пропустил вдох, не веря своим ушам. Он убил суккубу, но того, что она сделала за десять лет, оказалось достаточно. Так или иначе, демоны победили командора — милосердие ей больше не ведомо, а сочувствие — недоступно. Цель оправдывает средства, и кроме цели, она не видит ничего и никого больше.

— Сначала тебе придется разобраться с последним монгрелом в этом отражении, —

отбросив ее руку, прорычал он. — Не труднее, чем вырезать целое племя, а?

— Сначала тебе придется разобраться с последним монгрелом в этом отражении, — отбросив ее руку, прорычал он. — Не труднее, чем вырезать целое племя, а?

Ничего удивительного, что Бездна получила ее душу так просто — она и десять лет назад думала также. Отправить людей под нож ради великой цели — что в этом такого? И как он мог быть таким слепым все это время...

— Тебя там не было, — отступив на шаг, проговорила она.

— А жаль, — проронил он, сжимая лук. — Кто-то должен был остановить чудовище вроде тебя.

Вздрогнув, как от удара кнута, она отступила еще. Обернувшись на дверь, к которой шла десять лет, командор на миг прикрыла глаза, а затем повернулась к Ланну, полная решимости. Резко вдохнув отравленный гулями воздух и оказавшись на другой стороне прохода, Ланн поднял лук и прицелился. Сайдири все еще стояла у стены и внимательно на него смотрела.

— Мы все еще можем спасти их, — проговорил он, натягивая тетиву. — Вместе. Просто посмотри на них, как на людей, а не на мясо.

Сайдири сделала шаг вперед, легко и неслышно, но кости хрустнули под узкой стопой.

— Савамелех сбежал, прикрывшись своими детьми, — проговорила она и сделала еще шаг. — Я отвалила Грейбору двадцать тысяч за его смерть, но это было гораздо позже, — еще шаг. — А сразу после я стояла среди демонопоклонников, которые только что пытались разорвать меня на части и сожрать, потому что того требовала скверна в их крови, — еще шаг. — Единственный монгрел, которому я могла их доверить, был мертв. Что мне было делать?

— Отпустить их!

— Ну конечно, — фыркнула она и улыбнулась.

И тогда он выстрелил. Отклонившись в сторону, командор ушла от атаки, стрела только вспорола ей рукав. Сорвав с пояса зелье, Сайдири сделала глоток и движения стали такими быстрыми, что глаз не успевал за ними уследить.

— Хорошо, если это будут демоны, — отводя глаза, говорила она. — Плохо, если это буду я.

То была до смешного короткая схватка — в узком притворе храма бежать можно только в двух направлениях. Вдохнув снова и оказавшись почти у самого входа, Ланн поднял лук и всадил стрелу ей в живот, но она даже не остановилась. В доли секунды она оказалась рядом, но не пустила в ход сталь. Хруст ломающегося дерева Ланн услышал уже на грани следующего прыжка, и приземлившись у тел поверженных гулей, отбросил ненужный лук в сторону — она его испортила.

Сайдири сломала стрелу, торчащую из живота точно также, как вавакия делал это. Чувствует ли она боль, как другие смертные?

— Ты можешь стать лучше, — проговорил он, поднимая руки для обороны.

— Иди ты в Бездну вместе со своей богиней! — прошипела она, в ее зрачках плескалась тьма. — Я не хочу быть лучше! Я хочу быть свободной!

Не используй она зелье ускорения, у него может и был бы шанс продержаться дольше. Но пропустив единственный удар в живот и взревев от боли, она оказалась за его спиной и

крепко схватила за шею. Ланн даже не успел удивиться тому, что она не доставала оружие — пальцы железной хваткой сомкнулись на горле. Из-за всех сил приложив ее о стену в надежде сбросить, он понял, что время на исходе — перед глазами заплясали черные круги. Он позволял ей осматривать себя — она прекрасно знает, куда давить.

Как можно было ей доверять?..

Из-за того, что она никогда не соглашалась тренироваться с ним, он неправильно оценил ее возможности, а они далеко за пределами человеческих. Черт побери, он даже не видел, как она дерется! Всегда или в плаще или за пределами его поля зрения, она не показывала своих сил.

— Я не могу так жить больше, — прежде чем отключиться, услышал он над самым ухом. — Сегодня или я, или они.

* * *

Первое, что Ланн увидел, с трудом разлепив глаза — окровавленный наконечник сломанной стрелы. Сайдири извлекла его прежде, чем отправиться в новый бой. Поднявшись и с отвращением стряхнув с левой стороны лица прилипшие обломки старых костей, он прислушался, но в притворе стояла тишина и вонь от останков гулей все еще забивала ноздри.

Она действительно пошла туда одна, прекрасно зная, что это самоубийство! Весь его план строился на том, что она не захочет умирать и должна будет либо изменить свои намерения так, чтобы не приносить в жертву пленников, либо подождать помощи из Дрезена. Она не должна была принять такое решение, она же знала, что ждет ее после смерти...

Ну что же, парень, это был самый отвратительный план в твоей жизни. Ну, не считая того, с ядом Савамелеха. Кто бы мог подумать, что в мире найдется еще один отбитый крестonosец, готовый отдать свою жизнь, чтобы уничтожить врага!

Поднявшись и потеряв ноющую шею, он подошел к двери храма и отодвинул ее в сторону, заранее зная, что там увидит. Запах гари резанул ноздри, но Ланн только фыркнул и прошел дальше.

Неизвестно, сколько огненных шаров Сайдири успела выпустить прежде, чем ее задавили числом, но горы мертвой плоти все еще дымились вокруг. Массивное тело набасу лежало у входа, раскинув крылья, инкуб плавал в бассейне со вспоротым животом среди своих мертвых жертв. Тел пленников не было видно, их либо успели сожрать голодные камбионы, либо они просто лежали, придавленные кем-то еще.

Какое-то движение привлекло его внимание и, отбросив в сторону тело камбиона лет восьми, Ланн обнаружил еще одного, поменьше, обожженного и худого, с увлечением поедающего остатки чьего-то предплечья. Он не отвлекся даже когда Ланн с отвращением занес над ним охотничий нож для последнего удара. Недоеденная рука безвольно упала на пол и тонкая пленка защитного заклятья блеснула на разорванной зубами плоти. Ланн видел такое, когда минотавры оттяпали Грейбору руку и обессиленный Дейран сидел над ним до тех пор, пока Уголек не подошла и не отрастила дварфу новую.

Защита от смерти. Ланн принялся разбрасывать тела с новой силой. Пленники не были богаты или способны к магии, все это простые люди, которых никто не стал бы искать. Если кто здесь и способен колдовать, то это командор.

Если бы не знакомая одежда, Ланн бы не узнал ее. Лицо превратилось в сплошное кровавое месиво, не видно ни глаз, ни носа, одна рука объедена по локоть, другая

переломана и вывернута под неестественным углом, на доспехе в области груди огромная вмятина. Она все еще жива, но явно не в состоянии удерживать заклинание...

— Десять лет я брожу по Язве, десять лет Самаэль ходит за мной. И ни разу, ни разу он не помог мне!

Может быть, она все же ошибается?

— Сэм? — спешно выворачивая сумку командора в поисках зелий, позвал Ланн. — Да брось, я знаю, что ты здесь!

Зельев оказалось всего три и этого катастрофически недостаточно, чтобы исцелить такие повреждения — командор предпочитала свитки, они легче и проще в использовании, но Ланн свитки читать не умел.

— Сэм! — рывкнул он громче и вздрогнул, когда огромный истекающий ядом двуручник вонзился в плиты храма рядом с телом командора.

Вскинув голову, Ланн увидел ангела в сером балахоне, он держал меч за гарду. От его заурядной человеческой внешности не осталось и следа, лицо излучало спокойный свет, за спиной распустились черные крылья. Яд медленно стекал с лезвия и пополнял тонкий магический круг, сияющий под телом командора.

— Самаэль, — медленно, с достоинством произнес ангел и его голос внушал умиротворение. — Я помог перейти в новую жизнь тысячам воинов Наследницы, прояви уважение.

— Это тебе не Длань Наследницы с радугой вместо мозгов! — остановившись напротив входа в пещеру, проговорила она. — Самаэль — чертов пернатый садист! Заставит тебя двадцать часов биться в агонии и сделает вид, что так и надо!

Хотя Ланн не поверил Сайдири, когда она сказала, что ангел Иомедай будет стоять и смотреть на человеческие страдания — именно это он и делал. Самаэль не из тех, кто приходит на помощь, он из тех, кто приходит, когда помощь уже не нужна. Проводник душ. Последний пастырь. Его предназначение состоит в том, чтобы проводить души через Погост в чертоги Иомедай, но приказ Наследницы состоит в том, чтобы не делать этого.

— Стоит ей умереть и последует Суд, — говорил Самаэль, пока Ланн заливал в Сайдири зелья одно за другим. — Такая, как есть, она отправится в Бездну.

Но если она будет жить, она может измениться. Иомедай держит командора над Бездной за шкуру. Вместо того, чтобы просто помочь ей спасти людей и избавиться от демонов, богиня не дает ей умереть. И Ланн должен признать это мудрым решением, иначе ему придется иметь дело с кризисом веры.

Самаэль оставляет ей жизнь. Но это все, что он делает. И каждый раз, приходя в себя после битвы, в которой должна была умереть, командор тащит свои кишки по земле в убежище, чтобы зализать раны. Разумеется, она ненавидит Иомедай. И пользуется ее жестокой милостью, потому что не может ее отвергнуть.

Стонтон Вейн оценил бы этот широкий жест на десять потерянных знамен из десяти.

Вздыхнув, Ланн полез в сумку за другими лекарствами. Помощи от этого ангела ждать не стоит.

* * *

В середине Эрастуса Зимнее Солнце превращалось в самую оживленную деревню в окрестностях. Многие приезжали на праздник заранее, чтобы потренироваться, другие не собирались участвовать, но привозили товары, в надежде найти им новых хозяев. Товары в свою очередь привлекали людей из соседних поселений, а зрелища и угощения заставляли их

остаться на день или два.

Жизнь здесь кипит, лето в разгаре. И люди, суетящиеся в преддверии праздника, даже не догадываются, кто и чем заплатил за то, чтобы во время всеобщего веселья никому не пришлось опасаться за свою жизнь.

Ланн вернулся в деревню просто потому, что ему больше некуда было возвращаться. И тут же попался на глаза жрецу, после чего еще неделю пытался избавиться от него, потому что Ярек вбил себе в голову, что Ланн просто обязан принять участие в соревнованиях на День Лучника. Ланн в свою очередь лениво жаловался на то, что у него нет нормального оружия, и с тайным наслаждением ломал каждый лук, который ему приносили. Ну, он и в самом деле не виноват в том, что сделанное в деревне оружие не выдерживает натяжения, к которому он привык, правда? Когда пыль уляжется, можно будет отправиться в Дрезен за чем-нибудь получше, а пока Ланн хотел только одного — чтобы его оставили в покое.

В конце концов Ярек заподозрил неладное и перестал переводить хорошее оружие на упрямого охотника. Но за два дня до праздника Эрастила в собственном доме на обеденном столе Ланн обнаружил прекрасный тисовый лук с эльфийской резьбой — легкий, прочный и, скорее всего, зачарованный. Слишком дорогой для любого из деревенских жителей.

Командор не сказала ни слова, когда уходила из храма Паллары, так что очевидно это было что-то вроде: «Прости, что я сломала твое оружие». Знать бы еще, как сказать что-то вроде: «Прости, что я позволил демонам сломать тебя».

Решение пожертвовать пленниками, чтобы увеличить шансы на победу в заведомо неравном бою — далеко не первое сложное решение из тех, что она приняла в своей жизни. Но вместе с истреблением монгрелов и маячащей за ее спиной Бездной, оно показалось Ланну чудовищным. И оно таким и было! Вот только эти люди стали последними в череде множества жертв демонической колонии. Не жертвуй ими командор, она не умерла бы, в отличие от своего спутника, но демоны получили бы чудесную игрушку, которую можно есть очень долго, а пытаться практически бесконечно, и лет через пять все это море голодных повзрослевших демонов выплеснулось бы на ближайшие поселения. Промедли она, ожидая помощи из Дрезена, и колония нашла бы новое пристанище...

Нельзя спасти всех, иногда кем-то нужно пожертвовать. У нее не было ни времени, ни возможности найти другой путь.

Ланн повел себя, как полный кретин, но и у него не было времени подумать. Все, что он видел — это невинных жертв, которых нужно спасти.

Вздыхнув, Ланн схватил лук со стола, наскоро натянул новую тетиву и покинул деревню, нервно оглядываясь, потому что если на этом свете есть кто-то внимательнее монахов, то это жрецы Эрастила. Ему нужно всего-навсего сказать «спасибо» и, может быть, «прости» — это не долго и не больно, хотя насчет второго он не очень-то уверен.

Впервые он заподозрил неладное, проходя мимо места, где принято оставлять дары Орсо — камень завален остатками сгнившей дичи и иссохшими травами, в плосках с медом увязли пчелы и мухи. Но если мясо и вправду портится быстро, то травами и медом Сайдири не пренебрегает никогда. По дороге в пещеру старой шаманки не нашлось ни одной ловушки, хотя Ланн искал едва ли не усерднее, чем в первый раз. Командор убрала их, все до одной. Так что когда в пещере Ланн не обнаружил ничего, кроме голых сырых стен, он даже не удивился.

Сайдири больше незачем здесь оставаться, и она точно не та женщина, которая ему нужна, так чтокакого черта в груди снова разворачивается бездонная дыра, он понятия не

имеет. Он даже вином ее залить не сможет, потому что при одной только мысли об этом вспоминает полный восхищения взгляд и тихий шепот «Ты крепче вина...»

Наверное, это пройдет. Еще лет через десять. А пока нужно возвращаться домой.

— Я смотрю, лук ты нашел, — раздалось насмешливое за спиной, когда Ланн уже думал, что миновал все опасные места и добрался до дома без приключений. — Слушай, сынок, мне неприятно на тебя давить, но...

Ланн обернулся, Ярек стоял за старой оградой в своей обычной зеленой робе, вид у него был усталый. Подготовка к празднику отнимала много сил, а жрец уже не молод.

— Орсо ушел, — мрачно проговорил Ланн, — вот почему ты привязался ко мне.

— Если мы покажем Старику, что больше других на этой земле достойны его покровительства, он вернет зверя домой. Об этом все мои молитвы, но... — Ярек развел руками и бессильно хлопнул себя по пухлым бокам. — Три дня тому на краю деревни видели волков — первых за десять лет. Дальше будет хуже.

«О почтеннейший, позволь я расскажу тебе, насколько богам на вас насрать...» — сказала бы командор, будь она здесь. А затем и вправду рассказала бы Яреку и о старой шаманке, и об одержимом духом Бездны трупке медведя, и о том, как сама заняла его место, чтобы получить безопасное убежище и свежие припасы, и о том, что она уходит и теперь спасение поедаемых волками дело рук самих поедаемых.

Хорошо, что ее здесь нет.

* * *

В соревнованиях участвовали мужчины и женщины, и старые и молодые, некоторые были и вовсе подростками. Были среди стрелков эльфы, дварфы, полурослики и тифлинги, но Ланн так и не заметил ни одного кобольда. Жаль, будь здесь кобольд, монгрел бы не был единственным предметом для обсуждения среди приезжих. На стрельбище, у всех на виду, он чувствовал себя диковинным зверем на арене цирка. Не то, чтобы он не привык... отвык, скорее.

К счастью, большую часть суждений на свой счет он знал наизусть, так что через какое-то время перестал отвлекаться на предположения о своем происхождении и степени распущенности своей матери. Люди всегда говорят гадости, когда думают, что их не слышат. И всегда одни и те же. Не сворачивать же за это шею каждому первому... даже если очень хочется.

Как только он начал стрелять, разговоры стихли — стрелы пронзали цель точно посередине и входили в мишень наполовину, настолько сильным был удар.

— ...ты слишком хорош для этого, — чуть сжав его ладонь, проговорила она, и что-то в тембре ее голоса заставило его пропустить вдох. — Если ты будешь участвовать, остальные могут просто не приезжать.

Ему действительно нет здесь равных, но от этой мысли почему-то становится паршиво, а не наоборот. Нет никакой радости всю жизнь охотиться на кабанов и зайцев, если ты способен убивать демонов. Ланн мог бы отправиться на такую охоту один, но он десять лет был один и это было не весело. Только последний месяц чего-то стоил...

После второго круга, когда самые слабые участники покинули стрельбище, Ланн начал различать ободряющие выкрики из толпы, и некоторые из них предназначались ему. Довольно много на самом деле. С удивлением обернувшись, он увидел улыбающиеся лица своих соседей и несколько очаровательных женских улыбок в том числе. Неловко помахав им рукой, он отвернулся снова.

Это хорошая жизнь, для такой стоит остаться. Может быть, со временем найдется достаточно смелая и не брезгливая женщина, которой он понравится настолько, чтобы разделить с ним жизнь и постель. Вот только... Ланн поднял лук, настала его очередь стрелять и, натянув тетиву до предела, он пустил стрелу ровно в третий круг мишени, та треснула, но выдержала удар.

Вот только любой другой женщине он нужен не больше, чем любой другой мужчина.

Ланн выстрелил в край следующей мишени. На этот раз он попытался не сломать ее — деревенские старались, в конце концов.

Ни одна из здешних женщин не будет охотиться на демонов, ни одна не поставит на победу свое сердце, разум, жизнь и душу, ни одна не будет драться до тех пор, пока ей не переломают руки и не объедят лицо, и долго, долго еще после этого... И в этом нет их вины, никто не обязан поступать так.

Попав точно в цель просто для разнообразия, Ланн отошел в сторону, давая место следующему стрелку. Впереди еще несколько кругов, он успеет занизить результаты настолько, чтобы они не слишком отличались от прочих. Может, приз возьмет другой стрелок из Зимнего Солнца, да только это не поможет вернуть деревне благословение, которого никогда не было. Зря он вообще уступил жрецу...

— Держи, — услышал он и, развернувшись, увидел Далию, протягивающую ему половинку граната. Ланн попытался удержать дружелюбное выражение на подвижной половине лица, потому что на самом деле он был чертовски удивлен. В Мендеве это все равно, что протянуть на вытянутой ладони кусок золота — настолько сложно сохранить и доставить в северные земли экзотические фрукты.

— Где ты это взяла?

— Там красивая леди в платке, у нее целая корзина таких. Она просила передать, чтобы ты не жульничал, — Далия посмотрела на него, прищурившись. Похоже, что теперь она очень серьезно относится ко всему, что ей говорят. — Ты ведь не жульничаешь?

Он не жульничал! Он всего лишь хотел убедить одного рогатого парня, что половины жизни ему будет достаточно, что вовсе необязательно быть больше, чем охотником, что подвиги и приключения можно оставить в прошлом и жить нормальную, простую жизнь. Поймать одну мечту и отвернуться от другой вместо того, чтобы потерять обе — это называется «сделать выбор», что в этом плохого?

— Не-ет, — неуверенно протянул он и криво улыбнулся. И там, где любой взрослый заподозрил бы неладное, девочка просияла.

— Ну вот и я ей сказала, что она дура, раз так думает, — выпалила она и расплылась в довольной улыбке.

Ланн кашлянул и не стал ей говорить, что буквально неделю назад красивая леди сожгла около сотни детей и даже глазом не моргнула. Они, конечно, были наполовину

демонами и очень плохо себя вели, но факт остается фактом. Далия в свою очередь решила, что не стоит больше отвлекать соседа от важных дел, и растворилась в толпе.

Ближе к концу соревнования привлекали все больше зрителей, люди оставили и торговлю, и сплетни, чтобы узнать, кто победит. Ярек стоял в стороне бледный, как полотно, и тихо молился, молодые охотники толкали друг друга плечами, обращая внимание на особенно удачный выстрел, дети верещали всякий раз, когда хоть кто-то попадал по мишени, не особенно вникая в то, каким был результат. Хотя Ланн больше не пытался притвориться обыкновенным стрелком, он нервничал так, что прицелиться становилось действительно сложно.

Сайдири — единственный человек в деревне, который знает, на что он на самом деле способен. И она не станет никому рассказывать. Проклятье, да она даже подходить к нему не станет, что неудивительно после того, как он стрелял в нее и считал себя вправе это сделать! В конце концов все упирается в то, кем он сам хочет быть... и он хочет быть героем. Всегда хотел! Не пытаться сделать вид, что он такой, как все — показать, что он лучше, и не бояться быть оплеванным за это...

И когда, сияя от радости, Ярек объявил его победителем, и толпа соседей окружила его, чтобы поздравить, он понял, что был бы полным идиотом, если бы уступил это кому-то другому. После стольких лет скитаний он наконец-то дома. И этого уже достаточно, чтобы чувствовать себя счастливым.

На силу выпутавшись из дружеских объятий, он вздохнул с облегчением, но, проходя мимо огромной сплетенной из живых ветвей фигуры медведя на главной площади, остановился. Осторожно поправляя синие цветы, служившие зверю глазами, там стояла женщина в накидке, расшитой серебром — в такой одежде по лесам не побегаешь, это наряд для праздника. Она пришла сюда не воевать.

— Орсо не вернется, так? — тихо спросил он, Сайдири вздрогнула и обернулась.

Когда он видел ее в последний раз, на ней не было лица в прямом смысле слова — зелья кое-как помогли закрыть раны, но борозды шрамов покрывали кожу от лба и до подбородка, на месте носа зияла дыра. Правой руки, которой она сейчас держит корзину с фруктами, не было тоже. Приятно знать, что она все еще может позволить себе свитки регенерации.

— Так, — кивнула она. — Пока у них есть кто-то вроде Орсо, они не станут защищать себя сами.

Ну разумеется, она не собирается оставаться! Она забрала свои вещи и пришла попрощаться с людьми, в которых вложила столько сил и времени. И он один из этих людей. Сглотнув, Ланн заставил себя посмотреть на нее снова. Все же в тысячу раз лучше попрощаться, чем годами ждать новой встречи и чувствовать себя обманутым каждый день.

— Ясно. Тогда спасибо за лук и... за то, что не свернула мне шею, когда я этого заслуживал, и... — Ланн кашлянул снова, голос его подвел. О Боги! «Прощай» — всего шесть букв, а какое трудное слово!

— Заходи на чай? — чуть склонив голову набок, подсказала она и осторожно улыбнулась. — Будь гостьей в любое время? Оставайся на ночь? — но, встретив его совершенно ошарашенный взгляд, отвела глаза в сторону. — Ладно, забудь. Это плохая шутка. Кто вообще пустит на порог чудовище вроде меня...

Ланн схватил ее и прижал к себе так резко, что корзина выпала из ее руки и фрукты раскатились по площади. Горло сдавило и объяснить что бы то ни было он в ближайшие минуты просто не в состоянии, а Сайдири всегда может исчезнуть быстрее, чем он успеет

что-то предпринять. Если она только останется, он будет извиняться за эти слова до тех пор, пока она либо не простит его, либо не умрет от старости.

Склонность к риску, нечеловеческое упорство, готовность пожертвовать собой и преданность интересам людей, которые живут рядом. Она не похожа на его жену, она похожа на него самого! И все это время, черт бы его побрал, он этого не видел!

— Ты меня задушишь! — прокряхтела она, но не сделала ни единой попытки освободиться.

Рассмеявшись ей в плечо, Ланн немного ослабил хватку, но и не подумал ее отпускать.

— Слава Йомедай, мы оба знаем, что ты от этого не умрешь, — севшим голосом напомнил он.

Сайдири ткнула его пальцами под ребра, он вздрогнул, но все равно ее не отпустил.

— Ты — самый ужасный монгрел на свете, — проворчала она и обняла его в ответ. — Кто знает, может, по Ее меркам я уже достаточно хороша, чтобы сдохнуть? Давай не будем проверять...

Они могли бы долго так простоять, потому что сбегать она явно не собиралась, но через минуту или две Ланн начал различать в толпе перешептывания и пришлось вернуться в реальность.

— Они все... плятятся, да? — не поднимая глаз, тихо спросил он. Люди везде одинаковы: что в Дрезене, что здесь — нельзя просто посмотреть на однорогого покрытого чешуей парня, который обнимает красивую женщину, и не сказать по этому поводу ничего остроумного.

Сайдири повернула голову так, чтобы видеть окружающих, и через несколько секунд ответила:

— Не все, только местные. И, кажется, они рады за тебя.

Вот это плохо. Ланн был готов поклясться, что любопытные взгляды деревенских через какое-то время прожгут в нем несколько больших дырок. Всего за неделю его довел до белого каления один-единственный жрец, а тут целая деревня дружелюбно настроенных соседей! И это они еще не начали вопросы задавать! Надо убираться с площади, пока никто не вспомнил, зачем еще, кроме соревнований, проводят День Лучника.

С неохотой отпустив Сайдири, он подал ей упавшую корзину и принялся собирать фрукты так быстро, как только мог. Виновато улыбнувшись, она к нему присоединилась и между делом сказала, что только на этой неделе вспомнила о вещах, которые ей на самом деле нравятся. Конечно, она знала, что гранаты существуют, но в последние десять лет это не казалось важным настолько, чтобы отправиться в Дрезен и заплатить за них.

— Ну, они действительно ничего, — пробормотал Ланн, выпрямился и, положив на место последний фрукт, беспокойно оглянулся на приближающуюся знакомую старушку. Проклятье! Тут дело пирогами не ограничится! — Только шкурка горькая...

— Ты что их вместе со шкуркой ешь? — недоверчиво изогнув бровь, уточнила Сайдири.

Ответа она не получила, потому что почтенная старая леди по имени Адала завела долгий монолог о том, какой Ланн хороший мальчик и как юной леди с ним повезло. То, что как мальчику, так и юной леди давно перевалило за тридцать, старушку совершенно не волновало. Воспитанная на идее о почтении к старшим, Сайдири не могла ее прервать — с точки зрения имперцев это было бы вопиющей грубостью. Или ей просто нравилось смотреть, как краснеет та половина его лица, которая не зеленая.

Отговорившись какой-то чушью о том, что ему срочно нужно показать деревенские

достопримечательности своей давней, хорошей, лучшей в мире подруге, Ланн недвусмысленно потянул Сайдири за рукав, однако Адала строго напомнила, что невежливо уходить, не представившись.

— Меня зовут Ясмин, — улыбнулась командор и вежливо поклонилась перед тем, как уйти. Называть деревенским настоящим имя было бы крайне неосмотрительно с ее стороны, здесь его слишком многие помнят.

Стараясь больше не встретиться ни с одним болтливым соседом, Ланн быстро пробирался сквозь толпу приезжих в надежде выбраться оттуда как можно скорее.

— Тебе нравятся цветы? — на ходу спросил он. — Я думал, ты их ненавидишь.

— С чего ты взял? — рассмеялась она. — Их в пустыне не очень-то много, и цветущее дерево — это чудо, при виде которого следует прервать любое путешествие, заварить себе чаю и любоваться видом до тех пор, пока солнце не сожжет последний лепесток. Обычно ждать приходится недолго.

Ланн остановился, как вкопанный, так что ей пришлось остановиться тоже. Во-первых, он сделал такой вывод, потому что видел, как она приказала выбросить сотни алых цветов. Во-вторых, это была не она, а в-третьих...

— Что? — вскинула брови она, как только Ланн развернулся и посмотрел на нее.

— Когда ты в последний раз смеялась, тебя суккуба подменила.

— Хм, — улыбнулась она и бросила взгляд на толпу веселящихся людей, — могу доказать, что это не так, но придется сначала уйти отсюда.

— Звучит совершенно не подозрительно.

— Когда ты стал таким параноиком?

Где-то между лезвием ее ножа и логовом демонов, например? Когда даже отдохнуть под деревом нельзя спокойно без того, чтобы огромная туша с гигантской алебардой не попыталась разрубить его пополам? Да он даже во время войны таким дерганным не был!

— Ты издеваешься, да?

— Да, есть немного, — подняв руку к затылку и запустив пальцы во вьющиеся волосы, смущенно подтвердила она. — Ты сердисься? Я просто отвратительно шучу. — Она подняла на него блестящие черные глаза и толпа вокруг просто перестала существовать. — Если бы я хотела тебе понравиться, что бы мне нужно было делать?

А что, так можно было? Просто взять и спросить? И не пытаться воспроизвести какое-то подобие местных ритуалов, о которых ты понятия не имеешь, и ночей не спать, панически боясь, что это не сработает? Обалдеть!

— А-э... — растерянно протянул он. — Ничего.

Но это неправда. Ему нужно чертовски много — ему нужна вся ее жизнь! Для женщины, которая провела десять лет в попытках ни к кому не привязаться это может быть слишком.

— То есть... ты могла бы делать то же, что и всегда... мы могли бы охотиться вместе. На кого-нибудь, знаешь, покрупнее кабана, — нервно усмехнувшись, он мотнул головой на запад, туда, где остался храм Паллары, и почувствовал, что в легких не хватает воздуха. — И ты — ох — могла бы как-нибудь остаться на ужин. И, может, помочь мне его приготовить. И я был бы счастлив, если бы однажды, когда ты действительно захочешь, ты решила остаться навсегда.

— Хм, — протянула она, очень серьезно обдумывая услышанное. — Думаю, я справлюсь.

* * *

На то, чтобы Зимнему Солнцу больше не требовалось их постоянное присутствие, пришлось потратить полтора года, причем первый год ушел на то, чтобы Ланн приучился не помогать людям слишком сильно. Оказалось, что это непросто! Проблемы селения не нужно было решать, как десять лет до этого делала командор, нужно было сделать так, чтобы люди решали их сами. А для этого они должны были получать по морде от заезжих разбойников до тех пор, пока не задумаются о том, что им нужно учиться сообща обороняться.

И после очередных гастролей дрезенских бандитов, которым не жаль потратить три дня, чтобы добраться до деревни и вынести последние пожитки из домов, где отпор даст разве что три-четыре охотника, деревенские собрались и решили, что с них хватит. Ополчение было организовано в кратчайшие сроки, и не в последнюю очередь потому, что недалеко от деревни вдруг обнаружился довольно обширный склад оружия, к которому женщина по имени Ясмин не имела абсолютно никакого отношения. Зато она могла руководить обучением, но только время от времени, потому что все еще много внимания уделяла торговле, а деревню навещала только ради одного рогатого охотника.

И когда деревенские наконец-то начали бить бандитам морды, а не наоборот, Ланн смог отправиться в путешествие вместе с ней. По возвращении Ясмин осталась в его доме навсегда. Следующим летом они поженились.

Кроме демонов земли Язвы были богаты и другими диковинными существами, но все же самыми опасными и многочисленными всегда оставались люди. Раз в несколько недель приходилось осматривать опасные места вроде Пещер Темной Воды, чтобы ни один искренне увлеченный исследователь не раскопал то, что там сокрыто. Дрезен, по сравнению с остальными селениями, всегда оставался огромным муравейником, в котором что-то да случалось, так что его приходилось посещать чаще всего.

Отмахнувшись на рынке от мальчишки-тифлинга лет семи, который пытался срезать ее кошелек, Ясмин тут же забыла о нем, но через две недели он попытался сделать это снова. А затем еще раз. И еще. Неудачи его не останавливали, ругань не пугала, тюрьма не грозила. И это не было нормальным поведением уличной крысы: Ясмин точно знала, что всегда лучше найти новую жертву, чем испытывать судьбу там, где раз за разом не везет. В следующий раз она схватила его, чтобы узнать, какого черта он делает, но мальчик заорал так громко и пронзительно, что обернулась вся площадь. Пришлось отпустить и еще через две недели иметь с ним дело снова. С тем же успехом.

— Я видела таких. Он не говорит не потому, что не может, а потому, что не умеет. Даже если учить такого, все равно останется идиотом...

Противостояние могло бы длиться годами, но однажды Ясмин просто позволила ему стащить кошелек. Отбежав от них метров на десять, мальчик оглянулся и понял, что они видят его и не собираются преследовать. Такого грандиозного разочарования на детском лице Ланн не видел никогда в жизни. Парень выглядел так, будто его оскорбили в лучших чувствах.

Тем же вечером в кустах около лагеря, который они разбили на ночь, послышался шорох, а затем оттуда вылетел кошелек и приземлился прямым в котел, который Ланн только что снял с огня. Выругавшись, Ланн только и успел заметить, что блестящие угольно-черные глаза прежде, чем мальчишка сорвался с места и скрылся в лесу. Ланн повернулся к своей жене.

— Легко не будет, — вздохнула она.

— Напомни, когда было легко? — вытаскивая промокший кошелек из похлебки, спросил он. — Потому что я явно пропустил этот момент в своей жизни.

Мальчишка напоминал скорее дикого зверя, чем ребенка. Он пришел за ними в деревню, забрался в дом и облазил его вдоль и поперек. Он засыпал там, где застала ночь, и панически боялся кровати, которую специально для него поставили в новой комнате на чердаке. Ясмин просто накрывала его одеялом там, где он спал, даже если он спал у порога, как собака. Он отказывался снимать свои лохмотья, так что в конце концов она запихнула его в кадку с водой одетого, потому что помыть его иначе было невозможно.

Через пару месяцев мальчик готов был делать все, что говорит Ясмин, он замирал, когда она гладила его по волосам, которые после пары банных дней оказались вовсе не черными, а огненно-рыжими, и боялся даже дышать. Но стоило Ланну протянуть к нему руку, он срывался с места и убегал так далеко, как только мог. Ясмин каждый раз уходила за ним и приводила обратно грязного, голодного и такого же дикого.

— Он боится меня.

— Не тебя.

Может, мальчик и правда видал мужчин и пострашнее, да только любые попытки наладить с ним общение оканчивались полным провалом. Ланн вырезал для него солдатиков из дерева, как когда-то делал его собственный отец — мальчик швырял их в стену. Ланн пытался заинтересовать его стрельбой из лука — тот не подходил даже близко и, рассказывая ему что-то, Ланн чувствовал себя просто глупо.

Это не было трудно, это было бессмысленно. Но когда Ланн жаловался на это своей жене, она говорила, что он все делает правильно, хотя у него не получалось абсолютно ничего.

Но однажды осенью, сидя на крыльце и вставляя оперение в стрелы, Ланн услышал, как кто-то ломится через ближайшие кусты, и обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как исцарапанный и грязный мальчишка тащит к нему основательно потрепанную тушку тетерева. Судя по всему, схватка была продолжительной и изматывающей, потому что, бросив птицу Ланну под ноги, мальчик уселся на землю и не убежал.

— Спасибо, волчонок.

— Я Эшер.

Ну вот и познакомились. Полгода не прошло. Когда Ланн рассказал об этом своей жене,

она просияла. Это был как раз тот случай, когда она была не права и приятно удивлена. Эшер вовсе не был идиотом.

Распределив участки для осмотра между собой, супруги стали ходить в дозор по очереди — никто не хотел проверять, что взбредет в голову мальчику, если он останется один.

Вероятность встретить каргу в зимнем лесу крайне мала, вероятность того, что она будет одна, без сестер — еще меньше, но Ланну повезло дважды. Знакомство было недолгим, но оставило ему не только неизгладимые впечатления, но и проклятие слабости в довесок. Но когда он приполз домой, везение кончилось — снять проклятье оказалось не так просто, предназначенных для этого свитков и зелий дома не оказалось, за ними нужно было идти в Дрезен.

Уложив непутевого мужа в постель, Ясмин исчезла в метели, чтобы вернуться в лучшем случае через два дня. Эшер просидел под дверью спальни целый день, время от времени выглядывая из-за косяка. Он не ел, не спал и не отвлекался, а у Ланна не было сил хоть что-то с этим сделать. К вечеру Ланн уснул, а проснулся от того, что дышать стало чуть труднее — кудрявая голова с маленькими рожками лежала у него на груди, ребенок прислушивался к дыханию.

— Я не умер, — улыбнулся Ланн. — Просто устал.

Эшер кубарем скатился с кровати и исчез, Ланн вздохнул и понадеялся, что он хотя бы из дома не сбежит — Ясмин слишком далеко, чтобы вернуть мальчика обратно, а он сам через десяток шагов упадет в снег и больше не поднимется. Но через минуту мальчик вернулся и высыпал на одеяло игрушки, которые Ланн для него сделал. Большинство солдатиков выглядели, как жертвы мясорубки времен первого взятия Дрезена, но они были здесь все до одного. Эшер схватил солдатика, швырнул в стену и спрятался за кроватью, так что видны остались одни только рожки да глаза-угольки.

Ланн глубоко вдохнул и выдохнул. Идиотом здесь был он сам и никто больше. Он предполагал, что Эшер знает, как играть с солдатиками, потому что... ну, все дети знают, правда? Да только не было у него игрушек никогда до этого. И отца, который бы их делал, не было тоже. Зато беспризорники, что в Кенабресе, что в Дрезене, отлично умеют швырять друг в друга камни...

— Я так далеко не кину, — усмехнулся он и наугад выбрал одну из фигурок, — но могу рассказать про этого парня... Да, вот про этого, без башки. Он всю жизнь прожил в пещерах, там было темно, сыро и опасно, но он привык. — Ланн поставил фигурку на одеяло и взял еще несколько. — А потом сверху спустились люди, они были все разные — кто с мечом, кто с молотом, а кто... хм... тоже без башки. И он решил посмотреть, что там, наверху? А наверху все было новым и странным...

История вышла так себе, многое пришлось упростить, но мальчик слушал, раскрыв рот. И после того, как Ланн поправился, Эшер стал приносить свои игрушки постоянно, потому что хотел знать, что было дальше. Со временем Ясмин присоединилась к ним, наблюдая за развитием событий со смесью ужаса, недоверия и восторга.

— Да ладно тебе, — смеялась она, — все не так было!

— Свою версию расскажешь завтра, и мы обязательно послушаем, если не уснем, а сегодня жареный дрейк спрыгивает со стола и...

День за днем они все больше походили на то, что Ланн привык называть семьей. С удивлением он обнаружил, что из троих обитателей этого дома он лучше всех знает, что это

такое.

— Я родилась, чтобы мыть мной полы и убирать мной объедки, — как-то раз сказала Ясмин. — И быстро сообразила, что на улице веселее, хоть и опаснее. Там я поняла, что значит быть по-настоящему важной, хоть и приходилось получать за это по зубам. Я убежала из дома раз, другой, третий, потом меня перестали ждать, и я перестала возвращаться.

Она слишком хорошо знала, что дети сбегают не для того, чтобы сбежать. Поэтому она раз за разом отправлялась за Эшером в лес и никогда не ругалась, возвращаясь. Даже если это приходилось делать несколько раз в день.

Когда Ланн в первый раз сбежал вместе с Венду, чтобы исследовать Лабиринт, их искали все монгрелы, способные держать оружие. И хотя дело было скорее в Вендуаг, дочери тогдашнего вождя, Ланн совершенно не сомневался, что отец пошел бы за ним и в одиночку.

«Что же ты творишь? — вздохнул он тогда и положил огромную лапу сыну на плечо. — Ты — самое ценное, что у меня есть...»

Ланн был нужен отцу, и не для того, чтобы выполнять работу, которую тот не мог делать из-за старости и болезней, а для того, чтобы... ну... радоваться каждому оставшемуся дню? Дети — чудесные создания. Смотря на них, невозможно оставаться грустным. И, наблюдая за тем, как Эшер распрямляет спину, говорит громче и понемногу учится улыбаться, Ланн был действительно счастлив. Мальчик перенял осторожную улыбку Ясмин — ее он видел чаще и копировал охотнее.

К середине весны Эшер немного подрос и освоился настолько, чтобы сдружиться с деревенскими детьми. Говорил он все еще немного, но бегал быстрее всех и был совершенно незаменим в командных играх. Как-то раз, вернувшись с прогулки хмурым и злым, он поднялся к себе наверх, немного повозился и отправился обратно уже в новой одежде. Вечером он пришел довольным. То, что не смогли за год сделать двое взрослых, без труда провернула стайка деревенских детей.

Все было хорошо.

Но не долго.

Эшер перестал убегать, он мог оставаться дома как с одним из родителей, так и вовсе один, в конце концов он прожил так первые несколько лет своей жизни. Тем более что после года в деревне он знал почти всех соседей и их детей, и на самом деле один не был. Так что когда Ясмин достала карту и попросила Ланна обойти несложный маршрут не вместе с ней, а вместо нее, он насторожился. Она не нужна Эшеру так уж сильно, он справляется, она знает об этом и гордится им. Она никогда не болеет, с ее способностями это вряд ли возможно.

И все же ей нужно отправить мужа подальше из дома, хотя в этом нет никакой необходимости.

— Если у тебя есть какой-то план, на этот раз я хочу о нем знать.

— Если бы, — отводя глаза, вздохнула она. — Я понятия не имею, что мне делать.

Они не собирались заводить своих детей — никто не хотел рисковать. В этом отражении монгрелы не имели к смерти Савамелеха никакого отношения, он погиб от руки Грейбора и алушниррской гильдии убийц. Не было никаких оснований считать, что племена монгрелов освободились от проклятия, если в убийстве не участвовало ни одно. Никто не знает, как это работает: может, смерти искусителя достаточно, а может и нет.

Все это время они старались быть осторожными друг с другом, но то, как скоро они

ошибутся, было лишь вопросом времени. Ланн обнял свою жену, но так и не нашел в себе сил сказать, что все будет хорошо.

— Не делай глупостей, — вместо этого выдохнул он.

— Все еще считаешь меня чудовищем?

Следующие полгода он был ужасным мужем и отвратительным отцом. Все, что было с таким трудом построено, разваливалось на глазах. Он больше не мог спокойно смотреть в глаза своей жене, не мог терпеть, когда она к нему прикасается — он не имеет права на эту любовь, он втянул ее в то, к чему она отношения не имеет. Это из-за него она будет несчастна всю оставшуюся жизнь, если не случится чудо.

Ланн пытался убедить себя, что должен надеяться на лучшее, но его родители надеялись на лучшее слишком долго и ничего хорошего из этого не вышло. Он был первым и единственным выжившим ребенком в семье, второй не прожил и трех лет, третий и вовсе родился по частям... Демоническая скверна исказила его и убила его братьев, и он не знает, носит ли он ее в крови до сих пор.

Ему не придется уходить, забрав ребенка и потеряв жену и старшего сына. Жители Зимнего Солнца хорошо относятся к нему самому и не станут нападать на его отпрыска, каким бы он ни был... так? Но если их доброта и терпимость держится только на стариках, помнящих резню при Мархевоке, через несколько лет их не останется, и тогда селение вернется к своему обычному состоянию, когда тот, кто не похож на тебя — чужой.

Ясмин не отвернется от своего мужа и ребенка... правда? Риа часто говорила, что любит Кинна и он лучший мужчина на свете. Она учила Ланна, заботилась о нем, помогала залечить полученные в школе ссадины, уверяла, что он чудесный мальчик и она очень любит его тоже... но никакая любовь не помешала ей оставить их обоих однажды.

Рождение больного ребенка выбьет Ясмин из колеи на годы, она больше не сможет защищать людей также, как делает это сейчас. Она не сможет делать то, ради чего живет. Ради чего живут они оба.

Он должен был дать ей уйти, когда была возможность...

И, как будто всего этого было мало, Эшер оказался гораздо умнее Ланна в его возрасте. Если Ланну потребовалось несколько месяцев, чтобы понять, что по сравнению с братом, который в любую минуту может умереть, живой и здоровый ребенок не очень интересует родителей, то Эшер начал огрызаться, стоило ему только понять, что скоро он будет единственным. И чем ближе было появление его брата или сестры, тем неуправляемее он становился. Он без ума любил Ясмин, но если раньше ей стоило сказать лишь слово, чтобы он успокоился, теперь что бы она ни говорила, он злился только сильнее...

И в один далеко не прекрасный день, вбежав на кухню на грохот и крики, Ланн обнаружил Ясмин, стряхивающую остатки супа с груди и округлившегося живота. Дверь, распахнутая во двор, красноречиво намекала, что виновника происшествия придется искать до ночи.

— Ничего, он не горячий, — взяв в руки тряпку, Ясмин махнула ей на дверь. — Попробуй ты, а то я... в последнее время вообще никто не слышит, когда я говорю «я не злюсь» и «ты не виноват».

На удивление Ланн нашел мальчика довольно быстро. Эшер сидел на берегу реки и, не переставая всхлипывать, маленьким ножиком методично срезал свои рыжие волосы — его мать их очень любила, говорила, что он похож на Солнце над песками.

— У нее будет настоящий сын, — заметив Ланна, огрызнулся Эшер, — я ей больше не

нужен!

— Неправда, — сказал Ланн и понял, что если младший ребенок родится больным, то для старшего так оно и будет выглядеть. — Ты ведь тоже настоящий. И ты наш.

Ланн никогда не слышал, чтобы кто-то так ревел — громко, надрывно, до хрипоты. В подземье дети быстро учатся быть тихими, он сам в детстве забивался в самый дальний угол, если что-то шло не так. Эшер определенно был из другого теста. Даже когда Ланн подобрался к нему и осторожно обнял, тот вцепился в него и продолжал орать так, что уши закладывало. И когда уже начало казаться, что это будет длиться вечно, Эшер вдруг набрал в грудь воздуха и замолчал.

— Она разозлится, — мальчик поднял руки к голове и вцепился в остатки шевелюры. — Мама, — осторожно произнес он, будто пробуя слово на вкус, — разозлится. Что если она меня выгонит?

Ясмин много раз говорила ему, что он может ее так называть, но он предпочитал имя. В последнее время он и вовсе ее не слушал...

— Чешуя, когти, рог, куча проблем и она все еще меня не выгнала, — вздохнул Ланн и подумал, что лучше бы она это раньше сделала, сейчас уже поздно. — Спорим, она даже не заметит?

— Ты пойдешь со мной? — подумав, спросил Эшер. — Я всякого натворил, а тебя она любит.

Ланн улыбнулся и кивнул. К несчастью для Ясмин, это действительно так.

Зима в том году наступила рано. Снег завалил все дороги, так что пробраться в лес за дичью рисковали только самые упорные, Ланн был одним из них. И когда он вернулся, волоча за собой по снегу тушу кабана, его встретила старуха Адала. Она помахала ему рукой из-за ограды его собственного дома, призывая идти быстрее.

Бросив веревки на снег, он на миг прикрыл глаза и глубоко вздохнул. Он устал об этом молиться, устал просить малости, которую прочие получают просто так... Ему нужно чудо. Нет, оно нужно им всем четверым. Если за свою глупую жизнь ему удалось сделать хоть что-то хорошее, и если все это было не зря, то всю славу и всю кровь, пролитую на войне и после, он променял бы на одно единственное чудо.

Девочка была крошечной, сморщенной и розовой, как поросенок. Она хмурилась во сне и тихо сопела на кровати рядом с матерью. Словом, она была обыкновенным человеческим младенцем.

— Не делай такое лицо, на тебя страшно смотреть, — все еще бледная, прошептала Ясмин и чуть приподнялась на постели.

— Я сейчас начну рыдать, и вот это будет действительно страшно, — сцепив зубы, выдавил Ланн. — Я брал уроки у мастера, я знаю, как это делается.

Осторожно опустившись на кровать рядом с женой, он склонился и обнял ее только для того, чтобы услышать тихое «я скучала по тебе». Конечно, она не про последние несколько часов, он чувствовал себя таким виноватым, что практически не прикасался к ней последние полгода. Тут не отделаешься одним «прости», придется действительно постараться, чтобы она больше никогда не чувствовала себя в этом доме одинокой.

— У нее глаза твоей матери, — отпуская его, проговорила Ясмин. — Ты бы хотел ее увидеть? Риа?

— Ее сын умер.

— Я ей об этом не говорила.

Должно быть, это нечестно. Но его собственная мать осталась слишком далеко отсюда, и он никогда не сможет вернуться к ней. А одинокая женщина по имени Риа, которая живет где-то здесь, вовсе не виновата в том, что судьба обошлась с ней жестоко. Стоит ли воскрешать перед ней призраков снова?

Слишком сложный вопрос. Ланн подумает об этом позже, сейчас есть вещи поважнее. Монгрелы не дают детям имен до тех пор, пока им не исполнится хотя бы три года. Но его дочери имя понадобится очень скоро.

Будущее редко бывает таким безоблачным, каким рисуют его нам юношеские грезы. Но и редко становится таким ужасным, каким мы видим его в зеркалах нашей памяти. И все же будущее стоит того, чтобы до него дожить.

Больше книг на сайте - Knigoed.net